Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

УДК 811.161.1

Винникова-Закутняя Татьяна Сергеевна

ТРАНСПОЗИЦИЯ И ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Калинкин Валерий Михайлович

Донецк – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ 2

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ТРАНСПОЗИЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КАК ПРОБЛЕМА В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.: МЕТОД И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ 12

1.1. Транспозиция частей речи в русском языкознании как научная проблема 12

1.2. Лингвоисториографическое освещение проблемы транспозиции частей речи в русском языкознании 34

1.3. Терминологический аппарат для описания проблемы транспозиции частей речи 53

1.4. Понятие научного метода 79

1.5. Метод и направления диссертационной работы 83

Выводы к 1 главе. 91

ГЛАВА 2. ИСТОКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСПОЗИЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 95

2.1. Зарождение идей переходности между частями речи в русском языкознании 95

2.2. Переходность частей речи в лингвистических исследованиях первой половины XX в. 108

2.3. Научное наследие А. С. Беднякова и В. В. Виноградова в изучении развития теории переходности частей речи 115

Выводы ко 2 главе. 122

ГЛАВА 3. ТРАНСПОЗИЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 124

3.1. Основные направления исследования транспозиции частей речи в языкознании второй половины XX – начала XXI вв. 124

3.2. Транспозиция частей речи как объект исследования в теориях трансформации и морфологической переходности 135

3.3. Вклад М. Ф. Лукина в развитие теории переходности частей речи 147

3.4. Теория переходности в системе частей речи в лингвистических исследованиях В. В. Шигурова, его учеников и последователей 152

3.5. Трансонимизация как способ онимообразования и предмет лингвоисториографического осмысления достижений русского языкознания 156

Выводы к 3 главе. 167

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 168

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 173

ПРИЛОЖЕНИЯ 222

ВВЕДЕНИЕ

В. И. Вернадский утверждал: “Историю науки и её прошлое должно критически пересматривать каждое научное поколение и не только потому, что меняются наши знания о прошлом, открываются новые документы, находятся новые приемы восстановления прошлого. <…> Каждое поколение исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своей эпохи. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и всегда переоценивает старое, пережитое” [75, с. 218].

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, отсутствием единого мнения о сущности явления транспозиции частей речи, во-вторых, необходимостью комплексного лингвоисториографического изучения вопросов транспозиции и трансонимизации как явления в речевой практике и исследовательской проблемы в истории русского языкознания.

Проблема транспозиции частей речи (далее – ТЧР) неоднозначно освещена в лингвистических исследованиях российских языковедов и относится к разряду дискуссионных в современном языкознании. Важной составляющей при формировании представления о частях речи является необходимость учёта того, что “границы между частями речи являются подвижными” [244, с. 249]. Без учета явления транспозиции частей речи невозможно решить противоречивую лингвистическую проблему – дифференцировать имеющиеся в языке классы слов как части речи. Процессы транспозиции необходимо учитывать при практическом изучении различных языков. Решение теоретических проблем ТЧР крайне актуально для развития современной лексикографии и др.

По транспозиции как возможности перевода знака из одной плоскости языковой категории в другую в лингвистике накоплен значительный по объему фактический материал [15-26, 30–34, 36, 61–62, 75, 77–79, 83–90, 98, 102–104, 104–108, 118–119, 130, 132–133, 140, 153, 155–157, 159, 175–178, 184, 188, 189–192, 215–216, 222, 223, 238, 244, 246–253, 268–270, 276, 286–289, 296–296, 311,

344–345, 349–352, 377–378, 407–408, 411–415, 431, 438, 440 и др.] [1], но он не систематизирован, не отграничен от смежных явлений. Преобладают исследования, в которых охарактеризованы только отдельные виды перехода в системе частей речи. Поэтому оправданными, по нашему мнению, можно считать любые попытки систематизировать очерченный материал, в частности, с лингвоисториографической позиции. Предлагаемое исследование посвящено анализу явления транспозиции как перехода слов из одной части речи в другую именно в лингвоисториографическом аспекте.

Прежде всего, обращает на себя внимание факт недостаточной исследованности лингвоисториографических трудов по проблеме транспозиции частей речи с помощью системного анализа значительного по объему фактического материала. Отдельные комментарии в научных исследованиях О. В. Скороглядовой [357], Е. И. Шендельс [409; 410], Н. А. Каламовой [174], Е. П. Калечиц [178], В. М. Никитевича [288], В. В. Бабайцевой [18; 23], М. Ф. Лукина [251–253], И. К. Зданевича [159], Т. С. Тихомировой [378], О. М. Ким [189; 192; 207], В. И. Кодухова [201], Г. М. Мукан [276], Л. Я. Маловицкого [560], Е. Н. Сидоренко [349], Г. В. Валимовой [71], Р. М. Гайсиной [102; 103], В. Г. Гака [104; 105], И. В. Дьячук [140], В. В. Шигурова [411; 414], Ф. К. Абдурахмановой [1], М. Г. Меркуловой [266], В. Н. Алиевой [4; 5], К. С. Симоновой [354; 355], К. Э. Штайн [419; 420], Т. К. Бардиной [27], Р. В. Вацебы [72], И. В. Высоцкой [95–97], С. М. Еникеевой [144; 145], И. П. Кирсановой [193], Ф. С. Аухадиевой [13], М. В. Резуновой [332], С. В. Соколовой [365], А. Ю. Габай [98], Л. Ж. Норкиной [292] и др. представляют собой общие соображения или замечания относительно взглядов языковедов XIX – начала XXI вв. на явление транспозиции. В целом все историографические сведения о ТЧР до сих пор носят фрагментарный характер и не сведены воедино.

[1]Заметим, что в процессе обращения к трудам, которые вышли в нескольких изданиях, мы ссылаемся, как правило, на распространённое или наиболее доступное, не давая библиографической справки о первом издании, поскольку это перегрузило бы диссертацию информацией непринципиального характера.

Поэтому потребность в историографическом описании ТЧР в речевой практике и научном исследовании явлений обусловлена необходимостью обобщить и систематизировать имеющиеся взгляды.

Актуальность диссертационной работы обусловлена, с одной стороны, отсутствием единого мнения о сущности явления транспозиции частей речи и, в определённой мере, трансонимизации, с другой стороны, недостаточной разработанностью единого терминологического аппарата для обозначения указанных языковых феноменов, и наконец, острой необходимостью историографической систематизации и оценки уже накопленного в лингвистике теоретического материала по транспозиции и трансонимизации в русском языке.

Работа выполнена в рамках научной темы кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» «Интегративные детерминант целостности полиэтнического Донбасса» (шифр 17-1 вв/2, номер государственной регистрации 0117D000067).

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается лингвоисториографическим подходом к изучаемому предмету, конкретностью поставленных задач, применением методов, соответствующих сущности исследуемого явления, значительным объемом изученного материала. Основные положения диссертации апробированы в докладах на научных семинарах кафедры германской и славянской филологии, кафедры русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета и ежегодных научных конференциях указанного вуза (2009 – 2014), на научных семинарах кафедры русского и иностранных языков ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия». Научные доклады по теме диссертации представлялись на Международных (Мариуполь, 2010; Смоленск (Россия), 2010; Полтава, 2011; Полтава, 2012; Краснодар, (Россия), 2012; Горловка – Юрьевка, 2012; Славянск, 2013, Макеевка, 2018) и Всеукраинских (Харьков, 2010 Мариуполь, 2010; Переяслав-Хмельницкий, 2011) конференциях.

Целью работы является комплексное лингвоисториографическое исследование проблемы транспозиции частей речи и трансонимизации в русском языке в лингвистической литературе XIX – начала XXI вв., освещение научных позиций учёных по обозначенной проблеме, обобщение грамматического наследия лингвистов.

Достижение этой цели предусматривает выполнение следующих **основных задач**:

1) выяснение предпосылок теоретического осмысления проблемы транспозиции частей речи в русском языке;

2) определение основных аспектов исследования транспозиции в русском языке;

3) характеристика основных понятий и терминов, используемых лингвистами для обозначения явлений транспозиции в русском языке;

4) осуществление ретроспективного рассмотрения теорий относительно транспозиции частей речи, в частности, определение этапов формирования соответствующих лингвистических идей в трудах и отдельных замечаниях языковедов XIX – начала XXI вв.;

5) анализ взглядов языковедов-ономатологов на проблемы трансонимизации;

6) определение перспектив дальнейшего исследования транспозиции и трансонимизации в русском языке исходя из зафиксированного лингвистами состояния изученности проблем.

Объектом исследования являются научные тексты российских лингвистов XIX – начала XXI вв., посвященные учению о частях речи, ономастике, и, в частности, проблеме транспозиции и трансонимизации.

Предмет исследования – лингвистические концепции XIX – начала XXI вв.относительно явлений транспозиции и трансонимизации, их развития; суждения и теоретические утверждения ученых этого периода по проблеме ТЧР и трансонимизации в русском языке.

Научная новизна диссертации определяется комплексным лингвоисториографическим подходом к исследованию генезиса лингвистической мысли относительно явлений транспозиции частей речи в русском языке в XIX – начале XXI вв. и трансонимизации во второй половине XX – начале XXI вв.

В исследовании проанализированы многочисленные научные работы учёных XIX – начала XXI вв., в том числе и малоизвестных. Обобщены взгляды на проблему транспозиции частей речи Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Г. П. Павского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. С. Беднякова, О. В. Скороглядовой, А. И. Смирницкого, Ш. Балли, В. Н. Мигирина, О. Есперсена, Л. Теньера, О. Лешки, Г. П. Пауля, З. С. Харриса, М. Докулила, Е. Куриловича, В. М. Никитевича, В. Хенцена, В. В. Бабайцевой, Е. С. Кубряковой, М. Ф. Лукина, Г. Марчанда, И. К. Зданевича, Т. С. Тихомировой, О. М. Ким, А. Я. Баудера, Л. В. Бортэ, Е. Н. Сидоренко, В. Я. Кузнецова, В. Г. Гака, В. В. Шигурова, И. Я. Сидоренко, О. П. Кушлик, Ю. А. Карпенко, И. К. Кучеренко, П. А. Леканта, Е. А. Селивановой и др., чьи труды лингвоисториографы исследовали бегло или вообще не исследовали. Оценка проведена с учётом эволюции взглядов языковедов на различные аспекты затронутой проблематики. Лингвоисториографическое исследование явления транспозиции частей речи позволяет сделать выводы о степени его изученности в отечественной лингвистике и определить перспективы дальнейшей разработки вопросов.

Теоретическое значение диссертационной работы. Исследование лингвистических концепций по транспозиции частей речи связано с разработкой методики лингвоисториографического исследования, которая опирается на систематизацию значительного по объему фактического материала путём объединения хронологического и концептуального подходов к его упорядочиванию. Наличие в русском и зарубежном языкознании концепций, отрицающих друг друга, является причиной выделения существенных тезисов и аргументов в их пользу, опирающихся, прежде всего, на принципы

объективности, историзма, причинности, системности и общей связи явлений, что должно способствовать раскрытию закономерностей в формировании и развитии научных гипотез и теорий. Результаты научной работы могут служить основой для дальнейшей разработки вопроса о транспозиции частей речи. Предложенная методика анализа актуальных проблем историографии языкознания может быть применена при исследовании транспозиции как языкового явления в широком смысле, а также при исследовании определённых разновидностей транспозиции частей речи.

Практическую ценность диссертации определяет то, что её концептуальные основы, систематизированный и обобщённый в ней фактический материал, применённая методика способствуют решению актуальных проблем лингвистической историографии и могут быть использованы в дальнейших лингвоисториографических исследованиях. Полученные результаты можно применять для написания учебников, методических пособий и грамматических справочников, а также использовать в научно-поисковой работе аспирантов и студентов, при изучении курсов «Современный русский литературный язык», «Общее языкознание», «История лингвистических учений», «Введение в языкознание», в чтении спецкурсов «Переходные явления в системе частей речи», «Современные аспекты лингвистики» и т. п. Отдельные материалы диссертации предлагаем вводить и на факультативных занятиях по русскому языку в общеобразовательных школах.

Методология исследования опирается на принцип историзма, согласно которому каждое явление истории лингвистики должно быть соотнесено с современным представлением о том или ином вопросе, ведь без этого невозможно выяснить место определённого лингвистического труда в поступательном движении развития науки, а также на принципы причинности, системности и всеобщей связи явлений, без использования которых лингвоисториографический анализ невозможен. Актуалистический метод В. А. Глущенко позволяет с помощью современных знаний проследить развитие объекта в прошлом и

предусмотреть отдельные тенденции его дальнейшего развития. Все концепции проанализированы в динамике их эволюции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие языковой системы русского языка обусловлено не только появлением новых лексем, но и спецификой перераспределения уже имеющихся в языке лексических единиц в результате влияния явлений транспозиции.

2. Единого мнения относительно явления транспозиции в настоящее время не существует (в исследованиях имеются как бесспорные достижения, так и очевидные недостатки).

3. В современной науке отсутствует системный анализ трудов, посвящённых явлениям переходности частей речи, что делает лингвоисториографическое исследование затронутой проблемы крайне необходимым и актуальным.

4. Необходимым структурным компонентом лингвоисториографического исследования является анализ терминов и понятий конкретной теории, выявление их содержания и существенных признаков, установление их места, связей и роли в понятийном аппарате теории. Совершенствование терминологической базы позволяет сформировать единый терминоаппарат по обозначенной проблеме.

5. Потребность применения актуалистического метода обусловлена тем, что в лингвистической историографии теория любого предмета исследования одновременно является его историей. Изучая современность, мы частично анализируем и прошлое.

6. Теоретическому исследованию транспозиции частей речи предшествовали наблюдения над конкретными проявлениями переходности. Они стали основой языковедческих традиций исследования переходных явлений в морфологии.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается лингвоисториографическим подходом к изучаемому предмету, конкретностью поставленных задач, применением методов, соответствующих сущности

исследуемого явления, значительным объемом изученного материала. Основные положения диссертации апробированы в виде докладов на научных семинарах кафедры германской и славянской филологии, кафедры русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета, на ежегодных научных конференциях указанного вуза (2009 – 2014), на научных семинарах кафедры русского и иностранных языков ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия». Научные доклады по теме диссертации представлены на Международных (Мариуполь, 2010; Смоленск, Российская Федерация, 2010; Полтава, 2011; Полтава, 2012; Краснодар, Российская Федерация, 2012; Горловка – Юрьевка, 2012; Славянск, 2013; Макеевка, 2018) и Всеукраинских (Харьков, 2010; Мариуполь, 2010; Переяслав-Хмельницкий, 2011) конференциях.

Личный вклад заключается в систематизации лингвистических позиций российских учёных XIX – начала XXI вв. относительно явления транспозиции частей речи, в выявлении их сильных и слабых положений, в определении места определённых грамматистов в поступательном движении лингвистической науки. Диссертационная работа выполнена самостоятельно, важнейшие научные результаты, положения, выводы получены автором лично. Научных трудов, написанных в соавторстве, нет.

Публикации. Проблематика диссертации, её теоретические и практические результаты изложены в 28 публикациях; среди них – 14 статей в научных изданиях, из которых 7 – в научных специализированных изданиях, 2 – в зарубежных изданиях; 14 публикаций представлены в сборниках тезисов и материалов конференций.

Структура и объём диссертации. Структура исследования обусловлена его целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка литературы и приложения. Общий объём диссертации – 227 страниц, из них основного текста – 171 страница. Список использованной литературы содержит 440 позиций.

ГЛАВА 1. ТРАНСПОЗИЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КАК ПРОБЛЕМА В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.: МЕТОД И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Транспозиция частей речи в русском языкознании как научная проблема

В русском языке (и не только) наблюдается противостояние двух различных тенденций развития: к устойчивости, постоянству и к непрерывным изменениям. Вторая тенденция находит своё выражение в переходе слов из одной части речи (категории, класса) в другую.

Неоспоримым является тот факт, что каждая часть речи (а части речи не являются замкнутыми, обособленными друг от друга группами слов) имеет в своём составе как слова, которые формируют её ядро, основу, определённый класс, так и слова, которые могут принадлежать и другим классам. Между отдельными классами слов не существует четко очерченных границ – они постоянно находятся в своеобразном движении и взаимодействии; отдельные единицы могут переходить из одного класса в другой, реагируя на развитие грамматического строя речи в целом. Переход сопровождается потерей исходных, первичных грамматических качеств и появлением новых, что, в частности, приводит к внутренним семантическим и функциональным сдвигам в этих единицах.

Вопрос перехода слов из одной части речи в другую полностью ещё не изучен, в его решении немало дискуссионных моментов. Нужно отметить, что проблема переходности частей речи в русском языке охватывает ряд

вопросов, связанных с комплексом лексико-грамматических проблем функционирования языка: номинацию и ряд проблем слова, в частности, семантическую структуру слова и характер изменения в его лексическом значении, категорийные преобразования в слове, разграничение синхронии и диахронии при переходе, экстралингвистические факторы переходных явлений и тому подобное. Такое многоплановое рассмотрение взаимодействия языковых процессов позволяет лингвистам объяснять переход частей речи в теоретическом аспекте разнотипными преобразованиями и, соответственно, толковать его по-разному [220, с. 5].

Переходные явления учёные исследуют разнопланово как проблемы: 1) перехода и переходности; 2) взаимоперехода частей речи; 3) процессов грамматической омонимии, омонимии между частями речи, функциональной омонимии и тому подобное; 4) транспозиции; 5) конверсии; 6) морфолого-синтаксического словообразования; 7) деривации; 8) взаимодействия между частями речи; 9) трансформации; 10) трансориентации; 11) синкретизма; 12) контаминации; 13) теории современных функционально-грамматических исследований и тому подобное. Диапазон “транспозиционных” проблем, которые изучают в современном языкознании, чрезвычайно широк. Понятно, что все указанные процессы взаимосвязаны, но не являются тождественными. Надо учитывать и то, что исследование явлений переходности в дальнейшем требует характеристики переходных явлений в свете новейших проблем, выявления общих и конкретных закономерностей переходных явлений на уровне частей речи, определения статуса промежуточных образований, унифицированного представления функциональных омонимов и гибридных слов в лексикографической практике, определения синкретического и контаминационного направлений в исследовании ТЧР и т. д. [296, с. 82].

Исследование явления ТЧР в русском языке началось не с решения теоретических проблем, а с анализа конкретных фактов перехода[2] среди частей речи и характеристики случаев “замены частей речи” (термин А. М. Пешковского). Соответственно, в грамматической традиции транспозицию на уровне частей речи обычно трактовали как переход одной части речи в другую.

Явление перехода (слов) толкуют как обретение отдельными членами определённой части речи семантико-синтаксических признаков, свойственных другой части речи [14, с. 320]. Именно так квалифицировали переход Н. И. Греч, А. Х. Востоков, Г. П. Павский, А. А. Потебня, Н. В. Крушевский, Ф. И. Буслаев, Л. В. Щерба, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, С. Г. Бережков, А. С. Бедняков, О. В. Скороглядова, Е. Т. Черкасова, Н. А. Каламова, В. Ф. Иванова, В. М. Никитевич, М. Ф. Лукин, В. В. Бабайцева, И. К. Зданевич, Л. П. Калакуцкая, М. С. Бунина, Г. М. Мукан, С. Г. Ильенко, Е. Н. Сидоренко, Н. В. Потапешкина, Л. Д. Чеснокова, И. Я. Сидоренко, Н. А. Бондарь, Е. Б. Волошина, М. В. Резунова и др.

Переходность в нашем исследовании характеризуем как лингвистическое явление, вызванное способностью языковых единиц к

---

[2] Слово “переход” чаще употребляется не как самостоятельный термин, а как компонент составных грамматических терминов: *переход частей речи, переход одной части речи в другую, частеречный переход* и тому подобное. Кроме этого, понятие *переход* толкуют как: 1) преобразование лексико-семантических свойств слов в пределах одной части речи; 2) преобразование собственных существительных в общие названия; 3) переход слова в предложение или предложения в слово или словосочетание (синоним – *транспонирование*); 4) изменение звуков в процессе исторического развития языка; 5) изменение положения речевых органов, что обусловливается последовательным чередованием артикуляций или чередованием состояний покоя и работы при образовании звуков и т. д. [Группа 1].

лексическому и грамматическому преобразованию[3]. Явления переходности имеют многоаспектный характер и могут быть исследованы на разных языковых уровнях – лексическом, фразеологическом, морфологическом, синтаксическом, словообразовательном и др. [19; 270; 201; 150; 346; 226; 132; 127; 209; 27; 74; 404 и т. д.].

Переходность в плоскости частей речи изучают, как правило, в двух направлениях: 1) как диахронную трансформацию, при которой слово из одной части речи переходит в другую полностью, сохраняя свою звуковую и графическую форму, при этом теряя дифференциальные признаки исходной части речи и приобретая дифференциальные признаки новой части речи [268; 269]; 2) переходность отождествляют с гибридностью, контаминацией: в этом случае в одном слове сочетаются некоторые признаки (иногда – в трансформированном виде) двух частей речи одновременно [15; 349; 350].

К лингвистическим причинам, обусловливающим явление переходности, исследователи причисляют: 1) многоаспектность единиц языка / речи; 2) отсутствие в языке имеющихся конструкций для выражения мысли; 3) стремление к экономии языковых средств; 4) необходимость в дифференциации смысловых связей и отношений [130, с. 2].

Как отдельное направление в исследовании перехода / переходности среди частей речи можно выделить научную проблему т. н. взаимоперехода частей речи. Об этом лингвистическом явлении говорится в научных исследованиях В. Хенцена (W. Henzen), В. М. Никитевича[4], Г. В. Дагурова,

---

[3] В приведенном значении *переходность* является не самостоятельным термином, а компонентом составных грамматических терминов, таких как: *морфологическая переходность, переходность на уровне частей речи, явления переходности в системе частей речи* и тому подобное. Напомним, что понятие *переходность* [Группа 2] в одном из значений трактуют как лексико-синтаксическую категорию глагола, синоним – *транзитивность* [14, с. 320].

[4] В. М. Никитевича считают основателем т. н. теории взаимоперехода частей речи [286].

А. Е. Супруна, А. Ф. Гайнутдиновой и др. [438; 286; 129; 375; 100; 101; 263; 109]; такую позицию разделяют авторы «Грамматики-60» [121]. Г. В. Дагуров, в частности, постулирует, что взаимопереход частей речи – это общий закон, присущий языку. Он настолько очевиден, что, пожалуй, никто не усомнится в его существовании [129, с. 135]. М. Ф. Лукин, напротив, утверждает, что переходность не имеет обратной силы, поскольку не наблюдается ни возвращения трансформ в начальную часть речи, ни обратной трансформации [250, с. 32]. Мнение М. Ф. Лукина разделяют В. Н. Мигирин, Л. В. Бортэ и др. В частности, Л. В. Бортэ считает, что “взаимопереход частей речи вряд ли возможен” [61, с. 100]. Действительно, в конфигурации частей речи наблюдаются переходные явления: существительное → наречие; прилагательное → наречие, существительное; причастие → прилагательное, деепричастие → наречие и т. д., но не наоборот [61, с. 100]. В последние годы появились исследования, посвященные т. н. взаимонаправленной деривационной транспозиции (И. С. Улуханов [383]).

Многочисленные случаи переходности рассмотрены в работах В. В. Виноградова [77–79], где основное внимание уделено морфологическому строению слова, чем обусловлено использование термина *омонимия* или *грамматическая омонимия* [Группа 9], поскольку до этого переходность не связывали с морфологическим строением [140, с. 42; 175, с. 11–12] [5].

---

[5] После появления статьи В. В. Виноградова «О грамматической омонимии в современном русском языке» [78], в которой явления переходности были объяснены как грамматическая омонимия, именно этот термин долгое время оставался признанным в научной грамматике и использовался в вузовском преподавании. В школьной грамматике, по-прежнему, рассматривали *переход прилагательных в существительные* и т. д., а не омонимию грамматических форм этих частей речи. Школьный термин *переход слов из одной части речи в другую* является

Впервые омонимы, принадлежащие к разным частям речи, отметил Л. А. Булаховский. В. В. Виноградов называл такие омонимы грамматическими, а позднее – лексико-морфологическими, Р. А. Будагов – морфологическими, А. И. Смирницкий – лексико-грамматическими, О. М. Ким – транспозиционными, О. С. Ахманова, Т. В. Жеребило – функциональными, Н. Глебчук – межчастеречными [23, с. 193; 108, с. 387; 123, с. 123] [6].

Омонимами между частями речи учёные считают “слова или их отдельные грамматические формы (омоформы), которые, сохраняя семантические связи на уровне лексических значений (поскольку это однокоренные слова), приобрели грамматико-категориальные значения” [382, с. 402]. Причём определение статуса части речи многих таких слов вызывает большие трудности[7]: разнобой обусловлен отсутствием объективных критериев выделения омонимов между частями речи, возникающих при переходе слов из одного лексико-грамматического класса в другой, сложностью процесса изменения или потери словом, которое трансформируется, совокупности лексико-семантических, морфологических и синтаксических признаков, присущих ему до начала процесса перехода, и приобретение семантико-грамматических свойств той части речи, в которую переходит слово [108, с. 387].

общепринятым, но специальный лингвистический термин *транспозиция* удобнее школьного, так как является более лаконичным [123, с. 7].

[6] Грамматическая омонимия как одна из форм проявления многозначности языкового знака по своей лингвистической сущности (разным определяемым соответствует то же определяющее) усложняет процесс вербального общения и автоматического анализа текста. Поэтому эта проблема не теряет своей актуальности в трудах как зарубежных, так и отечественных языковедов, таких как: Е. И. Шендельс, Л. В. Малаховского, О. П. Кушлик и др. [63, с. 87].

[7] Иногда одни и те же звуковые комплексы в одном словаре квалифицированы как омонимы, а в другом – как отдельные значения полисемичной единицы.

Разноаспектному явлению грамматической омонимии посвящены научные исследования отечественных и зарубежных языковедов Л. С. Бархударова, М. Я. Блоха, Н. С. Борисенко, В. В. Виноградова, И. Г. Данилюка, И. П. Ивановой, Б. А. Ильиша, Дж. Иствуда, Л. Кицылы, И. П. Крыловой, О. П. Кушлик, Л. В. Малаховского, Ф. И. Маулера, М. С. Миловановой, Л. Н. Пинчук и др. [317, с. 64; 108, с. 387].

В современной российской лингвистике выделены три направления решения проблемы грамматической омонимии: 1) т. н. упрощение – выделяют две группы омонимов: лексические омонимы и другие омонимы без терминологического разграничения разнородных типов среди них; 2) т. н. детализация – обозначают ряд групп омонимов, для обозначения которых пользуются осложнёнными терминами. Так, О. М. Ким выделяет 16 типов омонимов в русском языке: функционально-грамматические омонимы, сугубо функциональные омонимы, словообразовательно-функционально-грамматические омонимы и т. д. [192]; 3) т. н. оптимизация – компромиссное сочетание тенденций первого и второго типов. Как результат оптимизации составлена система из семи групп омонимов, в которой использованы простые термины, а также разграничены разнородные явления [123]. Сторонники третьего направления исследования явления омонимии в процессе транспозиции при анализе проблемы взаимосвязей между явлениями переходности и омонимии, различают грамматические омонимы (слова разных частей речи, тождественные по написанию и произношению, но разные по лексическим значениям) и функциональные омонимы (слова разных частей речи, одинаковые по написанию и произношению, но, в отличие от грамматических омонимов, связанные этимологически) [60; 61; 225; 258; 259; 262; 271; 317; 351; 362; 363; 409; 416 и т. д.].

Исследование возможностей перевода знака из одной категории в другую как явления транспозиции (в разных её значениях) начали европейские языковеды: Ш. Балли сформулировал концепцию

функциональной транспозиции, (термин *транспозиция* [Группа 3] в научный оборот ввёл именно он), О. Есперсен, А. Сеше, А. Фрей, Л. Теньер (применили термин *трансляция*). Предложенной Е. Куриловичем дифференциации типов межчастеречных переходов транспозиции соответствует синтаксическая деривация (термин *деривация* ввёл именно Ежи Курилович в 30-е гг. XX в.)[8].

На современном этапе транспозицию толкуют в широком и узком смысле: а) в широком понимании транспозиция – это любое переносное употребление языковой формы, в частности, употребление настоящего времени вместо прошедшего или будущего, функционирование повелительного наклонения в значении условного, использование повествовательного предложения в роли побудительного и т. д.; этот термин распространяется также и для обозначения метафорического и др. переноса значения слов [51; 58]; б) в узком смысле транспозиция (или функциональная транспозиция) свидетельствует о переходе слова из одной части речи в другую или его использовании в функции другой части речи[9] [378, с. 79; 140, с. 42; 105, с. 519; 308, с. 64; 382, с. 639; 98, с. 15 и др.].

По мнению Е. А. Селивановой, транспозиция в лингвистике исследуется в трех языковедческих плоскостях, а именно:

1) в словообразовании под транспозицией понимают “тип отношений между образующей и производной основами слова, при котором образующая

---

[8] Концепцию функциональной транспозиции (трансляции) считают основой трансформационного анализа, теоретические основы которого заложены американским лингвистом З. Харрисом [394] в трудах начала 50-х гг. XX в.. Другой американский лингвист Н. Хомский попытался применить трансформационный метод как составную часть предложенной им порождающей грамматики [398].

[9] Кроме этого, под транспозицией в лингвистике понимают положительный перенос знаний родного языка на изучение неродного языка, что позволяет быстрее и лучше изучить другой язык.

и производная основы имеют одинаковое понятийное ядро, однако различаются как части речи. Транспозиция глаголов и качественных прилагательных предусматривает создание абстрактных существительных *(читать – чтение; петь – пение; молодой – молодость, щедрый – щедрость),* транспозитивными для прилагательных являются производные от них качественные наречия (веселый – весело), для существительных, по мнению некоторых лингвистов, такими являются относительные прилагательные (стекло – стеклянный) и т. д.” [345, с. 748]; в словообразовательном значении слова транспозиция охватывает также “случаи неморфологического морфолого-синтаксического способа словообразования как перехода из одной части речи в другую без изменений слова” [345]. Именно так трактуют транспозицию, в частности, Ш. Балли [26], О. Есперсен [143], Л. Теньер [377], О. Лешка [439], Г. Пауль [310] Л. А. Новиков [291], В. В. Лопатин [245], Т. В. Лыкова [255], С. И. Фетисова [388], П. М. Каращук [182], Л. В. Кушнина [226], Ю. Н. Гребенева [123] и др.; 2) в морфологии транспозицию истолковывают как “использование одной грамматической формы в значении другой в пределах одной парадигматической оппозиции. Глаголам свойственна транспозиция способа действия, лица, числа, времени; существительным – транспозиция числа, местоимениям – транспозиция лица, числа; качественным прилагательным и наречиям – транспозиция степеней сравнения и т. д.” [345, с. 748]. Такой подход активно применяют в научных исследованиях Е. И. Шендельс, М. Г. Меркулова, Е. Н. Ремчукова, Л. С. Фоминых, К. С. Симонова и др. [410; 266; 333; 390; 355]; 3) в синтаксисе транспозиция – это использование “частей речи в функции неморфологизированных членов предложения (например, существительного в функции определения, инфинитива в функции подлежащего и т. д.), а также одного коммуникативного типа предложения в значении другого (например, вопросительного предложения в значении повествовательного)” [345, с. 748]; в этом аспекте транспозиция

исследуется, в частности, в связи с вопросами синтаксической синонимии, семантического синтаксиса и тому подобное. “Синтаксически” изучают транспозицию Д. С. Уорс, В. Н. Мигирин, А. С. Мельничук и др. [384; 270; 264; 86; 127; 98].

Другой подход в исследовании транспозиции наблюдаем при выделении двух степеней транспозиции: 1) неполная, или синтаксическая, транспозиция, при которой изменяется только синтаксическая функция исходной единицы без изменения ее морфологической принадлежности к соответствующей части речи; 2) полная, или морфологическая, транспозиция, когда образовано слово другой части речи. Средствами выражения морфологической транспозиции является аффиксация и конверсия [382, с. 639; 98, с. 15].

В современном языкознании как научные проблемы исследуют: а) конкретные разновидности транспозиции [28; 42; 50; 57; 85; 97; 98; 100; 101; 116; 125; 126; 140; 142; 173; 296; 298; 313; 347; 360; 361; 364; 395; 411; 415; 429]; б) функции транспозиции как языкового явления [334]; в) транспозиционный потенциал отдельных частей речи [365]; г) связи между транспозицией и т. н. смежными явлениями [1, 10; 192; 239; 256; 288; 289; 370 и т. д.], в частности, разграничение омонимии и полисемии на уровне лексем [108] и т. д.; д) лексико-семантические [31], лексико-морфологические [190] и структурно-семантические [188] особенности транспозиции частей речи; е) словообразовательные [32], методические [170; 337], ономасиологические [188], стилистические [74; 393] или функционально-семантические [280; 292] аспекты транспозиции; ж) экспрессивные возможности транспозиции в речи [227; 290]; з) особенности переходных явлений в системе полнозначных или неполнозначных частей речи на материале художественных произведений [234] и т. д.

Традиционно с транспозицией частей речи, когда слово из одной части речи транспортируется в другую, отождествляют конверсию[10] [Группа 10], которая была предметом многочисленных лингвистических дискуссий, в которых участвовали А. И. Смирницкий, М. Г. Корлэтяну, В. В. Пассек, Ю. А. Жлуктенко, В. В. Белый, А. Е. Михневич, В. М. Жирмунский, Б. А. Ильиш, В. М. Никитевич, Л. С. Бархударов и Д. А. И. А. Мельчук, В. В. Гапеев, И. П. Иванова, М. Я. Блох, И. В. Никитенко, И. П. Крылова и Е. М. Гордон, Ф. С. Аухадиева, М. В. Карапетян, А. А. Ривлина, С. П. Татаранюк и др. [359; 207; 309; 149; 41; 272; 148; 171; 288; 29; 265; 107; 169; 52; 285; 214; 237; 13; 181; 335; 376].

Конверсия (от лат. conversiō – преобразование, изменение) [Группа 10]: а) в узком смысле – способ словообразования нового слова при переходе основы слова в другую словоизменительную парадигму. Обычно, образованная лексема относится к другой части речи. По словам Е. А. Селивановой, конверсия в этом смысле – это “неморфологический,

---

[10] Утверждение о том, что конверсия может рассматриваться как транспозиция находим в трудах Е. Куриловича, Е. Земской, Е. Кубряковой, Н. Лебедь и др. [222, 164, 215, 234]. Термин *конверсия* в лингвистике чаще применяют в германистике и романистике. Впервые термин *конверсия* использовал Г. Суит в 1898 году в первой грамматике английского языка [см. об этом: 181]. Для обозначения явления конверсии в лингвистической литературе зафиксированы различные терминологические версии: *конверсия, транспозиция, гипостазис, функциональное передвижение, функциональный сдвиг, семантический сдвиг, корневое, или бессуффиксальное словообразование, безаффиксное образование, изменение функции, несобственно деривация, нулевая суффиксация, нулевая деривация* и тому подобное. После критического пересмотра применяемых для обозначения явления конверсии терминов И. В. Арнольд пришла к выводу о доминировании термина *конверсия* (в смысле – безаффиксное образование слова одной части речи от слова другой части речи, которое сопровождается семантическим сдвигом) [10].

морфолого-синтаксический способ образования слов как переход одной части речи в другую без участия аффиксов. Следствием конверсии является изменение грамматической парадигмы, синтаксических признаков и общего категориального значения при сохранении или изменении понятийного содержания (например, рус. *блестящий* – причастие и существительное)" [345, с. 279]. Наиболее распространенной является конверсия как способ словообразования в тех языках, где большинство морфем являются нулевыми (английский или китайский). Такое понимание конверсии (собственно словообразовательного процесса) предлагал, например, А. И. Смирницкий [358; 359)][11]; б) в широком смысле – любое изменение синтагматики (сочетаемости) языкового знака (не обязательно слова). При такой трактовке проявлениями конверсии можно считать, в частности, употребление слов одной части речи в функции других, например: *моё второе я* (местоимение я → существительное); *большое спасибо* (междометие → существительное), *дежурный* (прилагательное → существительное) и др. Такое понимание конверсии позиционирует, в частности, И. А. Мельчук [265]. Такие процессы отличаются от конверсии в

---

[11] Конверсия, по мнению А. И. Смирницкого, – это такой вид словообразования, при котором словообразовательным средством служит только парадигма слова [358, с. 71], то есть проблема перехода слов из одной части речи в другую решается преимущественно в словообразовательном аспекте. Но в концепции А. И. Смирницкого не всё приемлемо, некоторые утверждения противоречат друг другу. Достаточно обоснованную оценку учению А. И. Смирницкого по конверсии, на наш взгляд, дал Ю. А. Жлуктенко. По мнению исследователя, заслугой А. И. Смирницкого является то, что он рассматривал конверсию в словообразовании; хотя А. И. Смирницкий неправильно считал, что достаточно лишь парадигмы, чтобы морфологически оформить слово, не принимая во внимание весь комплекс дифференциальных признаков слова как репрезентанта конкретной части речи – синтаксические связи с другими словами в предложении, общее категорийное значение и тому подобное. [149 с. 54–55].

узком понимании не очень существенно: в основном, отличие заключается в степени регулярности; в) конверсию иногда трактуют как синтаксическую деривацию – создание слова другой части речи при условии сохранения понятийного содержания в основе (рус. *справедливый – справедливость, стирать – стиральный, золото – золотой)* [345, с. 280][12].

Трактовку конверсии как морфолого-синтаксического способа словообразования, с помощью которого слова приобретают новые структурно-грамматические особенности и синтаксические функции, разделяют многие исследователи, например: В. В. Пассек, И. В. Арнольд и др. [92, с. 18]. При этом авторы отмечают, что термин *конверсия* является наиболее удачным, потому что в нём учтены все уровни перехода: синтаксический, морфологический, семантический и деривационный [92, с. 18]. Вспомним и противоположное мнение о конверсии: А. Т. Кривоносов категорически отрицал конверсию как один из способов словообразования; разделяя мнение М. Д. Степановой [369, с. 94–95], учёный отмечал, что только изменение синтаксической дистрибуции позволяет “переходить” одной части речи в другую [212, с. 94].

В. М. Никитевич предлагает различать собственно конверсию (обязательно меняется вторая классификационная составляющая слова) и транспозицию на уровне частей речи (вторая составляющая слова материально в самом слове не меняется, а её производное значение обусловлено синтаксически) [288, с. 107].

---

[12] В зарубежном языкознании понятие *конверсии* в целом связано с той же проблематикой, что и понятие перехода частей речи в русской лингвистической литературе. А. Кеннеди говорит о возможности слова принадлежать одновременно “двум разным частям речи”; О. Есперсен рассматривает конверсию как употребление одной и той же формы в разных значениях; Ж. Вандриес – как использование одного и того же слова в функциях разных частей речи [158, с. 6; 288, с. 104].

По мнению большинства лингвистов, конверсия является более сложным процессом, чем механическая “транспортировка” лексических единиц из одного лексико-грамматического класса в другой, поэтому исследователи предлагают в случае с конверсией говорить о *функциональной трансориентации* [Группа 8] лексических единиц, «поскольку изменение (синтаксических и морфологических) признаков транспонендов (исходных форм) является лишь одним из последствий модификации функционально-прагматической “ориентации” исходного слова. Функциональная трансориентация предусматривает полное обновление функциональной парадигмы исходной единицы, модификацию её семантики, изменение дистрибуции» [145, с. 240–241].

Итак, в современных научных исследованиях конверсию определяют как специфический морфолого-синтаксико-семантический способ словообразования, характерными чертами которого являются: 1) полное сохранение экспонента исходного знака “внешней формы слова” и отсутствие линейных словообразовательных средств, то есть новые слова возникают без изменения основной формы исходного слова, а именно без добавления или изменения каких-либо морфем; 2) обязательное изменение синтаксической функции исходной лексической единицы; 3) обновление парадигмы лексической единицы в сравнении с образующей; 4) модификация семантики образующей лексемы [267, с. 121; 187, с. 40, 145, с. 240–241; 91, с. 198; 376, с. 219 и т. д.].

В то же время конверсия существенно отличается от переходности, поскольку при конверсии изменяется вся система флексий, при переходе частей речи этого не происходит. Кроме того, при переходе слов из одной части речи в другую “новая лексическая единица создается не в результате однократного акта словообразования, как при любом морфологическом словообразовании, в том числе и конверсии, – а является продуктом более

или менее длительного употребления” [378, с. 79]. А такая позиция делает почти невозможным сопоставление переходности с конверсией [220, с. 5–6].

Е. А. Селиванова констатирует, что к транспозиции можно отнести и “случаи неморфологического морфолого-синтаксического способа словообразования как перехода из одной части речи в другую без изменений строения слова” [345, с. 748]. Итак, одним из аспектов исследования явления переходности среди частей речи является анализ транспозиционного лингвистического материала в области способа словообразования (в широком смысле). На уровне словообразования транспозицию частей речи связывают с такими типами: 1) *морфолого-синтаксический тип (способ) словообразования*[13] *(морфолого-синтаксическое словообразование)* (Н. И. Греч, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, Е. П. Калечиц – о переходе в узком значении слова; М. Ф. Лукин, Г. М. Мукан, С. А. Остапенко, Н. А. Бондарь, Е. А. Селиванова, Е. Б. Волошина, Ю. Н. Гребенева); 2) *синтаксически-морфологический тип словообразования* (В. В. Виноградов); 3) *безаффиксальное (безаффиксное) словообразование* (Ю. Н. Гребенева)[14]; в научных исследованиях А. И. Смирницкий переход в системе частей речи также отождествляет с *безаффиксным способом словообразования* и определяет как *конверсию*; 4) *лексико-семантическое словообразование* (А. А. Потебня, Л. Б. Перльмуттер, В. М. Никитевич, В. В. Лопатин, М. И. Смольянинова); 5) *синтаксическое словообразование* (А. А. Шахматов, А. С. Бедняков, О. В. Скороглядова); 6) *лексико-*

---

[13]Морфолого-синтаксический способ словообразования признают в современной науке не все языковеды. Так, составители «Грамматики-70» [122] не включили его в способы словообразования, ничем не аргументируя такой подход [175, с. 13–14].

[14] Транспозиция, по мнению Ю. Н. Гребеневой, – это безаффиксальный (морфолого-синтаксический) способ словообразования. Термин *транспозиция* является тождественным описательному термину *переход слов из одной части речи в другую* [123, с. 7].

синтаксическое словообразование (С. Д. Липкин); 7) *транспозиционное словообразование* (В. В. Богданов[15]); 8) *морфологическое словообразование* (Г. П. Павский, Е. П. Калечиц – о переходе в широком смысле слова); 9) *морфолого-синтаксически-семантический способ словообразования* (С. П. Татаранюк); 10) *невыраженная производность* (Е. С. Кубрякова); 11) *обратное словообразование* (А. В. Мячина) и др. [Группа 4].

Таким образом, в российском языкознании на современном этапе нет устоявшейся позиции по терминологическому аппарату явления перехода слова из одной части речи в словообразовательном аспекте (транспозиция в узком смысле) [250, с. 10].

Большинство учёных считают целесообразной квалификацию этого способа словообразования как морфолого-синтаксического, поскольку именно такой термин освещает тесную связь морфологии и синтаксиса: слова меняют свою принадлежность к той или иной части речи в определённых синтаксических условиях, то есть когда употребляются во вторичной (трансформационной) синтаксической функции [23, с. 74]. Морфолого-синтаксический способ словообразования трактуют как т. н. полный переход (полную транспозицию), при котором функционирование слова одной части речи в значении другой обусловило возникновение новой лексической единицы, омонимичной к образующему слову (речь идёт о т. н. лексических омонимах)[16] [276, с. 16].

---

[15] Транспозиционное словообразование, по В. В. Богданову, совпадает с синтаксической деривацией, то есть переходом слова из одной части речи в другую без изменений в его лексическом значении [53, с. 171].

[16] В других случаях конкретное слово одной части речи воспринимается как принадлежащее другому лексико-грамматическому разряду только в определённом словесном окружении (синтаксический переход), вследствие чего возникают функциональные, а не лексические омонимы. Надо отметить, что не всегда можно разграничить лексические и функциональные омонимы [276, с. 16].

Морфолого-синтаксический способ словообразования для обозначения переходных явлений в плоскости частей речи получил признание в русской грамматике и приобрёл признаки объекта научного анализа в исследовании других языков. Он имеет все основания быть выделенным как способ словообразования, справедливо замечает Е. П. Калечиц, поскольку имеет тесную связь между новой образованной единицей и образующей основой, которая является производной для единиц, дублирующих ее. Важна и численность единиц, образованных морфолого-синтаксическим способом, а для служебных слов он вообще является единственным [175, с. 12].

Однако при решении научной проблемы переходности частей речи морфолого-синтаксический аспект словообразования является условным хотя бы потому, что этот термин функционирует с пометкой “особый”. Вероятно, такую условность можно объяснить некорректностью самого термина *морфолого-синтаксический способ словообразования*, ведь взаимодействие в области лексико-грамматических разрядов происходит в пределах одной лексемы. Игнорировать факт взаимодействия лексико-грамматических разрядов относительно явлений переходности, по мнению многих учёных, нелогично [175, с. 12].

Категорически отрицает уподобление транспозиции и какого-либо способа словообразования В. М. Никитевич: «Только транспозиция единицы одной части речи в другую приводит к переплетению непересекаемых грамматических (морфологических и синтаксических) признаков частей речи. Уже поэтому нельзя отождествлять транспозицию, например, субстантивную, с одним из способов словообразования. Указание на то, что субстантивная транспозиция – “особый” способ словообразования, невольно акцентирует внимание на недопустимом смешении различных явлений в номинативной системе языка» [288, с. 108].

Проблему переходности среди частей речи рассматривали и рассматривают с позиции т. н. теории синтаксической и лексической

деривации[17] [Группа 6], основанной Е. Куриловичем. Лексическая деривация направлена на преобразование лексического значения образующего слова при создании производного, синтаксическая – лишь на изменение синтаксической функции при сохранении понятийного тождества образующего и производного слов [345, с. 116]. Отдельные аспекты теории деривации Е. Куриловича стали объектом дальнейших исследований у Н. Д. Арутюновой (*несобственно деривация*), Г. Марчанда (H. Marchand) (*деривация с помощью нулевой морфемы*), Е. А. Селивановой (*транспозитивная деривация*[18], *морфолого-синтаксическая деривация*), В. В. Фефеловой (*транспозитивная деривация*) и др. Учение о синтаксической деривации заслуживает внимания, но языковые явления такой деривации нужно определять взвешенно. Немотивированной позицией этого учения, по убеждению А. И. Моисеева, является тезис: синтаксические дериваты имеют такое же лексическое значение, что и их образующие, а слова разных частей речи не могут иметь одинаковое лексическое значение [273, с. 28].

Аспект взаимодействия между частями речи как научную проблему переходности исследуют: А. С. Мельничук, Л. А. Козлова, Л. В. Бортэ, Е. П. Калечиц, С. А. Остапенко, Р. М. Гайсина, Н. В. Дрожащих, К. С. Симонова, В. Н. Алиева и др. [264; 203; 61; 62; 175; 298; 102; 138; 354; 4]. Учёные разграничивают понятия *взаимодействие между частями речи* [Группа 7] и взаимосвязь между частями речи: 1) взаимодействие отражает особый тип отношений между лексико-грамматическими классами слов, при

---

[17]В современном языкознании, констатирует В. Н. Мусатов, признанной является теория разделения всей системы словообразования на лексическую и синтаксическую деривации. Производные лексической и синтаксической деривации называют лексическими и синтаксическими дериватами [277, с. 108–114].

[18] Транспозитивная деривация формирует т. н. периферийную зону частей речи (В. В. Фефелова и др.).

котором каждая из частей речи влияет на другие, вызывая их изменения и, одновременно, сама испытывает такое влияние, что, как правило, меняет её состояние; 2) результатом взаимодействия частей речи является их взаимосвязь, которая выражает способ существования системы частей речи, когда состояние (свойства) каждой части речи обусловлено (может быть обусловленным) ими, зависит от них.

Итак, для процесса взаимодействия частей речи характерны следующие признаки: 1) он является следствием самой природы частей речи, их сущности: один и тот же референт, маркерами которого являются различные знаки (слова), обобщается в языке с разных сторон; процесс взаимодействия между частями речи можно считать аналогичным синонимии на лексическом уровне; 2) процессу взаимодействия частей речи во многом способствует идентичность синтаксических функций частей речи; 3) процесс взаимодействия частей речи – явление синхронного плана: в пределах одного слова этот процесс означает сосуществование различных грамматических значений; 4) такой процесс в морфологической системе подтверждает, в частности, наличие периферийных классов синкретических частей речи (например, причастий, деепричастий, слов категории состояния) [61, с. 105–106].

Учёные, исследующие взаимодействие частей речи, считают явления переходности в системе частей речи и взаимодействие частей речи соотносительными, но не тождественными [61, с. 105–106].

Проблему переходности исследуют в аспекте т. н. трансформации [Группа 5]. Основателем теории трансформационных процессов (трансформациологии) является В. Н. Мигирин, который совершил четкое разграничение трансформации в системе частей речи и членов предложения, а также очертил основную проблематику такого учения на морфологическом уровне. Основой исследований В. Н. Мигирина, его учеников и последователей (А. К. Соловьевой, Е. Н. Сидоренко и др.) являются

достижения предшественников по обозначенной проблематике, которые систематизированы, уточнены и дополнены собственной оригинальной теорией трансформации.

В открытой динамической системе языка наблюдаем не только возникновение новых единиц и нивелирование старых, но и перегруппировку уже имеющихся. Функциональная трансориентация и является, по мнению отдельных исследователей (Р. В. Вацебы, С. М. Еникеевой, Л. Б. Воловик и др. [72; 144; 91]), тем самым процессом “перегруппировки”, что, во-первых, расширяет номинативно-коммуникативные возможности языка, а, во-вторых, способствует экономии вербокреативных усилий. Функциональная трансориентация лингвальных единиц делает возможным формирование новых функциональных вариантов, которые, сосуществуя вместе со своими прототипами в пределах языковой суперсистемы, образуют пары функциональных омонимов [144, с. 45–46].

Функциональная трансориентация охватывает не только случаи перехода единиц одного функционального класса в другой, но и одного уровня языка в другой. В двух случаях основную роль в их дифференциации играют функциональные особенности языковых единиц, что и обусловливает дистрибуцию этих знаков. Примером функциональной трансориентации единиц одного уровня может служить конвертация лексических единиц или переход номинативных слов в разряд служебных и, наоборот, семантическая деривация. Функциональная трансориентация разноуровневых языковых единиц представлена в аффиксации лексических единиц, лексикализации морфем, лексикализации синтаксических единиц [144, с. 46].

В современном языкознании явления переходности с позиции теории синкретизма активно изучают Н. А. Каламова, Т. С. Тихомирова, Л. В. Бортэ, А. Я. Баудер, Е. Н. Сидоренко, В. В. Бабайцева, Р. М. Гайсина, Л. Д. Чеснокова, К. Э. Штайн, И. В. Высоцкая, И. Г. Данилюк, Ю. Ю. Наливайко, Л. В. Шитик и др. [174; 378; 62; 30; 352; 16; 103; 22; 401;

419; 96; 130; 281; 417]. Термин *синкретизм* [Группа 10] в языкознании имеет, как минимум, два значения: 1) совпадение функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме, например, падежный синкретизм; 2) сочетание (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка, противопоставляются друг другу в системе языка и связаны явлениями переходности [23, с. 236; 130, с. 3]. Подавляющее большинство ученых переходность считают основной причиной явления синкретизма (В. В. Бабайцева, А. Я. Баудер, Н. А. Каламова, Е. Н. Сидоренко, Т. С. Тихомирова и др.) [130, с. 3].

Для синкретизма характерным признаком является универсальность, поскольку он присущ разным ярусам языковой системы. Учёные выделяют переходные процессы: а) на фонетико-фонологическом уровне – нейтрализация дифференциальных признаков фонем; б) на уровне морфемики разграничивают ядерные и синкретические морфемы, переходные образования, например, *-ть* в инфинитиве квалифицируют как суффикс и “застывшее окончание”; в) в лексике – ср. возможность градуированного выражения степени качества для качественных прилагательных: очень молодой – сравнительно молодой – немолодой, нестарый – сравнительно старый – очень старый; на лексическом уровне синкретическими являются системные явления метафоризации, метонимизации, оксюморона и тому подобное; г) на морфологическом уровне зона синкретизма возникает вследствие взаимодействия частей речи: прилагательные ↔ существительные, существительные ↔ наречия и т. д., и лексико-грамматических разрядов: собственное название существительных ↔ общее название существительных, качественные прилагательные ↔ относительные прилагательные и т. д.); д) в синтаксической системе синкретизм обусловливает взаимодействие простых

и сложных предложений и их разновидностей, членов предложения[19] и тому подобное. Итак, на морфологическом уровне синкретизм проявляется в сочетании в одной форме функционально различных грамматических категорий, а также во взаимопереходе разных частей речи, грамматической транспозиции морфологических категорий [145, с. 648].

Синкретизм пронизывает все части речи, поскольку общекатегориальные значения определенных частей речи соединяются с другими, маргинальными. Как отмечает исследовательница, синкретизм расшатывает классификацию частей речи, обусловливает необходимость анализа частей речи в конфигурации поля, ядро которого формируют типичные признаки, а периферию – промежуточные явления [345, с. 648].

Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко и др. рассматривают явление переходности в связи с т. н. учением о контаминантах – словах, которые объединяют в себе в определённой пропорции некоторые признаки двух смежных частей речи. Такая позиция, констатируют языковеды, к сожалению, осталась без внимания современных грамматик, хотя и могла бы аргументированно истолковать немало спорных фактов [350, с. 11]. Разграничения частей речи и контаминантов вызывает необходимость акцентировать внимание на проблеме переходных явлений между ними [350, с. 11].

---

[19] По убеждению Е. А. Селивановой, синкретизм наиболее распространён в синтаксисе. Его проявлениями на этом уровне являются маргинальные функции разных членов предложения, двойные синтаксические связи, неоднозначность квалификации односоставных и двусоставных, полных и неполных, простых и сложных предложений, типов подчиненных предикативных единиц, сложноподчиненных и сложносочиненных предложений по форме и содержанию, наличие несобственно-прямой речи и т. д. [345, с. 648].

Добавим, что некоторые учёные рассматривают переходность частей речи (и соответственно транспозицию, конверсию, грамматическую омонимию и т. п.) как т. н. смежные явления [350, с. 17].

Как бы разнообразно в общетеоретическом плане не трактовали явление переходности, считает С. Г. Ильенко, наиболее целесообразно его рассматривать как самостоятельное лингвистическое явление, которое имеет свою специфику, свой объект изучения и свою проблематику [170, с. 24].

1.2. Лингвоисториографическое освещение проблемы транспозиции частей речи в русском языкознании

Лингвоисториографических обзоров исследований явления транспозиции (в разных её аспектах), как уже отмечалось, немного: большинство из них дублируют друг друга или объектом анализа выбирают отдельные разновидности транспозиции; историографы языкознания только кратко характеризуют достижения или недостатки учёных в области изучения транспозиции частей речи[20]. Об этом справедливо говорит Н. А. Глуховская: “До сих пор не имеется систематизированного описания фактов перехода слов из одной части речи в другую” [109, с. 190]. При этом обращение к библиографии обозначенной проблемы позволило зафиксировать значительное количество работ в научной литературе, посвящённых именно транспозиции частей речи.

[20]Обычно, лингвоисториографическая характеристика предшествует описанию конкретного фактического материала относительно разновидностей транспозиции [178, с. 4–15; 414, с. 5–18; 98, с. 12–19].

Комплексное изучение научного наследия языковедов XIX – начала XXI вв. позволит заполнить имеющиеся пробелы в области лингвоисториографического освещения проблемы транспозиции частей речи и сделать необходимые обобщения.

Относительно полный историографический анализ работ по явлению транспозиции частей речи осуществлён в исследовании А. Ю. Габай в разделе «Понятие транспозиции в теоретическом языкознании» [98, с. 12–19].

Автор кратко комментирует концепцию функциональной транспозиции во французском языкознании в трудах Ш. Балли, Л. Теньера и др., теорию синтаксической и лексической деривации польского ученого Е. Куриловича, освещает проблематику теории транспозиции на фоне классификации словообразовательных типов чешского лингвиста М. Докулила, дифференциацию явления транспозиции чешского лингвиста О. Лешки. Изучение переходности среди частей речи начали не с создания общей теории, а с исследования конкретных явлений переходности: субстантивации, адъективации[21] и т. д. [288, с. 102; 178, с. 4; 350, с. 12–13; 393, с. 3; 399, с. 5]. Анализируя труды лингвистов XIX – начала XXI вв., мы обнаружили, что вопрос переходности прямо или косвенно разрабатывали многие учёные этого периода, освещению конкретных проблем посвящены исследования Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Г. П. Павского, А. А. Потебни, Н. В. Крушевского, Ф. И. Буслаева, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова и др.[22]

---

[21]Термины для обозначения разновидностей транспозиции (субстантивация, адъективация, прономинализация, адвербиализация и т. п.) появились позже – в исследованиях А. А. Шахматова.

[22] Начало “настоящей” истории учения о частях речи в русской лингвистике положила «Русская грамматика» М. В. Ломоносова (1755). В ней впервые на российском материале был проведён грамматический анализ: “Учение Ломоносова о системе

Анализ взглядов этих лингвистов можно найти в исследованиях С. Б. Бернштейна [45–47], В. В. Виноградова [76; 80; 82], В. С. Ващенко [73], Н. С. Поспелова [324], Е. П. Калечиц [175–178], В. М. Никитевича [288], В. В. Бабайцевой [18; 23–25], М. Ф. Лукина [247; 253], И. К. Зданевича [159], М. С. Буниной [68], В. И. Кодухова [199; 200], Ф. М. Березина [43; 44], Р. М. Гайсиной [102; 103], И. В. Дьячук [140], С. А. Остапенко [298], Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко [349; 350], Ю. Д. Апресяна [8], К. С. Симоновой [354; 355], И. П. Кирсановой [193], У. Н. Фысиной [393], Е. В. Клобукова [196], О. А. Шапоревой [406], Н. А. Глуховской [109], Е. В. Цымбалюк [399], Н. Лебедь [234] и др., которые, к сожалению, только кратко характеризуют достижения учёных в области изучения явлений переходности среди частей речи.

Исследуя научное наследие Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Г. П. Павского, А. А. Потебни, Н. В. Крушевского, Ф. И. Буслаева, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова и др., языковеды-историографы значительное внимание уделяли общей характеристике их грамматического учения, однако вопросы переходных явлений в их научных исследованиях тщательно исследованы не были[23].

частей речи в русском языке изложено чрезвычайно лаконично, очень глубокое по своему замыслу” [324, с. 9]. Лингвистическое научное наследие Ломоносова исследовали А. С. Будилович [65], Н. С. Державин [131], Н. С. Поспелов [324], В. Д. Рак [330], В. Б. Евтюхин [141] и др. Однако, несмотря на определённую значимость исследований М. В. Ломоносова в области переходности частей речи, анализ его теоретических утверждений по этой проблематике почти не эксплицирован в лингвоисториографической литературе. Сведения относительно переходных явлений среди частей речи отмечены только в исследованиях А. Ф. Гайнутдиновой [100] и У. Н. Фысиной [393].

[23] Например, грамматические взгляды Николая Ивановича Греча неоднократно подвергались лингвоисториографическому анализу: а) научные исследования И. Г. Добродомова, Л. А. Тростенцовой, А. М. Камчатнова сфокусированы на

Анализируя наследие учёных XIX в., лингвисты ограничивались лишь замечаниями относительно выделения определённых случаев перехода среди частей речи, не считая при этом подробное рассмотрение принципиально важным. Например, Н. И. Греч вспоминал о случаях употребления прилагательных в роли существительных [178, с. 4, 140, с. 42; 298, с. 39; 393, с. 3, 406, с. 45; 399, с. 135]; А. Х. Востоков только отмечал, что

лингвистическом наследии Н. И. Греча [134; 380; 180]; б) исследования В. В. Щеулина, В. И. Медведевой, Ф. М. Березина, Н. И. Безлепкина посвящены общей характеристике грамматического учения Н. И. Греча [424; 44; 37]; в) отдельные положения учения о частях речи освещены в работах Н. С. Поспелова, В. В. Виноградова, А. Е. Супруна [324; 79; 374]; г) синтаксическую теорию Н. И. Греча подробно анализировал В. В. Виноградов [76]; д) терминологическую систему грамматических исследований Н. И. Греча охарактеризовала Т. И. Соколова [366] и т. д. Все учёные, за исключением Т. И. Соколовой, критически оценивали языковедческую позицию Н. И. Греча, акцентируя внимание на отдельных недостатках. Научное наследие Г. П. Павского исследовали Н. С. Поспелов [324], Ф. М. Березин [44], Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко [350], Е. В. Цымбалюк [399] и др. Классификация частей речи Г. П. Павского опирается на логико-семантический принцип с учётом грамматических показателей. Все слова объединены в четыре группы: 1) слова-наименования ощущений (междометия); 2) отражение понятий (местоимения, существительные, прилагательные, числительные); 3) отражение мыслей (глаголы); 4) частицы (наречия, предлоги, союзы) [44, с. 98]. Обычно, историографы анализируют концепцию частей речи учёного в целом. Что касается переходности частей речи, наблюдения учёных ограничиваются констатацией вклада Г. П. Павского в развитие теории переходности. В критических работах, посвящённых анализу лингвистического наследия Ф. И. Буслаева, в частности в исследовании К. С. Аксакова [3], внимание уделено анализу и оценке его учения о разграничении морфологических и синтаксических признаков частей речи; классификации частей речи; классификации второстепенных членов предложения и типов придаточных предложений; характеристике трёх типов сочиненности и тому подобное. На *зарождение теории переходности частей речи* у Ф. И. Буслаева историографы внимания не обращают.

прилагательное может выступать в функции существительного, не касаясь подробнее самого явления субстантивации [350, с. 12; 393, с. 3, 399, с. 135]; Ф. И. Буслаев примеры субстантивации полных прилагательных рассматривал как частные случаи “опущения” частей речи [178, с. 4, 350, с. 12; 406, с. 45; 399, с. 135]; совершенно по-новому осветил вопросы субстантивации прилагательных А. А. Потебня - акцентируя внимание на близости прилагательного и существительного в прошлом, учёный выделяет два типа субстантивации: субстантивацию, при которой существительное опускается, передавая прилагательному своё значение[24]; и субстантивацию, когда такое опущение отсутствует[25] [73, с. 15; 354, с. 7] и т. п.

Более подробно проанализировано научное наследие языковедов первой половины XX в. (в частности, явление переходности среди частей речи). Исследования А. М. Пешковского изучали С. Б. Бернштейн, А. Б. Шапиро, А. И. Белов, И. К. Зданевич, М. С. Бунина, В. И. Кодухов, Ф. М. Березин, И. В. Дьячук, Е. П. Калечиц, С. А. Остапенко, Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко, Ю. Д. Апресян, Е. В. Клобуков, Н. Лебедь и др. [46; 405; 40, 159; 68; 199; 44; 140; 175; 198; 349; 350; 8; 196; 234], А. А. Шахматова – Е. С. Истрина, С. Б. Бернштейн, В. В. Виноградов, В. С. Ващенко, В. М. Никитевич, Ф. М. Березин, В. И. Макаров, И. В. Дьячук, Е. П. Калечиц, С. А. Остапенко, Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко,

---

[24] Об этом типе вспоминает и Ф. И. Буслаев.

[25] Добавим, что в последнем случае различают два подтипа: а) определяемое существительное отсутствует, когда направление разговора говорящего известно, и тогда определённое прилагательное может характеризовать только одно существительное; б) не предусматривает опущение обозначаемого существительного (значительное количество случаев употребления субстантивированных прилагательных среднего рода единственного числа) [326, с. 86].

Е. В. Цымбалюк и др. [172; 45; 80; 82; 73; 288; 44; 257; 140; 175; 298; 349–351; 399].

А. М. Пешковский пользовался тремя терминами – *переход, переходность, замена частей речи* – как синонимами, не формулировал их исчерпывающее определение, а лишь акцентировал, что переход – это постепенный, “вечный” процесс [159, с. 56]. Исследователь считал, что переходные явления между частями речи являются следствием фонетических и семантико-грамматических изменений, которые происходят в отдельных словах, то есть, “к проявлению перехода одних частей речи в другие причислял только те слова, которые приобретают грамматическое значение, морфологические признаки и синтаксические функции другой части речи и имеют потенциальную способность перейти в другую часть речи” [159, с. 51]. М. Ф. Лукин отмечает по этому поводу: “Факты свидетельствуют, что переход, как правило, не связан со звуковыми изменениями слова, которое трансформируется” [250, с. 6].

А. М. Пешковский подробно рассмотрел вопрос об одном из видов “замены частей речи” – субстантивацию прилагательных, охарактеризовал ряд синтаксических и семантических особенностей субстантивированных прилагательных, выделил три стадии этого процесса и т. д. [73, с. 21–22; 140, с. 42; 351, с. 19; 350, с. 12]. В научной позиции А. М. Пешковского, как отмечает У. Н. Фысина, прослеживается тенденция диахронического подхода к изучению переходных явлений (с учётом фактов истории языка) [393, с. 6].

Дальнейшая разработка (после А. М. Пешковского) обозначенного вопроса была осуществлена в работах А. А. Шахматова, который охарактеризовал переходность как важное явление в системе частей речи и наметил конкретные процессы пополнения существительных, прилагательных, местоимений, наречий, союзов и т. д. способом перехода из одной части речи в другую терминами *субстантивация, адъективация, прономинализация, адвербиализация, конъюнкционализация* т. д. [349, с. 19].

Термины закрепились в русской грамматике, начиная с 40-х гг. XX в. [140, с. 42]. А. А. Шахматов считал, что одни части речи могут переходить в другие, не изменяя своей формы [45, с. 49; 73, с. 15; 288, с. 102; 175, с. 10]. По этому поводу Е. П. Калечиц замечает, что неизменность формы как собственно внешний, зрительный и слуховой признак отрицать нельзя, но форма не существует изолированно, форма информативна – она является и членом парадигмы, и имеет прямое отношение к морфемному строению слова, соответственно, неизменность формы при переходе слов из одной части речи в другую не только ставится под сомнение, но вообще не может быть признана [175, с. 10–11].

В грамматических трудах А. А. Шахматова реализована, по мнению Е. В. Клобукова, оригинальная научная концепция, которая актуальна и сегодня [407, с. 14]; в исследованиях учёного, считает И. В. Дьячук, случаи перехода слов из одной части речи в другую получили достаточно подробное освещение [140, с. 42].

Специальным объектом исследования становятся переходные явления среди частей речи в трудах учёных Казанской лингвистической школы – И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого [174, с. 56; 414, с. 11], а также в научных исследованиях Л. В. Щербы, Л. А. Булаховского и др. [73, с. 15].

Научное наследие Л. В. Щербы исследовали Б. А. Ларин, Н. С. Поспелов, М. И. Стеблин-Каменский, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Ю. С. Маслов, В. В. Колесов, Ю. П. Князев, Е. А. Селиванова, В. А. Пищальникова и др. [231; 324; 367; 165; 166; 205; 197; 344; 345; 316]. Осуществив анализ научных исследований Л. В. Щербы, Н. С. Валгина, в частности, отмечает, что основное задание грамматики Л. В. Щерба видел в том, чтобы раскрыть живую, вечно изменяемую систему языка с учётом формообразования, синтаксических связей и “строительных элементов лексики” [70, с. 142].

В 40–50-е годы XX в. появляются исследования, посвящённые конкретным вопросам в сфере переходности частей речи, описанию составляющих переходных явлений (в частности, переходные процессы связываются с грамматической омонимией и т. д.), выяснению сущности переходности как видоизменения категориального значения слова и т. п. Указанная проблематика отражена в научных исследованиях В. В. Виноградова, А. С. Беднякова, О. В. Скороглядовой, В. С. Ващенко, А. И. Смирницкого, Е. И. Шендельс и др. [178, с. 5; 140, с. 42]. Эти учёные внесли ценный вклад в учение о явлениях переходности частей речи. В развитии теории переходности их положения играют очень важную роль, многие из них оказались весьма перспективными, не потеряли своего значения до сих пор, на них продолжают ссылаться и в современной лингвистике. О значении утверждений о переходных явлениях этих исследователей писали Е. П. Калечиц [175–178], И. К. Зданевич [159], В. М. Никитевич [288], М. Ф. Лукин [253], В. Я. Кузнецов [220], И. В. Дьячук [140], Ю. В. Рождественский [336], К. С. Симонова [354; 355], О. В. Тюкинеева [381], М. В. Резунова [332] и др. К сожалению, среди указанных исследований нет комплексных работ, посвящённых углублённому анализу концепций языковедов обозначенного периода относительно явления переходности среди частей речи.

Важным является утверждение Е. П. Калечиц, которая отмечает, что впервые проблема переходности среди частей речи была затронута А. С. Бедняковым в статье «Явления переходности грамматических категорий в современном русском языке» [36]. Это исследование было подготовлено морфологическими работами учёных, в которых переходность описывали обзорно как взаимодействие слов разных частей речи [175, с. 16]. А. С. Бедняков дал определение терминам *переход и переходность*, рекомендовал для использования в качестве более уместного термин *переходность* [159, с. 56; 288, с. 102]; исследователь значительно расширил

круг явлений, которые трактуют как переходные [176, с. 16–17; 140, с. 42]; выделил группы слов по степени переходности [288, с. 103]; проанализировал проблему причин переходности грамматических категорий в языке [253, с. 10] и т. п.

Взгляды В. В. Виноградова относительно переходных явлений в системе частей речи анализировали В. С. Ващенко, М. Ф. Лукин, А. Т. Кривоносов, В. Я. Кузнецов, И. В. Дьячук, Л. В. Пузанко, К. С. Симонова, И. П. Кирсанова, Е. Б. Волошина, М. В. Резунова, Н. Глебчук, В. Добосевич, Н. В. Кущ, Н. А. Глуховская, Е. В. Цымбалюк, Н. Лебедь и др. [73; 212; 220; 140; 328; 354; 193; 92; 332; 108; 133; 109; 399; 234].

Впервые *теория транспозиции* в зарубежной лингвистике была разработана представителями Женевской лингвистической школы. Основателем теории транспозиции историографы языкознания (Р. М. Гайсина, И. В. Дьячук, В. Г. Гак, В. М. Ожоган, С. И. Богданов и Ю. Б. Смирнов, Г. М. Костюшкина, И. А. Пасечник, Ф. С. Аухадиева, М. В. Резунова, В. Г. Кузнецов, Е. А. Селиванова, А. Ю. Габай, Л. Ж. Норкина, Е. В. Цымбалюк и др. [103, с. 17; 140, с. 42; 105, с. 519; 296, с. 81; 54, с. 13; 208, с. 89; 308, с. 64; 13, с. 127; 332, с. 116; 219, с. 99; 345, с. 748; 98, с. 12; 292, с. 89; 399, с. 135]) называют известного швейцарского лингвиста Шарля Балли. Отдельные теоретические аспекты транспозиции исследовали швейцарские языковеды Альбер Сеше и Анри Фрей, российский лингвист Сергей Иосифович Карцевский, датский учёный Отто Есперсен, французские учёные Люсьен Теньер и Жан Дюбуа [см. об этом: 288; 364; 103; 140; 295; 23; 296; 54; 208; 308; 350; 13; 332; 91; 98; 341]. В частности, В. Г. Гак отмечает, что впервые теория транспозиции была разработана Ш. Балли, её отдельные аспекты – О. Есперсеном, А. Сеше, А. Фреем; Л. Теньер охарактеризовал виды транспозиции (под названием *трансляция*) [105, с. 519]; В. М. Ожоган отмечает, что на важность межкатегориальных

переходов в языке (или транспозиции одной части речи в другую под влиянием функциональных потребностей) впервые обратил внимание Ш. Балли [296, с. 81]; И. А. Пасечник утверждает, что в лингвистике является распространенным рассуждение Ш. Балли о функциональной транспозиции частей речи: именно Ш. Балли первым обратил внимание на большие потенциальные возможности транспозиции в лингвистических исследованиях [308, с. 64]; В. Г. Кузнецов отмечает, что основателем теории транспозиции бесспорно следует считать Ш. Балли; отдельные аспекты транспозиции исследовали А. Сеше, Ж. Дюбуа, А. Фрей, Л. Теньер [219, с. 99–106] и т. д.

В работах по истории языкознания как Женевской лингвистической школе в целом, так и отдельным ее представителям (Ш. Балли, А. Сеше, А. Фрею и др.) уделено незначительное внимание. Этот недостаток современных лингвоистоиографических исследований попытался устранить В. Г. Кузнецов. Научные исследования В. Г. Кузнецова – «Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму» [217], «Научное наследие Женевской лингвистической школы» [218], «Теория транспозиции Женевской школы» [219] (лингвоисториографическому анализу проблемы транспозиции на функциональных принципах посвящено, прежде всего, последнее исследование В. Г. Кузнецова) – содержат важные наблюдения относительно взглядов представителей Женевской школы на явление транспозиции. Так, отличие концепции транспозиции А. Сеше от теорий других лингвистов Женевской школы, по мнению В. Г. Кузнецова, заключается в её ориентации. Ш. Балли, Л. Теньер и другие лингвисты рассматривали транспозицию как адаптацию семантемы к функциональному классу. А. Сеше определял транспозицию в лингвистическом аспекте как замену одной формы другой. Это соответствовало когнитивной концепции (в современной терминологии) А. Сеше – универсальному статусу категории сущности [219, с. 104].

В основном, теорию транспозиции представителей Женевской лингвистической школы В. Г. Кузнецов анализирует в аспекте предыстории в развитии структурной, трансформационной и генеративной грамматик, с позиции применения “транспозиционной теории” для исследования словообразования, синтаксической синонимии, семантического синтаксиса, теории тропов и т. д., а также в качестве предпосылки современного когнитивного подхода к изучению транспозиции [219, с. 99–107].

Интересно, что сам основатель теории транспозиции Ш. Балли высказывал отдельные замечания относительно концепций коллег. Так, Ш. Балли отмечал, что А. Сеше исследовал транспозицию в семантическом аспекте, поскольку основную задачу учения о транспозиции видел в выделении логических и психологических условий, регулирующих переход одной категории в другую [26, с. 156].

Критиковал Ш. Балли и отдельные тезисы теории транспозиции А. Фрея, в частности, определение учёным т. н. *свободной транспозиции*.

В лингвоисториографических исследованиях учёные ограничиваются констатацией факта основания теории транспозиции представителями Женевской школы лингвистики, более подробный анализ, как было указано выше, содержит исследование В. Г. Кузнецова [87, 242]. Критические замечания высказала лишь Г. Г. Соколова [362].

Научную позицию Л. Теньера, как правило, оценивают и анализируют как изложение определённой синтаксической теории.

Его наследие, включая теорию трансляции, исследовали Г. Г. Соколова, Р. М. Гайсина, В. М. Ожоган, В. В. Бабайцева, С. И. Богданов и Ю. Б. Смирнов, Г. М. Костюшкина, И. А. Пасечник, Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко, И. Р. Выхованец, М. В. Резунова, В. В. Фефелова, А. Ю. Габай, Б. К. Рысбай и др. [364; 103; 195; 23; 54; 208; 308; 350; 332; 389]. В них представлен, как правило, беглый анализ отдельных вопросов теории трансляции в студиях Л. Теньера.

Вопросы транспозиции, задекларированные Ш. Балли и Л. Теньером, получили дальнейшее развитие в трудах польского учёного Е. Куриловича, чешских лингвистов М. Докулила и О. Лешки и др. [23, с. 66; 308, с. 64; 98, с. 13]. Их наследие в области транспозиционной концепции исследовали Р. М. Гайсина, А. И. Моисеев, В. В. Бабайцева, В. М. Ожоган, С. И. Богданов и Ю. Б. Смирнов, М. В. Резунова, А. Ю. Габай, В. Н. Мусатов, Б. К. Рысбай и др. [103; 273; 23; 296; 54; 332; 98; 277; 341].

Значительный вклад в разработку вопроса ТЧР в целом и отдельных разновидностей транспозиции в частности был сделан в исследованиях В. Н. Мигирина, Н. Д. Арутюновой, Н. А. Каламовой, Е. П. Калечиц, В. М. Никитевича, Д. Г. Гринчишина, В. В. Бабайцевой, Е. С. Кубряковой, М. Ф. Лукина, Б. Ю. Нормана, И. К. Зданевича, Т. С. Тихомировой, О. М. Ким, А. Я. Баудера, Л. В. Бортэ, С. Г. Ильенко, Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко, В. Я. Кузнецова, В. Г. Гака, И. В. Дьячук, В. В. Шигурова, А. А. Кизюкевич, О. П. Кушлик, Ю. А. Карпенко, П. А. Леканта, Е. А. Селивановой и др., лингвистические идеи которых не остались без внимания историографов языкознания. Научное наследие исследователей ТЧР отличается терминологией, вниманием к предпосылкам и особенностям механизмов переходных явлений и т. д. [365, с. 2]. Анализ вопроса о сущности транспозиции и систематизации её типов, соответствующие комментарии к разным концепциям находим во многих научных исследованиях историографов; интересно, что к концепциям этих учёных обращается огромное количество как начинающих, так и опытных лингвистов. Теоретические утверждения этих исследователей были всесторонне или обзорно проанализированы в лингвоисториографической литературе [158; 159; 203; 276; 236; 71; 140; 188; 370; 266; 334; 127; 27; 223; 308; 13; 332; 390; 98; 292 и др.]. Наряду с этим, некоторые из широко известных положений относительно разработки теории ТЧР этими учёными требуют уточнений.

Наибольший вклад в теорию переходности внесли В. Н. Мигирин и В. В. Бабайцева. Они фактически являются основателями нового раздела лингвистики – трансформациологии, хотя формально это направление до сих пор не получило соответствующего статуса.

Значительный вклад в разработку теории трансформационных процессов, как отмечают Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко, сделан В. Н. Мигириным: учёный предложил свой оригинальный подход к изучению переходности в языке, который отличается новизной и существенно углубляет теорию переходности. Достижения В. Н. Мигирина эксплицированы в публикациях В. В. Бабайцевой [23, с. 82], В. М. Ожогана [295, с. 41; 296, с. 82], Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко [350, с. 14–15], М. В. Резуновой [332, с. 117], А. Ю. Габай [98, с. 18], Б. К. Рысбая [341] и др.

По убеждению М. В. Резуновой и др., заслугой В. Н. Мигирина является то, что он осветил новые, доселе неизвестные научные факты, среди которых важное место занимают собственно авторские тезисы, например: исследователем чётко разграничена трансформация в плоскости частей речи и членов предложения; значительное внимание уделено учению о процессах переходности на уровне частей речи; учёный квалифицирует случаи эмиграционных и иммиграционных процессов каждой части речи и переходы одних грамматических форм в другие в пределах одного класса, выясняет признаки и формы трансформации, устанавливает факторы, способствующие или мешающие процессу переходности, анализирует типы трансформаций и тому подобное; осуществлённый анализ разновидностей трансформации и определение направлений дальнейшего развития трансформациологии приобретает большое значение, хотя нужно обязательно учитывать тот факт, что до сих пор некоторые вопросы, указанные В. Н. Мигириным, остаются нерешёнными [296, с. 82; 332, с. 118; 98, с. 18]. Можно констатировать, утверждает В. В. Бабайцева, что научная концепция В. Н. Мигирина

относительно явления трансформации частей речи приобрела широкую популярность, некоторые понятия стали базовыми [25, с. 6].

Популярностью среди исследователей ТЧР пользуются фундаментальные труды В. В. Бабайцевой [15–25], которые делают возможным анализ проблем языковой переходности на более высоком уровне. Лингвисты изучали и изучают их более основательно, чем взгляды предшественников или современников В. В. Бабайцевой, хотя, возможно, недостаточно развернуто и всесторонне.

Подробный анализ взглядов В. В. Бабайцевой представляют И. К. Зданевич, Е. П. Калечиц, В. М. Ожоган, К. С. Симонова, М. С. Милованова, И. В. Высоцкая, К. Э. Штайн, Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко, Е. В. Цымбалюк, Б. К. Рысбай и др. [159; 178; 296; 354; 271; 95; 420; 350; 98; 399; 341].

Среди достижений В. В. Бабайцевой лингвоисториографы, прежде всего, отмечают следующие: в своих работах она обобщает и теоретически осмысливает весь накопленный в исследованиях материал по переходным явлениям в морфологии и синтаксисе, определяет несколько направлений изучения переходных процессов, выделяет диахронную и синхронную переходность, устанавливает причины, условия и последствия явлений переходности для развития языка, рассматривает особенности синкретических образований (семантические, синтаксические, синтагматические, стилистические), создаёт классификацию грамматических единиц с учётом явлений переходности и т. д. [350, с. 22–25]. В целом В. В. Бабайцевой был сделан довольно значительный вклад в разработку теории переходности: исследовательница, по убеждению К. Э. Штайн, “вписала эту проблему в современную научную парадигму” [420, с. 469].

Ученики и последователи В. В. Бабайцевой продолжают, дополняют, уточняют её теорию переходности. Так, И. В. Высоцкая расширяет традиционную (введённую В. В. Бабайцевой) шкалу переходности, выделяя в

зоне синкретизма дополнительные звенья. Теорию трансформации В. Н. Мигирина и теорию морфологической переходности В. В. Бабайцевой развили Е. П. Калечиц, А. Я. Баудер, В. В. Шигуров и др.

Неоценимый вклад в разработку вопросов переходности частей речи (как в теоретическом, так и в лингвоисториографическом аспектах) сделала Е. П. Калечиц [175–177 и т. д.]. Краткий лингвоисториографический анализ её трудов осуществлён в работах Р. М. Гайсиной, М. В. Резуновой, Б. К. Рысбая, Е. В. Цымбалюк и др. [103; 332; 341; 399]. При этом решение вопроса переходности в исследованиях учёной рассмотрено лишь обзорно. Специальных работ, посвящённых этой теме, нет. Е. П. Калечиц переходные явления в системе частей речи истолковывает как взаимодействие частей речи (взаимодействие между частями речи, лексико-грамматическими разрядами и грамматическими категориями), исследуя “не любые факты взаимодействия, а лишь те, которые имеют грамматическую природу” [178, с. 38].

В своей небольшой монографии Е. П. Калечиц кратко освещает вопросы переходности частей речи в лингвистике XIX – первой половины XX вв., опираясь непосредственно на анализ трудов А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, А. С. Беднякова, В. Н. Мигирина, В. В. Бабайцевой, Е. С Кубряковой и др. [178]. Приведём оценки Е. П. Калечиц наработкам отдельных учёных о переходных явлениях в грамматике: а) наиболее перспективным для понимания сущности переходных явлений является исследование Е. С. Кубряковой «Части речи в ономасиологическом освещении» [216], в котором автор рассматривает переходные явления как вторичные относительно исходных фактов и в этом видит их специфику. Внимание Е. П. Калечиц привлекает такое утверждение исследовательницы: “Важно само по себе исследование вторичных значений частей речи, которое помогает осмыслить сущность вторичных значений, которые являются не менее важными для характеристики частей речи, чем

первичные” [178, с. 4–5]; б) исследования В. Н. Мигирина, утверждает Е. П. Калечиц, осуществлено в диахроническом аспекте; большой фактический материал, представленный в работе, убедительные результаты трансформации подчинённых предложений в русском языке дают основания считать это исследование началом изучения явлений переходности в синтаксисе [175, с. 15]; в) изучение работ В. В. Бабайцевой привело к необходимости различать в явлениях переходности два качественно различных типа: трансформационные (диахронные) изменения и контаминационные (промежуточные, синкретические, гибридные) изменения. Такое разграничение отразило действительное соотношение диахронии и синхронии в единицах переходного типа [178, с. 15–16] и т. д.

Существенным вкладом в развитие теории транспозиции считают научную разработку признаков перехода слов из одной части речи в другую (на материале разных классов слов) В. В. Шигурова [332, с. 118; 341, с. 83], который позиционировал себя одновременно и как теоретик транспозиции, и как историограф этой проблемы.

При изложении собственной теории переходности учёный опирается на материалы и отдельные наблюдения научных исследований Т. С. Тихомировой, А. Е. Михневича, А. И. Смирницкого, В. В. Лопатина, В. Н. Мигирина, А. А. Зализняка, Н. А. Каламовой, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, М. Ф. Лукина, Л. А. Новикова, Л. Л. Буланина, А. С. Беднякова, Н. В. Крушевского, О. Лешки[26] и тому подобное. Особое внимание В. В. Шигуров уделяет анализу работ, в которых исследован процесс переходности слов в плане частотности формы, в том или ином “контексте переходности” [414, с. 8–9].

В ряде лингвистических исследований дана оценка вклада того или иного языковеда в развитие теории транспозиции частей речи:

[26] Фамилии учёных размещены не по хронологии, а согласно ссылкам на их исследования в работе В. В. Шигурова [414].

а) Л. Я. Маловицкий отмечает, что В. В. Бабайцева при тщательном анализе переходных конструкций разграничила переходность трансформационную и контаминационную, разработала шкалу переходности; осуществила обобщения по теории и типологии переходности [560, с. 17]; б) достаточно полный перечень транспозиционных процессов, а также перечень обобщающих работ по проблемам перехода в плоскости частей речи и работ, посвящённых отдельным разновидностям перехода, по убеждению В. Я. Кузнецова, находим в трудах М. Ф. Лукина [220, с. 4]; в) О. П. Кушлик, как отмечает Н. Лебедь, подробно проанализировала вопрос перехода слов из одной части речи в другую с позиции соотнесения факта перехода слов с различными способами словообразования [234, с. 17]; г) И. П. Кирсанова отмечает вклад в развитие теории транспозиции М. Ф. Лукина, в частности, выделение ученым т. н. ложной и настоящей субстантивации [193, с. 4] и т. п.

На современном этапе языковеды продолжают поиски совершенствования традиционной теории транспозиции с учётом достижений как предшественников, так и современных исследователей ТЧР. Проблему транспозиции (в разных её аспектах) исследовали и продолжают исследовать в конце XX – начале XXI вв.: достаточно плодотворно в области ТЧР работают В. Н. Алиева, О. П. Кушлик, Е. Н. Ремчукова, Н. А. Бондарь, К. С. Симонова, Т. К. Бардина, Р. В. Вацеба, Н. В. Кущ, И. В. Высоцкая, И. Г. Данилюк, С. М. Еникеева, И. А. Пасечник, Ф. С. Аухадиева, М. В. Резунова, Л. С. Фоминых, А. Ю. Габай, Л. Ж. Норкина, Л. И. Чигирь, Н. А. Глуховская и др. [5; 225; 33; 59; 127; 354; 27; 72; 228; 96; 130; 144; 308; 13; 332; 390; 98; 292; 402; 109]. Научные достижения современных учёных относительно явления транспозиции частей речи ещё не стали отдельным предметом лингвоисториографического исследования. Некоторые слишком краткие сведения имеются в единичных исследованиях [98; 234; 355], но в целом “транспозиционные” исследования современных лингвистов остаются за пределами лингвоисториографии. Перспективным и необходимым

направлением в дальнейшем исследовании должно стать изучение определённых научных исследований в лингвоисториографическом аспекте.

В целом исследователи транспозиции выделяют (достаточно условно) следующие этапы в эволюции взглядов на ТЧР: 1) XIX в. – первая половина XX в. → учёные ограничиваются характеристикой основных видов трансформации частей речи (термины *переход, переходность* и др.); о первом этапе в исследовании переходности среди частей речи вспоминают, в частности, В. М. Никитевич, В. И. Кодухов, Р. М. Гайсина [262, с. 102; 178, с. 5]; 2) середина XX в. → становление теории транспозиции, основателями которой считают Ш. Балли, Л. Теньера и др.; 3) 50-е гг. XX в. – до сих пор → современный период исследования транспозиции как языкового явления (в разных значениях, с выделением подэтапов) [350].

Е. П. Калечиц выделяет два этапа[27]: 1) XIX в. – 40–50-е гг. XX в. → от первых упоминаний о случаях употребления прилагательных в роли существительных в исследованиях Н. И. Греча, Ф. И. Буслаева и др. до научных достижений А. С. Беднякова[28], В. В. Виноградова[29] и ряда работ по конкретным явлениям переходности. На этом этапе был охарактеризован состав переходных явлений, объяснена их сущность; переходность позже стали исследовать и на синтаксическом уровне, 2) вторая половина XX в. – по наст. вр.→ углубленное исследование явлений переходности. Выделяют, в частности, три направления: 1) исследование влияния морфологического

[27] Выделение этапов исследования переходности среди частей речи на материале русского языка осуществила Е. П. Калечиц.

[28]В статье А. С. Беднякова «Явление переходности грамматических категорий в современном русском языке» [36] впервые выделена проблема переходности среди частей речи в теоретическом аспекте.

[29]Статья В. В. Виноградова «О грамматической омонимии в современном русском языке» [78] посвящена многочисленным случаям переходности, в ней акцентировано внимание на морфологическом составе слов, что стало основой выделения нового направления в исследовании явлений переходности – грамматической омонимии.

словообразования на явления переходности; 2) изучение явлений переходности в пределах категории частей речи; 3) проблема переходности на синтаксическом уровне (третье направление связано, прежде всего, с В. Н. Мигириным и В. В. Бабайцевой [201, с. 4–15]). Комментирует эту периодизацию (преимущественно соглашаясь) И. В. Дьячук [140, с. 42].

Обобщая исследованный нами материал, считаем целесообразным выделение трёх этапов (с подэтапами): 1) “передтранспозиционный” этап → XIX – середина XX вв.: а) характеристика отдельных конкретных случаев перехода из одной части речи в другую → XIX – 30-е гг. XX вв., то есть эмпирическое исследование явления переходности; б) 40-е гг. – первая половина 50-х гг. XX в. → проблему переходности среди частей речи выделяют в теоретическом аспекте; 2) формирование, становление теории транспозиции (как и появление собственно термина *транспозиция*) и таких аспектов, как: трансляция, синтаксическая деривация и т. п. → середина XX в.; 3) современный этап – развитие теории транспозиции → 50-е гг. XX в. – до настоящего времени. При периодизации явлений транспозиции, как справедливо замечает Е. П. Калечиц, нужно обязательно учитывать, что попытки выявить закономерности переходных явлений могут быть результативными только при сопоставлении однотипных фактов в чёткой хронологической последовательности [175, с. 9].

Итак, разработке вопросов транспозиции частей речи лингвистическая историография не уделяла достаточного внимания: нет комплексного и систематизированного лингвоисториографического труда, который охарактеризовал бы эволюцию лингвистической научной мысли по вопросу переходности частей речи в XIX – XXI вв. В лингвистических работах рассмотрены лишь отдельные соображения относительно взглядов определенных лингвистов на явление транспозиции. Анализ ТЧР в вышеупомянутых исследованиях ограничен в хронологическом или локальном плане. Учитывая фрагментарный характер указанных научных

исследований и отсутствие комплексного подхода к вопросу ТЧР, а также ограничения хронологических границ этих работ, можем сделать вывод, что указанная проблема требует дальнейшего, более детального, лингвоисториографического исследования.

1.3. Терминологический аппарат для описания проблемы транспозиции частей речи

Система понятий-терминов – необходимый инструмент при любом исследовании, а поскольку переходные явления среди частей речи сравнительно недавно стали предметом тщательного изучения, то понятно, что одна из актуальных задач исследования – системный теоретический анализ понятий и терминов для обозначения явления транспозиции частей речи, путей их формирования в теории ТЧР, особенностей привлечения категорий и понятий других наук к теоретическому полю ТЧР, осмысление и обоснование целесообразности их применения в теоретических и практических исследованиях[30].

Нашей целью является попытка исследовать всю совокупность терминов[31] для обозначения явления транспозиции частей речи, которые

[30] Эта проблема является настолько актуальной, что постоянно затрагивается, присутствует практически в каждом учебнике, учебном пособии, научной статье и тому подобное.

[31] Заметим, что исследователи обычно не прибегают к собственным трактовкам лингвистического термина как лексического научного феномена, а пользуются характеристиками термина, которые зафиксированы в общем терминоведении. Мы

используют ученые в соответствующих лингвистических исследованиях (большинство специальных терминов, функционирующих в таких текстах, не зафиксированы в словарях или иных терминологических источниках).

Терминологические противоречия заметны уже в названиях явлений транспозиции – 194 номинации. Такое количество терминов порождает терминологические недоразумения, разное трактование понятий, что не способствует достижению единства в этом вопросе.

На сегодняшний день ситуацию относительно терминов для обозначения явления ТЧР можно прокомментировать так: “Большинство современных учёных, предлагая собственные трактовки определённых понятий или терминов, привлекая в научный оборот новые понятия и термины, часто без особой необходимости, обычно не соотносят их с общеизвестными определениями, пусть и не принимая их, а также с пониманием, истолкованием другими исследователями такого явления или процесса” [421, с. 23].

Познавая одни и те же факты, многочисленные наименования отражают разноаспектный подход к переходным явлениям среди частей речи: почти все исследователи констатируют, что “сложность и разнообразие явлений переходности – диахронических и синхронических, полных и частичных т. д. – обусловили разнообразие взглядов, разнообразие (и даже разнобой) в понятийно-терминологической системе” [23, с. 61]; “... терминология переходных явлений не является устоявшейся, общепринятой” [351, с. 18]; “наблюдается терминологическая неоднозначность в определении сущности переходных явлений” [349, с. 8]; ни один из терминов не имеет всеобщего признания лингвистов при

понимаем термин как языковой знак, который представляет научное понятие специальной, профессиональной области знаний, соответственно, лингвистический термин – как точно ограниченное в научном и практическом смысле обозначение лингвистического понятия.

характеристике переходных языковых явлений – “предложенные термины-понятия или ограничены (как *конверсия, деривация, трансформация*), или, наоборот, слишком емкие, как *транспозиция*” [378, с. 78; 332, с. 117]; кроме того, они не в одинаковой степени освещают специфику переходности, а потому состав самих фактов совпадает лишь частично [178, с. 8].

Итак, разнообразие и неоднородность явлений, имеющих непосредственное отношение к транспозиции частей речи, способствовали формированию противоречивой терминологии для обозначения этого понятия. На сегодняшний день в лингвистике нет единого общепризнанного термина для обозначения явления транспозиции частей речи[32]: почти каждая научная статья содержит авторское объяснение употребляемых терминов и понятий, согласно этому осуществляется характеристика и обобщение категорий и понятий, которые применяют учёные в своих исследованиях, выделяя только определённые их аспекты, которые в контексте исследования являются для них актуальными.

Для обозначения транспозиции как языкового явления в лингвистике используют такие термины и понятия: 1) *переход*[33] *(слов)* (Н. И. Греч, А. Х. Востоков, Г. П. Павский, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов[34],

---

[32] Отметим, что некоторые авторы вообще отказываются от термина *транспозиция частей речи* [350, с. 22].

[33] Термин *транспозиция* (на уровне частей речи) начал функционировать в лингвистике позже, чем термин *переход (одной части речи в другую)*; в системе грамматических категорий оба термина часто являются синоничными [14, с. 320, 440; 140, с. 42]. *Переход* используют как отдельный термин, а также в терминологических наименованиях типа *переход частей речи, переход прилагательных в существительные, переход слов из разных частей речи в местоимения* и тому подобное.

[34] В. В. Виноградов, анализируя особенности *перехода* причастий в прилагательные, вместо термина *переход причастий в прилагательные* пользуется понятием *“окачествление причастий”*.

С. Г. Бережков, А. С. Бедняков, Л. Б. Перльмуттер, О. В. Скороглядова, В. С. Ващенко, Е. Т. Черкасова, Н. А. Каламова, В. Ф. Иванова, Д. Г. Гринчишин, В. М. Никитевич, О. П. Суник, М. Ф. Лукин, В. В. Бабайцева, И. К. Зданевич, Л. П. Калакуцкая, М. С. Бунина, Г. М. Мукан, А. Я. Баудер, Г. Н. Гнатюк, С. Г. Ильенко, Е. М. Сидоренко, Н. В. Потапешкина, Л. Д. Чеснокова, И. Я. Сидоренко, Н. А. Бондарь, Е. Б. Волошина, М. В. Резунова, Н. А. Глуховская, Н. Лебедь) [35]; 2) *замена частей речи*[36] (А. М. Пешковский); 3) *переходные факты в сфере частей речи* (А. М. Пешковский); 4) *переход частей речи* (В. Я. Кузнецов, Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко, В. М. Ожоган, А. Ф. Гайнутдинова, А. Ю. Габай); 5) *переход в сфере частей речи* (В. Я. Кузнецов); 6) *переход в системе частей речи* (К. С. Симонова); 7) *переход (слов из) одной части речи в другую* (М. Ф. Лукин[37], В. В. Бабайцева, А. Я. Баудер, Л. Я. Маловицкий, Е. Н. Сидоренко, И. В. Дьячук, И. Я. Сидоренко, Н. Н. Мединская, И. Г. Филипченко, Н. А. Бондарь, О. В. Тюкинеева, Н. Лебедь); 8) *переход одной части речи в другую* (В. И. Кодухов, В. Я. Кузнецов); 9) *переход одних частей речи в другие* (В. Я. Кузнецов, К. С. Симонова); 10) *переход в другую часть речи* (А. Ю. Габай); 11) *переход слов разных частей речи* (В. Я. Кузнецов); 12) *переход слов и словоформ с одной части речи в другую*

---

[35] Термин *переход* является компонентом составных терминологических образований, а именно: *переход ударения* (синоним – *метатония*) (О. С. Ахманова); *семантический переход* (Д. Н. Шмелев, О. Н. Шалифова) и др.

[36] Понятие *замена частей речи* для обозначения явления транспозиции является индивидуальным, стабильно им пользуются в теории перевода или переводоведении для номинации распространенного типа переводческих трансформаций; такие замены, как правило, вызваны различным употреблением слов и различными нормами сочетаемости слов или отсутствием части речи с соответствующим значением в русском языке (Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер).

[37] М. Ф. Лукин термин *переход слов из одной части речи в другую* считает условным: “*так называемый переход* ...” [251, с. 78].

(В. Я. Кузнецов); *переход слов из одного лексико-грамматического класса в другой* (Н. Глебчук, В. Добосевич); 13) *переход частей речи* (И. В. Никиенко, М. В. Резунова, А. Ю. Габай); 14) *межчастеречный переход* (К. Г. Городенская, Р. М. Гайсина, Н. В. Кущ, И. А. Пасечник); 15) *межкатегориальный переход* (Р. М. Гайсина, В. М. Ожоган); 16)*категориальный переход* (И. В. Никиенко); 10) *индивидуальный переход слова из одной части речи в другую* (Т. В. Жеребило); 17) *морфологический переход* (*адъективированных глаголов в прилагательные*) и т. д. (К. Г. Городенская); 18) *транспозиционный переход (слов)* (К. Г. Городенская); 19) *функциональный переход* (Е. В. Цымбалюк); 20) *синтаксический переход* (Г. М. Мукан[38]); 21) *переход лексемы из класса в класс* (А. Т. Кривоносов); 22) *переход категорий слов (с изменением и без изменения их парадигмы)* (М. Ф. Лукин); 23) *процесс перехода категорий слов* (М. Ф. Лукин); 24) *процессы перехода одной части речи в другую* (А. А. Шахматов, В. И. Кодухов); *процесс(ы) перехода из одной части речи в другую* (М. С. Бунина); *процесс(ы) перехода* (В. Я. Кузнецов); *процесс(ы) перехода слов из одного лексико-грамматического разряда в другой* (В. Я. Кузнецов); 25) *явление перехода* (В. Я. Кузнецов); *явление перехода в другую часть речи* (Ф. С. Аухадиева); *явление перехода частей речи друг в друга* (Ю. А. Карпенко); *явление перехода (из) одной части речи в другую* (В. Я. Кузнецов, Н. Глибчук); *явление перехода одного грамматического класса слов в другой* (Е. Б. Волошина); 26) *переходные случаи в сфере частей речи* (М. С. Бунина); 27) *переходные явления* (К. С. Симонова, Е. Б. Волошина, С. В. Соколова, Ф. Г. Оздоева, Н. Глибчук, В. Добосевич, Е. В. Цымбалюк); *переходные явления в системе частей речи* (Г. М. Мукан, Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко, А. Ф. Гайнутдинова, Д. А. Салимова, К. С. Симонова, М. В. Резунова, Л. С. Фоминых, Н. Лебедь); *переходные*

---

[38]Употребляют как синоним термина *функциональная транспозиция* [276, с. 16].

явления в сфере частей речи (Л. Я. Маловицкий, В. В. Шигуров, Н. А. Бондарь); *переходные явления среди частей речи* (Н. Лебедь); *переходные явления в морфологии* (Л. С. Фоминых); 28) *взаимопереход частей речи* («Грамматика-60», А. Е. Супрун, В. М. Никитевич, В. Хенцен, Г. В. Дагуров, А. Ф. Гайнутдинова); *взаимопереход* (В. М. Никитевич, Н. Н. Мединская, Н. А. Глуховская); *взаимопереход одной части речи в другую* (Н. А. Глуховская); 29) *межкатегориальное взаимодействие* (Р. М. Гайсина); *взаимодействие между частями речи* (Р. М. Гайсина); 30) *взаимодействие частей речи и явления перехода в их системе* (К. С. Симонова); *процесс взаимодействия и перехода в системе частей речи* (К. С. Симонова); 31) *морфологизация*[39] (К. Г. Городенская); *морфологизация частей речи* [40] (К. Г. Городенская); 32) *перемещение слов из одной части речи в другую* («Грамматика-50»); 33) *функциональная взаимозаменяемость частей речи* (К. Г. Городенская); *функциональное уподобление одних частей речи другим* (К. Г. Городенская); 34) *категориальное перерождение слова* (Т. С. Тихомирова, В. Я. Кузнецов); *процесс категориального преобразования слова* (В. Я. Кузнецов);

---

[39] Употребляется термин *полуморфологизация*: “Употребление формы инфинитива в синтаксической позиции адъектива некоторые языковеды трактуют как полуморфологизацию, потому что в этой форме состоялась будто половина морфологической адъективации – морфологическая нейтрализация исходных глагольных категорий, но не осуществилось морфологическое закрепление прилагательных грамматических категорий рода, числа и падежа” [90, с. 172; 119, с. 58].

[40] “Синтаксическое использование слов одних частей речи в функции других требует соответствующего их морфологического оформления, то есть *частеречной морфологизации*. Её параметры и степень зависят от типа синтаксического перехода” [119, с. 61].

35) *переходность*[41] (А. М. Пешковский, С. Г. Бережков, А. С. Бедняков, Л. Б. Перльмуттер, В. В. Виноградов, О. А. Жирикова, В. Н. Мигирин, О. В. Скороглядова, В. В. Бабайцева, Е. П. Калечиц, Н. А. Каламова, В. Ф. Иванова, В. В. Лопатин, М. Ф. Лукин, Б. Ю. Норман, Л. П. Калакуцкая, Т. С. Тихомирова, М. С. Бунина, В. И. Кодухов[42], Л. Я. Маловицкий, Е. Н. Сидоренко, В. Я. Кузнецов, И. В. Дьячук, В. В. Шигуров, С. А. Остапенко, Л. Д. Чеснокова, И. Я. Сидоренко, К. Э. Штайн, М. В. Резунова, Е. В Цымбалюк); 36) *морфологическая переходность* (В. И. Кодухов, Т. В. Пономаренко); 37) *переходность на морфологическом уровне* (Л. Я. Маловицкий); 38) *переходность на уровне частей речи* (С. В. Соколова); 39) *переходность частей речи* (М. Ф. Лукин, В. Я. Кузнецов, Н. В. Потапешкина, Т. К. Бардина); *переходность в сфере частей речи* (В. И Кодухов, Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко); 40) *переходность в системе (сфере) частей речи и контаминантов* (Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко); 41) *переходность слов из одного*

---

[41] Термин *переходность* является компонентом составных терминологических образований, таких как: *фонетическая переходность* (Т. Г. Пономаренко), *семантико-грамматическая переходность* (Л. К. Дмитриева), *семантическая переходность* в 4-х разновидностях – *смешанная, пограничная, функциональная и генетически-семантическая переходность* (В. И. Кодухов, М. В. Резунова), *фразеологическая переходность* (А. В. Жуков, А. Ф. Калашникова, А. В. Свиридова), *стилистическая переходность слов* (Т. Г. Пономаренко), *языковая переходность* (Е. В. Цымбалюк, А. В. Свиридова), *переходность в языках* (М. В. Резунова), *переходность языковых явлений* (М. В. Резунова), *динамическая переходность* (Л. Я. Маловицкий), *стратификационная переходность* (переходность как статус) (Л. Я. Маловицкий), *вариативная переходность* (Л. Я. Маловицкий), *гетерогенная переходность* (Л. Я. Маловицкий), *коннотативная переходность* (Т. Г. Пономаренко) и др.

[42] Переходность ученый интерпретирует как серединный уровень перехода от старого качества к новому, от одной единицы языка к другой [201, с. 15].

лексико-грамматического разряда в другой (Г. М. Мукан); *переходность единиц одного грамматического класса в другой* (С. А. Остапенко); 42) *грамматическая переходность (частей речи)* (С. Г. Ильенко); 43) *явления грамматической переходн*ости (С. Г. Ильенко); 44) *синхронная переходность* (В. В. Бабайцева, Е. В. Цымбалюк); 45) *диахронная переходность* (В. В. Бабайцева, Е. В. Цымбалюк); 46) *индивидуальная переходность* (Л. Д. Чеснокова); *индивидуальная переходность в морфологии* (Т. В. Жеребило); 47) *переходность частей речи* (М. В. Резунова); 48) *переходность в свете общей теории частей речи* (В Я. Кузнецов); 49) *переходность в грамматическом строе языка* (А. Я. Баудер); 50) *межуровневая переходность* (Е. В. Цымбалюк); 51) *полипереходность* (Н. А. Глуховская); 52) *случаи переходности в сфере частей речи* (М. С. Бунина); 53) *процессы переходности* (В. Н. Мигирин); *процессы переходности в области частей речи* (Е. Н. Сидоренко, И Я. Сидоренко); *процессы переходности среди частей речи* (Н. Е. Петрова); 54) *явление (явления) переходности* (С. Г. Ильенко, В. Я. Кузнецов, Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко, П. А. Лекант, Л. С. Фоминых, Н. А. Глуховская); *явление переходности в системе (сфере) частей речи* (М. С. Бунина, А. Я. Баудер); *явления переходности частей речи* (М. В. Резунова); *явления переходности в морфологическом строении языка* (А. Я. Баудер); *явления переходности в морфологии* (М. В. Резунова); 55) *процессы перерождения одних частей речи в другие* (М. С. Бунина); 56) *транзитивность* (А. Я. Баудер); 57) *транспозиция*[43] (Ш. Балли, О. Лешка, М. Г. Корлэтяну,

[43]Нужно отметить, что для обозначения транспозиционных явлений в широком смысле – любого переносного употребления языковых форм – используют и другие термины: транзитивация – исторический процесс преобразования непереходных глаголов в переходные (Е. А. Пименов) и др. Кроме лингвистики, термин *транспозиция* (*транспонирование*, от лат. *trānspositiō* – перекладывание, перестановка, перемещение) используют в генетике, комбинаторике, литературоведении,

О. В. Скороглядова, В. М. Никитевич, В. В. Бабайцева, Е. С. Кубрякова, О. М. Ким, И. В. Арнольд, Ю. А. Левицкий, Г. Г. Соколова, Ю. С. Степанов, Ю. А Карпенко, А. Ф. Гайнутдинова, Л. В. Бортэ, М. Г. Меркулова, Р. М. Гайсина, В. Г. Гак, И. В. Дьячук, В. В. Шигуров, А. А. Кизюкевич, С. А. Остапенко, В. М. Ожоган, Е. Н. Ремчукова, Е. А. Селиванова, И. А. Пасечник, Ф. С. Аухадиева, К. Н. Недбайло, Н. Е. Петрова, С. В. Соколова, И. Н. Лекарева, Н. Н. Мединская, А. Ю. Габай, Л. Ж. Норкина, С. П. Татаранюк[44]); 58) *функциональная транспозиция*

математике, медицине, музыке, электротехнике и т. д.: в генетике – это перемещение определенных генетических элементов с одного места на хромосоме в другое или из одной хромосомной позиции на другую; в комбинаторике – это перестановка элементов любой совокупности, при которой меняются местами только два элемента. Например, 123456 переходит в 623 451 с помощью транспозиции элементов 6 и 1, в литературоведении – это перевод текста одного жанра или функционального стиля в другой жанр или функциональный стиль; в математике – это перенос членов отношения с одной стороны знака равенства на другой; в медицине – это редкая аномалия развития, характеризующаяся зеркальным по отношению к нормальному расположением внутренних органов; в музыке – это перенос всех звуков музыкального произведения или его части на определённый интервал вверх или вниз, что приводит к изменению его тональности; в электротехнике – это изменение взаимного расположения проводов отдельных фаз по длине воздушной линии электропередачи для уменьшения отрицательного влияния линий электропередачи друг на друга и на близлежащие линии связи. Все указанные толкования фиксируют специальные словари.

[44]Термин *транспозиция* может быть компонентом других составных терминов, а именно: *фонологическая транспозиция* (Ш. Балли), морфематическая транспозиция (Е. И. Семиколенова), *субстантивная транспозиция* (В. М. Никитевич, Р. М. Гайсина, Н. И. Ершова, А. Ф. Гайнутдинова), *отсубстантивная транспозиция* (О. М. Ким), *предикативная транспозиция* (В. В. Шигуров), *ступенчатая транспозиция* (В. В. Шигуров), *синтаксическая наречная транспозиция* (А. Ю. Габай), *синтаксическая адвербиальная транспозиция* (А. Ю. Габай),

(Ш. Балли, О. Есперсен, Л. Теньер, А. Сеше, А. Фрей, Ю. С. Степанов[45], В. Г. Гак, В. В. Шигуров, И. А. Пасечник, Л. Г. Мулюкина); 59) *транспозиция частей речи* (О. М. Ким, Ю. А. Карпенко, Л. Ф. Пешкова, О. В. Тюкинеева, К. Н. Недбайло); *транспозиция на уровне частей речи* (О. М. Ким, В. М. Никитевич, И. В. Дьячук); *транспозиция на уровне лексико-грамматических разрядов слов* (С. Л. Керимова); *транспозиция единицы одной части речи в другую* (В. М. Никитевич); *транспозиция языковых единиц в системе частей речи* (В. В. Шигуров); *транспозиция одной части речи в другую* (В. М. Ожоган); *транспозиция среди частей речи* (Р. В. Вацеба); 60) *транспозиция частей речи* (В. В. Шигуров, К. С. Симонова, К. Н. Недбайло, А. Ф. Гайнутдинова[46], А. Ю. Габай, Л. Б. Воловик, Н. А. Глуховская); транспозиция между частями речи (И. Г. Данилюк); *межчастеречная транспозиция морфологических единиц* (К. С. Симонова, И. Г. Данилюк); *транспозиция между частями речи в области морфологии* (И. Г. Данилюк); 61) *грамматическая транспозиция* (А. Ю. Габай); *лексико-грамматическая транспозиция* (Л. Ж. Норкина);

отглагольная транспозиция, *словоизменительная транспозиция* (А. И. Смирницкий, Л. Л. Буланин, А. К. Поливанова), *смешанная транспозиция* (К. Н. Недбайло), *транспозиция частей речи в разные члены предложения* (Ю. А. Карпенко), *стилистическая транспозиция* (Н. Е. Петрова, О. А. Веремчук, О. А. Жирикова), *семантическая транспозиция* (Ш. Балли, И. Г. Данилюк, О. Н. Шалифова), *транспозиция семантической стороны знака* (термин основал Е. Курилович), *семантико-стилистическая транспозиция* (А. А. Гольдман), *транспозиция стилистических фигур* (Г. А. Копнина), *субъектная транспозиция* (А. В. Арзямова), *транспозиция номинального значения* (О. Н. Шалифова), *лингвистическая транспозиция* (Википедия) и др.

[45]Ю. С. Степанов термин *функциональная транспозиция* использует как видовое наименование к родовому (комплексному) понятию *транспозиционные преобразования*.

[46]А. Ф. Гайнутдинова термин *частеречная транспозиция* употребляет как синоним *субстантивации*.

62) *морфологическая транспозиция*[47] (Е. С. Кубрякова, Ю. А. Левицкий, М. Г. Меркулова, Е. Н. Ремчукова, Н. В. Гуйванюк, В. Н. Алиева, И. Г. Данилюк[48], Ф. С. Аухадиева, Н. Н. Мединская, Н. Глибчук, В. Добосевич, А. Ю. Габай); 63) *межкатегорийная (межкатегориальная) транспозиция* (А. А. Кизюкевич, В. В. Меринов); *межкатегорийная транспозиция морфологических единиц* (К. С. Симонова); 64) *эксплицитная (имплицитная) транспозиция* (Ю. С. Степанов[49]); 65) *синтагматическая транспозиция* (А. Сеше, А. Фрей); 66) *синтаксическая транспозиция* (Е. С. Кубрякова, Ю. А. Левицкий, Ю. С. Степанов, В. Г. Гак[50], Н. В. Гуйванюк, В. Н. Алиева, Н. Н. Мединская, Е. А. Флейшер); 67) *функционально-семантическая транспозиция* (Ю. В. Филиппова); 68) *транспозиция морфологических форм* (Е. И. Шендельс); 69) *взаимонаправленная деривационная транспозиция* (И. С. Улуханов, Т. Н. Александрова); 70) *транспозиционные процессы* (В. В. Шигуров,

---

[47] Как синоним термина *морфологическая транспозиция* функционирует термин *полная транспозиция* при образовании слова другой с морфологической точки зрения части речи [98, с. 15].

[48] И. Г. Данилюк понимает морфологическую транспозицию в широком смысле: по мнению учёного, при этом процессе устойчивыми являются форма и функция слова – меняется только грамматическое значение: Я *иду* (наст.время) *домой* – *Иду* (пр..вр.) *я однажды лесом* ... [130].

[49] Ю. С. Степанов под транспозицией понимает «такое языковое явление, когда языковая единица, или языковой знак, не меняя своего основного “вещественного“ значения, меняет грамматическое значение согласно тому, оказывается ли транспозиция: а) только в изменении синтаксического окружения и сочетаемости или б) в изменении линейного определительного знака, она делится на два вида – имплицитная транспозиция, или гипостаз, и эксплицитная, или функциональная, транспозиция” [368, с. 185].

[50] В. Г. Гак под синтаксической транспозицией понимает т. н. неполную транспозицию, которая является одной из разновидностей транспозиционных преобразований вообще.

В. М. Ожоган, О. В. Тюкинеева, И. А. Пасечник, Е. Б. Волошина, Т. Н. Александрова); 71) *транспозиционные процессы на уровне частей речи* (В. В. Шигуров); 72) *транспозиционные процессы в рамках различных частей речи* (Е. Б. Волошина); 73) *транспозиционные процессы в системе частей речи* (Л. В. Бондаренко); 74) *транспозиционные преобразования* (Ю. С. Степанов, А. Ю. Габай); 75) *транспозиционные изменения* (А. Ю. Габай); 76) *транспозиционные перемещения* (А. Ю. Габай); 77) *трансляция* (Л. Теньер); 78) *трансформация*[51] (Ж. Дюбуа, В. Н. Мигирин, Н. П. Голубева, В. В. Бабайцева, М. Ф. Лукин, Е. В. Падучева, С. И. Фетисова, Е. Н. Сидоренко, С. А. Остапенко, Л. Д. Чеснокова, И. Я. Сидоренко, И. В. Высоцкая, О. В. Тюкинеева); 79) *трансформация в сфере частей речи* (В. Н. Мигирин[52]); 80) *трансформации в сфере грамматических категорий*[53] (В. Н. Мигирин); 81) *трансформация частей речи* (Т. В. Жеребило[54]); 82) *грамматическая трансформация* (В. Я. Строчков); 83) *диахронная трансформация* (В. Н. Мигирин,

---

[51]Под термином *трансформация* понимают: 1) переходность среди частей речи (М. Ф. Лукин, С. И. Фетисова, Л. Д. Чеснокова, Е. В. Падучева и др.); 2) морфологическое учение о переходности среди частей речи (В. Н. Мигирин, В. В. Бабайцева, П. А. Лекант и др.); 3) трансформационную грамматику Н. Хомского, которая изучает типы модификаций синтаксических структур в соответствии с психологическим моделированием категорий грамматики [399, с. 135–136].

[52]В. Н. Мигирин разграничивает трансформацию в сфере частей речи и трансформацию членов предложения [332, с. 117].

[53]Термин *трансформация в сфере грамматических категорий* В. Н. Мигирин считает синонимом термина *переходность в сфере грамматических категорий* [178, с. 10].

[54]Под *трансформацией частей речи* Т. В. Жеребило понимает процесс изменения признаков слова, который приводит к перемещению слова из одной части речи в другую или к перемещению слова из одного морфологического разряда в другой в пределах одной части речи [146].

Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко)[55]; 84) *семантическая трансформация* (И. Н. Лекарева); 85) *функциональная трансформация* (С. М. Еникеева[56]); 86) *явления трансформации (среди частей речи)* (Е. В. Цымбалюк); 87) *трансформационные процессы* (М. Ф. Лукин, В. Я. Кузнецов, Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко); 88)*межкатегориальные связи в частях речи* (Е. П. Калечиц); 89) *перекатегоризация слова* (Ю. А. Левицкий[57]); 90) *функциональная трансориентация* (С. М. Еникеева, Л. Б. Воловик); 91) *функциональная трансориентация лингвальных единиц (функциональная модификация лингвальных единиц)* (Р. В. Вацеба, С. М. Еникеева, Л. Б. Воловик); 92) *явление функциональной трансориентации лингвальных единиц* (С. М. Еникеева); 93) *трансориентация лингвальных единиц* (С. М. Еникеева); 94) *транскатегоризация* (Л. В. Бортэ, С. А. Остапенко); 95) *трансфигурация* (А. Т. Дуйсенбина); 96) *перемещение* (М. Ф. Лукин); 97)*субституция* (М. Ф. Лукин); 98) *лексико-грамматическая субституция* (М. Ф. Лукин); 99) *миграция частей речи* (Г. В. Чернов); 100) *транспонирование* (Б. И. Блажев, В. М. Ожоган); 101) “*перетягивание” частей речи из одной в другую* (Ю. А. Карпенко); 102) *деривация* (Е. Курилович); 103) *синтаксическая деривация* (Е. Курилович; К. Г. Городенская); 104) *деривация частей речи*[58] (Е. П. Калечиц);

---

[55] Термин *диахронная трансформация* у авторов является абсолютным синонимом термина *переходность*.

[56] Термином *функциональная трансформация* автор пользуется как абсолютным синонимом термина *функциональная трансориентация* [144, с. 46].

[57]Учёный употребляет термин *перекатегоризация* как синоним термина *транспозиция* в широком смысле. При этом различает *транспозицию морфологическую* – переход основы слова из одной грамматической категории в другую, из одного морфологического класса в другой и *транспозицию синтаксическую* как изменение первичной синтаксической функции слова [236, с. 9–11].

[58]Лингвистическое мышление современного человека, по мнению Е. П. Калечиц, направлено на интеграцию. Интегрированным термином исследовательница считает

105) *деривация между частями речи* (Л. В. Шитик); 106) *грамматическая омонимия* (В. В. Виноградов, О. П. Кушлик, Л. Кицыла, И. Г. Данилюк, Н. С. Борисенко, О. А. Шипнивская, Ф. И. Маулер); 107) *межчастеречная морфологическая омонимия* (О. А. Шипнивская); 108) *межчастеречная омонимия* (Н. Глибчук, В. Добосевич); 109) *контаминация* (В. В. Бабайцева); 110) *конверсия* (А. И. Смирницкий, А. А. Реформатский, О. П. Суник, Е. С. Кубрякова, Г. Марчанд, И. А. Мельчук, И. В. Арнольд, Е. С. Дружинина, Г. И. Панова, А. Ф. Гайнутдинова, С. П. Татаранюк) [59]; 111) *синкретизм* (В. В. Бабайцева, К. Э. Штайн, И. Г. Данилюк[60], М. В. Резунова); 112) *интеграционные процессы* (Е. В. Цымбалюк); 113) *грамматическая гибридизация* (М. В. Резунова); 114) *функциональная переориентация* (А. Э. Левицкий, С. М. Еникеева); 115) *функциональная переориентация языковых единиц* (А. Э. Левицкий, С. М. Еникеева); 116) *эквивалентность* (Н. В. Кущ); 117) *прономинализация* (М. Белбаева[61]);

сочетание *частеречная деривация*, которое объединяет языковые единицы, комплексы, группировки, категории, связанные не по признаку принадлежности их к одному языковому уровню, а по признаку грамматической природы части речи [175, с. 142].

[59]Оперируют также терминами *диахроническая (диахронная) конверсия* (изменение принадлежности отдельной словоформы к определённой части речи) и *синхроническая (синхронная) конверсия* (случаи регулярного перехода слов определённой части речи в другую). Сейчас к термину *конверсия* как синонимичные предлагают: *функциональное изменение, корневое словообразование, нулевое словообразование* и т. д. [107, с. 109; 350, с. 19].

[60]И. Г. Данилюк понимает синкретизм как общеязыковое родовое понятие, охватывающее “явления омонимии, трансформации и взаимодействия языковых единиц на семантическом и грамматическом уровнях” [130].

[61]В учебном пособии М. Белбаевой [39] процесс перехода слова из одной части речи в другую назван прономинализацей, что на самом деле является лишь одним из видов транспозиции: прономинализация – это переход других частей речи в местоимения.

118) *переведение слов из одной лексико-грамматической категории в другую* (А. Ф. Гайнутдинова); 119) *взаимопроникновение* (А. Т. Кривоносов); 120) *переходимость* (М. В. Резунова); 121) *явление взаимонаправленного порождения слов разных частей речи* (И. С. Улуханов, Т. Н. Александрова); 122) *гипостазиз* (О. С. Ахманова); *метабазис* (О. С. Ахманова)[62]; 123) *конвертация (разных) частей речи* (Е. Б. Волошина) и др.

Среди зафиксированных терминов (всего – 194 терминонаименования) выявлены 23 однокомпонентные единицы и 171 многокомпонентное образование, что составляет 11,9% и 88,1%. Это соответствует общей тенденции современного терминообразования, которая заключается в использовании составных терминологических единиц.

Термины для обозначения явления ТЧР имеет смысл квалифицировать в зависимости от научной ценности и “степени зрелости” и разграничивать две основные группы терминологических обозначений:

1) *стабильные термины*, к которым мы относим термины, получившие всеобщее признание и широко используемые в лингвистической науке: *переход, переход частей речи, частеречный переход, переходность, переходность частей речи, транспозиция, транспозиция частей речи, частеречная транспозиция, трансформация* и тому подобное. Такими терминами оперируют в учебных программах, учебниках, учебных пособиях, словарях лингвистических терминов и тому подобное; 2) *условные термины*, которые не являются общепризнанными, для которых достаточная точность не является присущей: *взаимопроникновение, миграция частей речи, транспонирование, трансфигурация, грамматическая гибридизация, функциональная трансориентация, конвертация частей речи* и тому подобное. Среди таких наименований можно выделить индивидуальные

[62]Термины *гипостазис и метабазис* О. С. Ахманова считает синонимичными относительно *транспозиции* в широком смысле: переход одной части речи в другую через конверсию, то есть с учётом субстантивации и адъективации [14, с. 100].

термины, образные выражения-термины, высказывания, провизорные[63] термины, то есть обозначения, находящиеся в процессе образования термина и недостаточно определённые по содержанию и тому подобное. Преобладают условные термины.

Все термины для обозначения явлений транспозиции частей речи можно объединить в 10 групп[64] [Таблица 1]: 1) ключевое слово терминологических наименований *переход* (или производное – *переходный*): *переход слов*, *переход частей речи, переход в системе частей речи, частеречный переход, явление перехода, переходные явления, переходные явления в морфологии, взаимопереход* и тому подобное; всего – 47 терминов (соответственно 24,2%); 2) ключевое слово *переходность*: *переходность частей речи, морфологическая переходность, грамматическая переходность, частеречная переходность, полипереходность, процессы переходности, явления переходности частей речи* и тому подобное; всего – 32 термина (16,5%); 3) ключевое слово *транспозиция* (или производное – *транспозиционный*): *функциональная транспозиция, транспозиция частей речи, межчастеречная транспозиция, межкатегориальная транспозиция, транспозиционные процессы, транспозиционные изменения* и тому подобное; всего – 32 термина (16,5%); 4) ключевое слово *словообразование*: *морфологическое словообразование, морфолого-синтаксическое словообразование, транспозиционное словообразование* и тому подобное; всего – 14 терминов (7,2%); 5) ключевое слово *трансформация* (или производное – *трансформационный*): *трансформация в сфере частей речи, грамматическая трансформация, функциональная трансформация* и тому подобное; всего – 11 терминов (5,7%); 6) ключевое слово *деривация*: *частеречная деривация, транспозитивная деривация, морфолого-*

[63]Провизорный – предварительный или временный.

[64]Подробно информация о распределении терминов для обозначения ТЧР по соответствующим группам представлена в приложении 1.

синтаксическая деривация и тому подобное; всего – 8 терминов (4,1%); 7) ключевое слово *взаимодействие*: *межкатегориальное взаимодействие, межчастеречное взаимодействие, процесс взаимодействия и перехода в системе частей речи* и тому подобное; всего – 6 терминов (3,1%); 8) ключевое слово *трансориентация*: *функциональная трансориентация, функциональная трансориентация лингвальных единиц, явление функциональной трансориентации лингвальных единиц* и тому подобное; всего – 4 термина (2,1%); 9) ключевое слово *омонимия: грамматическая омонимия, межчастеречная морфологическая омонимия, межчастеречная омонимия*; всего – 3 термина (1,5%); 10) т. н. *индивидуальные термины*: *категориальное перерождение слова, субституция, функциональная переориентация, функциональная модификация лингвальных единиц*; всего – 37 терминов (19,1%). Отдельные индивидуальные термины классифицированы между другими группами (по структурным показателям), а именно: *индивидуальная переходность в морфологии, полипереходность, функциональная трансориентация лингвальных единиц* и тому подобное.

Напомним, что трактовки зафиксированных терминов в научных исследованиях лингвистов существенно отличаются друг от друга, поэтому важным является анализ всех интерпретаций и чёткое определение каждого термина: такой анализ частично осуществлён в предлагаемом параграфе, частично представлен в параграфах, посвящённых анализу научного наследия языковедов XIX – начала XXI вв. Толкования сущности понятий для обозначения явления ТЧР, которые представлены в работе, отражают противоречия относительно их понимания, что, безусловно, свидетельствует как о чрезвычайной сложности явлений перехода частей речи, так и о недостаточной их изученности.

Анализ терминов для обозначения явления транспозиции, отдельные замечания относительно их использования встречаются в работах М. Ф. Лукина [249 с. 26–27; 250 с. 5, 10], И. К. Зданевича [159, с. 49–53],

В. М. Никитевича [288, с. 102–108], Г. Г. Соколовой [364, с. 5–18], Т. С. Тихомировой [378, с. 78–87], А. Я. Баудера [30, с. 79–80], В. Я. Кузнецова [220, с. 4–7], И. В. Дьячук [140, с. 42–43], В. В. Шигурова [414, с. 5–10], Е. П. Калечиц [175, с. 9–20], С. А. Остапенко [298, с. 39–40], О. П. Кушлик [224, с. 45–49], В. М. Ожогана [296, с. 81–89], В. В. Бабайцевой [23, с. 62], Д. А. Салимовой [342, с. 2–3], К. С. Симоновой [354, с. 6–14], С. И. Богданова и Ю. Б. Смирнова [54], Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко [350, с. 17–25; 351, с. 19–20], О. В. Тюкинеевой [381, с. 54–75], И. Г. Данилюка [130, с. 2–3], С. М. Еникеевой [144, с. 45], И. А. Пасечник [308, с. 64], Ф. С. Аухадиевой [13, с. 126–130], Е. Б. Волошиной [92, с. 18], М. В. Резуновой [332, с. 116–120], Е. П. Налобиной [282], Б. К. Рысбая [341], С. П. Татаранюка [376, с. 219–222], Н. Лебедь [234, с. 16–19] и др.

В большинстве работ, посвящённых явлениям переходности среди частей речи (как общим вопросам, так и отдельным случаям переходности – субстантивации, адъективации, адвербиализации[65] т. п.), авторы пользуются терминами *переход и переходность* (описательные термины типа *переход слов из одной части речи в другую, переходность частей речи* и т. д., как правило, функционируют со стилистической целью, а термины типа *синхронная переходность, диахронная переходность* и т. д. – для разграничения переходных явлений, которые происходили в прошлом, и переходных явлений, которые имеются в современном языке). В многочисленных исследованиях настоящего времени наблюдается тенденция к дифференцированному употреблению терминов *переход и переходность*: под термином *переход* лингвисты имеют в виду явление частеречного преобразования слова, под термином *переходность* – склонность к такому преобразованию [Группа 1].

[65]Надо отметить, что в большинстве работ, посвящённых конкретным разновидностям транспозиции частей речи, термины *переход и переходность* обычно не различают [140, с. 57].

Термины-понятия *транспозиция* [Группа 3], *трансляция, трансформация, деривация, конверсия* и т. д. в современной лингвистической литературе имеют два основных назначения: 1) для обозначения перевода любого слова или группы слов из одной части речи в другую с помощью суффиксов; 2) как родовой термин для видовых понятий-терминов: *субстантивация, адъективация* т. д. [23, с. 68–69].

Термины для обозначения явления транспозиции частей речи часто употребляют и как тождественные, и как синонимичные, и как неоднозначные, причём у разных авторов один и тот же термин может иметь или неодинаковое понятийное содержание, или суть может меняться в различных исследованиях и т. д.[66] [34, с. 14]. Так, В. В. Бабайцева в работе «Переходные конструкции в синтаксисе» (1967) называет диахронную переходность трансформацией (следуя В. Н. Мигирину), а синхронную переходность – контаминацией. Позже исследовательница отказывается от этих терминов из-за их неоднозначности. Термин *трансформация* получил распространение в трансформационной грамматике, а термин *контаминация* применяют для обозначения объединения признаков в конструкциях, которые часто имеют индивидуальный характер. Исторические преобразования В. В. Бабайцева начала обозначать терминами *диахронная переходность* и *диахронные переходы*, а термин *контаминация* заменила *синкретизмом*, который почти сразу же получил распространение, поскольку выражает качественную сущность переходных образований зоны синкретизма [23, с. 83–84].

---

[66]Такое же терминологическое несовпадение наблюдается и при обозначении видовых наименований, например: *полный переход* называют *узуальным, абсолютным, постоянным, устойчивым*; *неполный – окказиональным, ситуативным, контекстуальным, непрочным, частичным, временным, неустойчивым* [246, с. 49; 369, с. 94–95].

У отдельных исследователей присутствует одновременно несколько терминов для обозначения явления ТЧР (даже в одном исследовании), при этом и сами трактовки понятий могут существенно отличаться друг от друга. Так, для О. В. Скороглядовой имеют одинаковое значение три термина: *переход, переходность, транспозиция*. [357, с. 5–6]. И. К. Зданевич, анализируя мысль О. В. Скороглядовой: «Явление, когда слово, принадлежащее одной части речи, сохраняя присущие ей грамматические признаки, выступает в другой смысловой роли, то есть в роли, свойственной другой части речи”, – справедливо возражает: “Совершенно непонятно, как при транспозиции слово может сохранять грамматические признаки той части речи, к которой оно принадлежит по происхождению. Непонятно также, что имеется в виду под “смысловой ролью” слов» [159, с. 56]. Н. А. Каламова термин *переходность* употребляет в двух значениях: 1) как завершённый переход из одной части речи в другую; 2) как разное функционирование слова [174, с. 56]. Термины *переход и переходность* исследовательница использует то как тождественные слова, то отдает предпочтение последнему. О. П. Суник рассматривает переход как возможность “одного и того же слова принадлежать (в зависимости от его синтаксических функций, от его речевого употребления) не к одной, а к разным частям речи” [371, с. 50]. М. Ф. Лукин считал такое функционирование слова следствием перехода, а не самим процессом перемещения слова из одной части речи в другую [250, с. 6–7]. И. К. Зданевич считает возможным определять содержание терминов *переход и переходность* по лексикографическим источникам: переходность – возможность различных частей речи к переходу в другие части речи, которая свидетельствует о взаимосвязи и взаимодействии между ними; переход – это семантические и грамматические сдвиги в словах, которые свойственны различным явлениям современного языка: или образование слов промежуточного типа, или возникновение функционального омонима. Кроме

того, к переходным явлениям надо относить только те слова, которые, во-первых, не потеряли двойного функционирования, то есть необходимым условием наличия переходных процессов является существование в языке как “конечного” пункта преобразований, так и “начального”; во-вторых, принадлежность слова к конкретной части речи нельзя определить без минимального контекста; в-третьих, переход из одной части речи в другую не сопровождается ни фонетическими, ни структурными изменениями и т. д. [159, с. 58]. Такая трактовка перехода вызывает возражения, потому что в нём, по мнению М. Ф. Лукина, последствия воспринимают как сущность самого перехода [250, с. 6–7]. А. Я. Баудер отмечает, что слова *переход и переходность* фактически как самостоятельные термины не функционируют, поскольку их используют как компонент составных лингвистических терминов (в частности, построенных по схеме: переход + родительный падеж единственного числа или множественного числа + винительный падеж имени с предлогом): *переход слов из одной части речи в другую, переход знаменательных слов в служебные, явление переходности в системе частей речи, переходность в грамматическом строе языка* [добавим: *процессы перехода одной части речи в другую, “явление перехода в другую часть речи”, частеречный переход, категориальный переход, индивидуальный переход слова из одной части речи в другую, процессы переходности, синхронная переходность, диахронная переходность, переходность частей речи, индивидуальная переходность в морфологии* и т. д.]. Переход слов одной части речи в другую – это, по мнению учёного, процесс преобразования дифференциальных признаков слов при сохранении исходного звукового и графического комплекса [30, с. 80]. Близким, но не идентичным понятию *переход*, является понятие *переходность*; при этом А. Я. Баудер предлагает как синоним термин *транзитивность* [30, с. 80]. Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко *переход* трактуют как явление, которое становится возможным благодаря способности языковых единиц к

структурному и семантическому преобразованию, а *переходность* – как процесс преобразования дифференциальных признаков языковых единиц одного класса и приобретение этой единицей дифференциальных признаков языковых единиц другого класса [349, с. 25].

Можно удлинить перечень синонимических словосочетаний для обозначения переходных явлений [Группа 10]: 1) В. Я. Кузнецов [220]: *переход в кругу частей речи* (с. 1, 2, 4), *явление перехода* (с. 3), *переход частей речи* (с. 3, 5, 8, 11), *переход слов и словоформ из одной части речи в другую* (с. 3), *процессы перехода слов из одного лексико-грамматического разряда в другой* (с. 3), *трансформационные процессы* (с. 4), *переход слов разных частей речи* (с. 4), *переходность* (с. 5, 6), *переход* (с. 5, 8), *переходность частей речи* (с. 6, 8), *переходность в свете общей теории частей речи* (с. 6), *категориальное перерождение слова* (с. 6), *переходные явления* (с. 6, 11), *процесс перехода* (с. 6, 9), *переход одних частей речи в другие* (с. 7), *процесс категориального преобразования (слова)* (с. 9, 10), *явление перехода из одной части речи в другую* (с. 9), *переход одной части речи в другую* (с. 10, 11), *явления переходности* (с. 11); *транспозиция* (термин критикуют, с. 5), *конверсия* (термин считают неуместным с. 5–6), *диахронная трансформация* (термин критикуют, с. 6); 2) Е. Н. Сидоренко и И. Я. Сидоренко [350]: *переходные явления в системе частей речи* (с. 3), *переход слов из одной части речи в другую* (с. 3, 10, 12), *процессы переходности в сфере частей речи* (с. 3, 5), *переходность* (с. 3, 12), *переходность в системе (в сфере) частей речи и контаминантов* (с. 6, 11), *явления переходности* (с. 12), *трансформация* (с. 12), *переход частей речи* (с. 18); 3) В. М. Ожоган [295]: *транспозиционные процессы* (с. 40, 42), *транспозиция одной части речи в другую* (с. 40), *межкатегориальный переход* (с. 40), *переход частей речи* (с. 41), *транспозиция* (с. 42), *трансформация* (с. 43, с. 49), *межкатегориальная транспозиция* (с. 49), *транспонирование* (с. 53) и др.

По нашему мнению, из предложенных понятий для обозначения переходных явлений среди частей речи целесообразным является термин *транспозиция* или – со стилистической целью – *транспозиция частей речи* (в пределах морфологического учения о переходности частей речи В. В. Бабайцевой).

Следующим этапом в терминонаименовании является классификация по видам (типам) транспозиции. При этом ТЧР надо рассматривать в двух направлениях: 1) с позиции той части речи, в которую переходят слова других частей речи, приобретая её свойства; 2) с позиции слов той части речи, которые переходят в другие части речи, теряя свои первоначальные свойства.

На сегодняшний день общепринятой классификацией типов транспозиции первого направления является: а) *субстантивация* (substantivization), или *транспозиция прилагательных* [364, с. 3], или *субстантивная транспозиция* [429; 103; 101] – переход слов из других частей речи (местоимений, числительных, наречий, предлогов, союзов, частиц и междометий) в существительные[67], “то есть приобретение синтаксических свойств и категориального значения существительного” [108, с. 393]; встречается также термин *субстантивизация* [207, с. 85]; а у А. М. Пешковского – *субстантивирование* [315, с. 140] [68] ; б) *адъективация*

[67]Или “разновидность конверсии, морфологически-синтаксического неморфологического способа создания существительных как перехода из других частей речи или их словоформ” [345, с. 707].

[68]Интересна мысль В. В. Лопатина. Исследователь отмечает, что субстантивацию прилагательных иногда неточно называют переходом прилагательных в существительные: “О переходе существительных в прилагательные можно говорить лишь в отношении тех слов, которые потеряли в процессе исторического употребления соотносимые омонимические прилагательные (рус. *портной, горничная* и т. п.)” [245, с. 206]. Субстантивация и переход различных частей речи в существительные – это, по В. В. Лопатину, два разных несовместимых понятия.

(adjectivization) – переход причастий, местоимений, числительных в прилагательные, или *транспозиция существительных* [364, с. 4]); в) *прономинализация* (pronominalization) – переход существительных, прилагательных, числительных в местоимения; г) *вербализация* (verbalization) (рус. оглаголивание) – переход междометий и звукоподражательных слов в глаголы; д) *нумерализация* (numeralization) – переход наречий, существительных в числительные[69]; е) *адвербиализация* (adverbialization) – переход существительных, местоимений, деепричастий в наречия; ж) *предикативация* – переход слов в предикативы; используется также термин *безлично-предикативная транспозиция* (В. В. Шигуров); з) переход в служебные части речи или особые разряды слов: *препозитивация* (синоним *препозиционализация*) (от лат. *praepositionis* – предлог) – переход существительных, наречий в предлоги; и) *конъюнкционализация* (от лат. *conjunctionis* – союз) – переход местоимений, наречий в союзы; к) *партикуляция* (от лат. *particula* – частица) – переход местоимений, глагольных форм, наречий, союзов в частицы; л) *модализация* – переход в модальные слова; м) *интеръективация* (от. лат. *interjectio* – возглас, вставка, промежуток) – переход существительных, местоимений, наречий в междометия; последний термин имеет синонимы *интеръективная транспозиция, трансформация в междометия* (термины В. В. Шигурова). Функционирует термин *коммуникативация* (от лат. *communico* – связываю, общаюсь) – переход в коммуникативы, то есть в неизменяемые слова, которые функционируют в разговорной речи как нечленимые высказывания

---

[69] Другое значение термина *нумерализация*: использование цифровых обозначений и числительных в качестве самостоятельного средства создания рекламных имен или дополнительного компонента: *кафе «444», магазины «777», «Старт-XXI», «Супердвери-2000»* и др.

(термины В. Ф. Киприянова, Г. И. Пановой)[70]. Используют термин *деноминализация* – потеря знаменательным словом, которое трансформируется, своего основного значения, замена его дополнительным значением. Деноминализация наблюдается преимущественно при переходе знаменательных слов в служебные и междометия [249, с. 28]. И. Г. Данилюк к перечню разновидностей межчастеречной транспозиции причисляет *этикетизацию, артиклизацию* т. д. [130]. Существует еще и термин *грамматикализация* – потеря самостоятельной частью речи номинативной функции и ее переход в служебные части речи (в предлоги, союзы и т. д.) [307, с. 54].

Указанные термины могут иметь при себе такие “распространители”: *полная субстантивация, лексическая субстантивация, неполная субстантивация, синтаксическая субстантивация, речевая субстантивация, контекстуальная субстантивация, языковая субстантивация, абсолютная субстантивация, относительная субстантивация, общеязыковая субстантивация, факультативная субстантивация* и тому подобное.

Классификацию типов транспозиции второго направления можно охарактеризовать следующим образом: *десубстантивация* (от лат. *де* – приставка со значением отмены, удаление) – переход существительных в другую часть речи, который сопровождается потерей частеречной семантики грамматического предмета и синтаксической функции подлежащего и дополнения; и соответственно: *деадъективация, денумерализация,*

---

[70]Добавим, что в ряде исследований встречаются высказывания типа “о так называемой субстантивации”, “о так называемой прономинализации” и т. д., см., например: Немировский М. Я. К вопросу о так называемой субстантивации / М. Я. Немировский // Вопросы славянского языкознания. – Львов, 1953. – Кн. 3. – С. 56–70; Кузнецов В. Я. К вопросу о так называемой прономинализации имени существительного / В. Я. Кузнецов // Учёные записки Ленинградского государственного пединститута им. А. И. Герцена. – 1971. – Т. 460. – С. 204–216.

депрономинализация, девербализация, деадвербиализация, депредикативация, депрепозитивация, деконъюнкционализация, департикуляция.

Анализ терминологической базы исследования позволил выявить изменения в её составе и тенденциях её развития. Проведённое исследование относительно терминонаименования явления ТЧР позволяет сделать выводы о том, что: 1) в современной языковедческой науке, несмотря на значительное количество исследований транспозиции частей речи, нет устоявшейся терминологической системы; 2) существует разновариантность названий самого понятия (около 200 терминов); что обусловлено: во-первых, тем, что исследователи называют одно и то же понятие по-разному; во-вторых, вариантность терминологии обусловлена различными методологическими установками и целью исследования; в-третьих, разноаспектностью исследуемой проблемы; 3) значение терминов для обозначения явления транспозиции частей речи у разных учёных не всегда является идентичным; одно понятие часто номинируют различными терминами, что вызывает появление синонимов, нежелательных для лингвистической терминологии; 4) наблюдаем обращение к терминологическому наследию прошлого, заимствование из других языков, создание новых названий; часто используют нестандартизированные термины; отдельные термины требуют тщательного пересмотра и тому подобное.

1.4. Понятие научного метода

Любой научно-познавательный процесс, как известно, имеет три составляющие: объект познания, субъект, который изучает объект познания, и метод познания. С помощью метода субъект познает исследуемый объект. Очевидно, что объем и основательность новых знаний зависят от эффективности применяемых методов. Разумеется, каждый метод может быть целесообразным или нецелесообразным, то есть сам по себе он не гарантирует получение нового знания, но без него познание невозможно. Поэтому одним из важнейших показателей уровня развития той или иной науки являются методы научного исследования, их разнообразие и познавательная эффективность.

Метод – это система правил и принципов анализа явлений, способ организации теоретического и практического освоения действительности. Каждому методу присущи собственные принципы, но их объединяет общая цель – приобретение знаний. В. А. Звегинцев по этому поводу заметил: “Сам по себе метод не является средством познания объекта, который считается основным для любой науки. Метод может быть только средством познания объекта настолько, насколько он обусловлен теорией, служит ей, определяет эмпирические факты для проверки и корректировки используемых теоретических систем и гипотез” [160, с. 123].

Проблема лингвистических методов является одной из основных в языкознании. До сих пор теория лингвистических методов находится в стадии развития и становления, поэтому исследование проблемы трактовки метода и его структуры является перспективным заданием современного языкознания. Количество исследований по этой проблематике постоянно увеличивается. Ученые вполне обоснованно акцентируют внимание на

“неупорядоченности методологического инструментария лингвистики, отсутствии его комплексного анализа и описания” [345, с. 393], необоснованности классификаций методов [110, с. 32; 162, с. 7], существенных противоречиях и различиях в дефинициях и трактовке метода [110, с. 32], отсутствии чёткости в соотношении методов, их приёмов и технических процедур и аспектов, пренебрежении релевантностью процессов исследования [161, с. 7], отсутствии упорядоченности в употреблении базовых терминологических наименований, например: *метод, методика, методология, аспект, принцип, подход, прием, процедура, операция* и т. д. [210; 284; 110]. Как отмечает В. Н. Немченко, “в современном языкознании нет достаточно чёткого представления о понятии метода научного исследования, нет полной ясности в вопросе о разграничении исследовательских методов и смежных явлений” [284, с. 280]. По наблюдениям учёного, отождествление терминов *метод и приём* наблюдается не только в кандидатских, но и в некоторых докторских диссертациях [284, с. 280]. Хотя именно метод формирует позиции по анализу речевых явлений, дисциплинирует исследователя, а потому требует углубленного изучения. Теория лингвистических методов всё ещё находится в стадии становления.

Методы научных исследований привлекали и привлекают внимание таких известных отечественных и зарубежных учёных и науковедов, как: Н. Ф. Алефиренко, В. В. Быкова, И. В. Блауберга, В. А. Богородицкого, И. А. Бодуэна де Куртенэ, К. Бругмана, В. Вундта, В. А. Глущенко, Б. Дельбрюка, В. А. Звегинцева, А. С. Зеленько, Л. П. Иванову, Г. А. Климова, В. И. Кодухова, М. П. Кочергана, С. Б. Крымского, Н. И. Кузнецову, А. С. Мельничука, В. Н. Немченко Г. Пауля, Г. А. Подкорытова, В. И. Постовалову, А. А. Потебню, Е. А. Селиванову, А. Г. Спиркина, Ю. С. Степанова, Ф. Ф. Фортунатова, В. Шерера, А. Шлейхера, Х. Штейнталя и др.

Основатель лингвоисториографической школы современного языкознания В. А. Глущенко актуальную и недостаточно разработанную проблему лингвистических методов начал рассматривать в 2001 г. Это нашло отражение в ряде его публикаций [110–113 и т. д.], что позволило обогатить теоретический материал по обозначенной проблематике. Исследования учёного содержат оценку концепций лингвистического метода в научных исследованиях В. А. Звегинцева, А. С. Зеленько, Л. П. Ивановой, Г. А. Климова, В. И. Кодухова, М. П. Кочергана, С. Б. Крымского, В. Н. Немченко, Г. А. Подкорытова, В. И. Постоваловой, Е. А. Селивановой, А. Г. Спиркина, Ю. С. Степанова и др.

Подробный анализ определения научного метода представлен в работе В. А. Глущенко «Лингвистический метод и его структура» [110]. Учёный опирается на широкое трактование лингвистического метода как сложной логической единицы с онтологической, операционной и телеологической составляющими. Онтология является тем средством, с помощью которого исследователь воспринимает мир как некую неоднородную целостность, представленную как систему философских категорий. Операционный компонент содержит ряд приёмов и процедур. При условии применения цели исследования в структуре метода в ней можно выделить телеологический компонент [110, с. 42–44]. В. А. Глущенко также охарактеризовал структуру лингвистического метода на примере сравнительно-исторического, где последовательно и логично описал три его компонента. Итак, в широком смысле научный (в частности и лингвистический метод) – это путь познания, его вид и способ, орудия и средства, то есть метод истолкован как гетерогенный феномен; в узком значении научный метод – это совокупность приёмов, процедур и операций, то есть гомогенный феномен [111, с. 4].

Некоторые учёные интерпретируют термин *методы лингвистики* одновременно в широком и узком значении, в частности, такой подход представлен в исследованиях Е. А. Селивановой: “1) способ организации

познавательной и исследовательской деятельности учёного с целью изучения явлений и закономерностей определённого объекта науки (первое значение является широким); 2) система процедур анализа объекта исследования и / или проверки полученных результатов” (второе значение является узким) [345, с. 393]. Чаще всего лингвистический метод трактуют в узком смысле.

Определяя структуру научного метода как сложной логической единицы, мы опираемся на утверждение В. А. Глущенко [112, с. 12–13; 110; 111, с. 6–9]:

1. К *онтологическому компоненту* научного метода относятся такие средства познания, как *принцип и подход*. Научный принцип – важнейшее методологическое средство, основа познания, теоретико-методологическая основа метода. Принципы являются исходными, промежуточными и конечными теоретическими обобщениями. Научный подход – методологическая ориентация исследования; позиция, с которой рассматривают объект изучения; понятие, которое руководит общей стратегией исследования; подход находит отражение в принципах, приёмах и процедурах определённого метода. Например, онтологический компонент сравнительно-исторического метода содержит принципы историзма, причинности, системности и всеобщей связи явлений [112, с. 15].

2. *Операционный компонент* специального научного метода содержит ряд приёмов и процедур: а) приём генетического отождествления фактов; б) процедуру лингвистической реконструкции; в) приёмы хронологизации и локализации языковых явлений [195, с. 84]. Наиболее существенной для операционного компонента сравнительно-исторического метода является процедура лингвистической реконструкции.

3. *Телеологический компонент* научного метода является его целью. При методологическом подходе целесообразно рассматривать цель как раскрытие исторических, причинных и системных связей явлений языка, как проявление принципа их всеобщей связи на конкретном языковом материале

[112, с. 14–15]. Выбор метода обусловлен, прежде всего, целью конкретного исследования.

Предложенный В. А. Глущенко подход позволяет объединить в целостной концепции метода такие разнородные, но взаимосвязанные феномены, как принципы / подходы, приёмы (процедуры, операции) и цель исследования. Это актуально и в теоретическом, и в прикладном аспектах [111, с. 9].

1.5. Метод и направления диссертационной работы

Как было отмечено выше, неоспоримым является тот факт, что объективность результатов исследования напрямую зависит от применяемых методов и приёмов анализа определённого лингвистического материала. Ф. Бэкон сравнивал метод исследования со светильником в руках путника в темноте, а Э. Бенвенист считал, что в целом реальность исследуемого объекта нельзя отделить от метода, с помощью которого этот объект определяют.

Лингвистические методы применяют с целью исследования языка, речевого арсенала и речевой деятельности, они являются специфическими в сравнении с другими научными методами. Обозначенные в нашем исследовании задания мы решаем с помощью *актуалистического метода*[71]

[71]В историографию языкознания термин актуалистический метод ввёл В. А. Глущенко [112, с. 6–8].

(или *метода актуализма*, или *актуализма*[72]), который является общенаучным методом теоретического уровня научного познания[73]. Именно так назван этот метод в ряде науковедческих работ и работ по лингвистической методологии (Г. А. Подкорытов, Н. П. Французова, А. А. Кретов[74]). Особого внимания заслуживают следующие тезисы учёных: “Многие мысли, которые считали забытыми и устаревшими, являются чрезвычайно полезными и нужными сейчас для развития современной теории. Однако, часто оказывается, что ряд мыслей и проблем, которые вроде бы являются новыми, уже фундаментально были разработаны раньше”[7, с. 17]; “Сохранение прошлого в настоящем создаёт возможность изучать прошлое, опираясь исключительно на анализ настоящего” [151, с. 54]; “... актуалистический метод, объясняет прошлое настоящим” [190,

---

[72]Надо различать понятие *актуализм* как метод и понятие *актуализм* как принцип. Принцип актуализма основывается на предположении, что для объяснения событий прошлого достаточным является осознание действительности. Этот принцип, впервые сформулированный Ч. Лайелем для объяснения событий прошлой геологической истории Земли, со временем стал универсальным для всех исторических дисциплин. Однако существенным недостатком применения этого принципа является выделение в прошлом только тех феноменов, которые существуют в настоящее время. В настоящее время термин *актуализм* обозначает способ познания, который предполагает использование современных знаний для изучения прошлого, современности и предсказания будущего [340, с. 132]. В лингвистике такой подход к языку был применен И. А. Бодуэном де Куртенэ. Учёный писал: “Определенный язык не родился внезапно <...> он является результатом своеобразного развития в разные периоды <...> можно говорить об уровнях языка, выделение которых является одним из ведущих заданий языкознания” [цит. по: 211, с. 85].

[73] Сущность актуалистического метода как способа исторических исследований состоит в применении результатов современного опыта для изучения прошлого.

[74]А. А. Кретов является основателем нового научного направления в языкознании – лингвистической прогностики.

с. 88]; “... без применения этого метода (актуализма) невозможно существование историографии любой науки” [320, с. 136].

Объекты, которые не были предметом актуальной деятельности и восприятия, могут быть изучены при помощи сравнения их с подобными объектами, попадающими под восприятие и деятельность субъекта в настоящем, и являются основой в применении современных знаний для предсказания будущего. Объекты изучают во времени, в развитии, в процессе их становления. По сравнению с эмпирическими методами, исследующими имеющиеся предметы и явления, актуализму присущи в основном элементы теоретического познания. В частности, метод можно применить в историографии любой науки, например, в историографии языкознания для изучения прошлого, настоящего и предвидения будущего. Потребность привлечения этого метода обусловлена тем, что без его применения невозможно существование лингвистической историографии вообще: так как теория любого предмета исследования не может не быть одновременно его историей, то, изучая современность, мы анализируем частично и прошлое. Итак, актуалистический метод является, по сути, изучением того же объекта во времени.

Впервые этот метод как метод лингвоисториографических исследований охарактеризован в работах В. А. Глущенко [113][75]. Исследователь первым среди языковедов обнаружил особенность актуалистического метода как метода лингвистической историографии: а) наличие специфических объекта и предмета; б) различие в операционном и телеологическом компонентах.

---

[75] Изучая характер действия современных процессов и учитывая эти объективные закономерности бытия, исследователь может рассуждать о процессах, которые имелись в прошлом при аналогичных условиях. К тому же современное является более конкретным, развитым по сравнению с прошлым. Поэтому загадки прошлого успешнее раскрываются с современных позиций [391, с. 135].

Онтологический компонент этого метода объединяет такие принципы историзма, причинности и системности как конкретизацию и проявление принципа всеобщей связи явлений. Следовательно, эти принципы и формируют его методологическую основу. Они являются основой определяющих общих аспектов теории познания, исследование которых предполагает толкование объекта как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, которые находятся в постоянном процессе развития вследствие непрерывности причинных цепочек [113].

Необходимо подчеркнуть, что принципы историзма, причинности и системности получили распространенное применение при лингвоисториографическом изучении проблемы транспозиции частей речи.

Историческое изучение того или иного вопроса невозможно без принципа историзма: изучая любую лингвистическую проблему, надо комплексно исследовать её истоки и развитие в трудах языковедов разных эпох. Лишь углубленный анализ поэтапного исследования транспозиции частей речи позволит обобщить историю становления, развития и особенности функционирования в языке переходных процессов между частями речи.

Принципы историзма и причинности взаимосвязаны. Первый предполагает, что в языке нет случайностей, наоборот, появление в языке определённого явления обусловливают определённые причины. Теория транспозиции частей речи формировалась не хаотично, а при определённых условиях и причинах. Считаем, что применение принципа причинности как неотъемлемой составляющей актуалистического метода (структурной единицы онтологического компонента) предопределит результативность нашего исследования.

Переходные явления между лексико-грамматическими классами слов нужно рассматривать не отдельно друг от друга, а только в совокупности, как систему. Важность и значимость того или иного переходного явления,

особенности развития можно выяснить только при анализе определённых переходных процессов как составляющей транспозиционных частеречных переходов.

Операционный компонент актуалистического метода, как отметил В. А. Глущенко, может быть представлен как совокупность следующих приёмов и процедур: анализ источников (лингвистических текстов) и синтез полученных результатов, сравнение, абстрагирование и логическая историко-научная реконструкция, которая занимает видное место среди приёмов и процедур и противодействует “ассимиляции прошлого” [113, с. 7].

Анализ и синтез научно-теоретических сведений из первоисточников делает возможным понимание эволюции проблемы исследования транспозиции частей речи в трудах того или иного языковеда или определённой лингвистической школы или направления.

Такое сравнение позволяет учёным реконструировать прошлое, сравнивать его с современностью [129, с. 137], однако основная задача анализа научного материала прошлых эпох с актуалистических позиций заключается не в том, чтобы осуществлять современную переоценку, а в исследовании прошлых достижений с помощью современных научных знаний [320, с. 141]. Приём сравнения позволяет проанализировать имеющиеся концепции явления транспозиции частей речи в исследованиях языковедов разных времён и стран, лингвистических школ и направлений. Сравнение позиций различных лингвистов относительно явления транспозиции частей речи позволяет выяснить значение их научной деятельности для современного языкознания. Результаты такого анализа являются чрезвычайно ценными для комплексного лингвоисториографического исследования явления ТЧР, что позволяет сделать обоснованные выводы об уровне изученности данной проблемы в современном языкознании и определить те проблемы теории транспозиции частей речи, которые ещё требуют углубленного исследования.

Историко-научная реконструкция делает возможным воссоздание целостной картины исследования явления ТЧР языковедами XIX – начала XXI вв. Только при условии применения историко-научной реконструкции становится возможным достижение цели нашего исследования – освещение научных позиций учёных по транспозиции частей речи в языкознании XIX – начала XXI вв., обобщение грамматических наработок в наследии лингвистов по затронутой проблеме.

Телеологическим компонентом актуалистического метода является сформулированная выше цель исследования.

В лингвоисториографических исследованиях актуалистический метод приобретает особое значение: он позволяет объективно проанализировать концепции языковедов XIX – начала XXI вв. относительно явления транспозиции частей речи, углубить представление о значении научного наследия лингвистов очерченного периода для дальнейшего развития теории ТЧР.

При этом необходимо иметь в виду и определённые недостатки актуалистического метода: а) упрощенное применение в исторических исследованиях знания современных явлений относительно анализа прошлого, игнорирование элементов необратимости в процессах развития влечёт за собой применение аналогии в самых примитивных формах [391, с. 214]; б) анализ явлений прошлого с позиции современности может привести к определенной “модернизации явлений прошлого” [391, с. 215], что не позволяет учёным получить объективные результаты в процессе исследования. Однако при правильном применении актуалистический метод является одним из важнейших методов исторических исследований. Особую значимость актуалистический метод приобретает в связи с тем, что существуют такие аспекты прошлого, которые ещё не обобщены и могут иметь большое значение для современной науки.

Применяя актуалистический метод в нашем лингвоисториографическом исследовании, мы сможем выяснить: 1) кто и когда поднял вопрос о транспозиции частей речи как лингвистическом явлении, как отдельной языковедческой проблеме; 2) как исследовали этот вопрос учёные разных исторических периодов; вклад каждого из них в решение очерченного вопроса; что из этого стало основой дальнейших исследований, а что проигнорировано современниками; 3) каким образом дать объективную оценку достижениям того или иного языковеда, учитывая современное состояние развития лингвистики; 4) как прогнозировать дальнейшее развитие указанной лингвистической проблемы.

Метод актуализма углубит научную концепцию транспозиции частей речи, что является важным для лингвистической историографии, поскольку доминантными функциями историографии являются централизация памяти (нельзя нивелировать ни одно из научных достижений, которое должно занять определённое место в современном трактовании [7, с. 16–17]), а также оценка наработок учёных XIX – начала XXI вв. относительно развития проблемы транспозиции частей речи.

В нашем научном исследовании проанализировано лингвистическое наследие языковедов прошлого и настоящего относительно явления транспозиции. С целью комплексного системного раскрытия лингвоисториографии вопроса, концептуальные основы исследователей XIX – начала XXI вв. относительно транспозиционных частеречных переходов в диссертации проанализированы по следующим направлениям: 1) исследование теоретических вопросов по концепции ТЧР; 2) методология и методика исследования (первое и второе направления исследования являются собственно теоретическими, они формируют теоретические основы исследования проблемы ТЧР в лингвоисториографическом аспекте); 3) анализ предыстории теоретического исследования ТЧР, истоков явления транспозиции; 4) становление учения о транспозиции частей речи (в

теоретическом аспекте); 5) характеристика научных исследований современного языкознания по транспозиции частей речи.

Первое направление содержит решение следующих проблем: а) анализ транспозиции частей речи как научной проблемы; в частности, установлено, что проблема переходности в системе частей речи является неоднозначной; в теоретическом аспекте лингвисты объясняют явление перехода частей речи разнотипными преобразованиями и, соответственно, истолковывают его по-разному, например: частеречная переходность, взаимопереход в сфере частей речи, грамматическая омонимия, транспозиция, трансляция, конверсия, деривация, взаимодействие между частями речи, трансформация, лингвальная трансориентация, синкретизм, контаминация и тому подобное; б) лингвоисториографический анализ языковедческих источников по транспозиции частей речи, исследовательская работа в этом направлении позволяет констатировать попутно несистемные лингвоисториографические наработки по обозначенной проблеме, однако проанализирован значительный по объёму фактический материал; в) констатация имеющихся периодизаций эволюции мнений относительно ТЧР и создание собственной периодизации развития теории ТЧР, хронологизация имеющихся концепций; в исследовании проблемы ТЧР целесообразно выделить два основных периода (с подэтапами): 1) традиционное языкознание (XIX – 40-е гг. XX вв.); 2) современную лингвистику (начиная с 50-х гг. XX в.)[76]; г) определение основных терминов и понятий транспозиции частей речи; для выяснения лингвистической сущности и характеристики терминологического аппарата для обозначения явления ТЧР выделены и проанализированы стержневые группы понятий, аргументирована целесообразность применения того или иного термина.

---

[76]Иногда такую периодизацию представляют как: 1) традиционное языкознание (XIX – 30-е гг. XX вв.) и 2) современная лингвистика (начиная с 40-х гг. XX в.).

Второе направление исследования содержит разработку методологических основ диссертационной работы: аргументирована правомерность применения при лингвоисториографическом анализе актуалистического метода, сущность которого заключается в применении современных знаний для изучения прошлого и предсказания будущего; очерчены направления исследования.

Третье, четвертое и пятое направления диссертации делают возможным решение комплексной проблемы исследования. Оперирование конкретным лингвистическим материалом позволило проанализировать развитие теории транспозиции (в разных аспектах) в исследованиях лингвистов XIX – начала XXI вв.: третье направление – “передтранспозиционное” – содержит предысторию теоретического исследования ТЧР; четвертое – “рождение” теории транспозиции в европейском языкознании; пятое – развитие теории ТЧР в современном языкознании. Еще одно направление исследования – прогнозирование дальнейшего развития теории транспозиции в русском, языкознании.

Материал исследования систематизирован по разделам тематико-хронологически. В рамках этих направлений создана методика систематизации соответствующего материала вследствие сочетания хронологического и концептуального принципов его упорядочивания.

Выводы к 1 главе.

Переходные явления характеризуют преобразования в системе развития языка, его жизни ... Без них система застыла бы, стала неподвижной, а потому и омертвевшей. Явления переходности на уровне частей речи укрепляют систему частей речи в процессе её развития. Это носители нового. Без переходных явлений нет нового, нет движения, нет развития языка [73, с. 14–15; 98, с. 17].

Проблема переходности на уровне частей речи является весьма актуальной в современной лингвистике, охватывает широкий круг вопросов.

Переходные явления исследуют с разных позиций, а именно: переход и переходность, взаимопереход, процессы грамматической омонимии, транспозиция, конверсия, морфолого-синтаксическое словообразование, деривация, взаимодействие частей речи, трансформация, трансориентация, синкретизм, контаминация, современные функционально-грамматические исследования и т. д. В течение XIX – начала XXI вв. лингвистической наукой был накоплен значительный эмпирический и теоретический материал по транспозиции частей речи, “транспозиционные” вопросы были выделены и охарактеризованы в работах учёных различных направлений и школ.

В то же время, выявлено почти полное отсутствие лингвоисториографических исследований проблемы транспозиции частей речи, осуществленных на основании системного анализа значительного по объёму конкретного материала, комплексных исследований, посвящённых изучению вопроса переходности частей речи в целом: обзор литературы свидетельствует об отсутствии комплексных лингвоисториографических исследований, в которых освещалось бы развитие концепций ТЧР. Труды, посвящённые анализу взглядов языковедов на явление транспозиции частей речи, не охватывают тему исследования комплексно, поскольку ни один из лингвистов не ставил себе целью исследовать этот вопрос подробно с лингвоисториографических позиций.

Несмотря на фрагментарный характер проанализированных работ и отсутствие комплексного подхода к вопросу ТЧР, можем сделать вывод, что проблема требует дальнейшего более подробного лингвоисториографического исследования.

Необходимым структурным компонентом научного исследования считаем терминологический анализ, под которым понимаем выявление содержания понятий для обозначения этих терминов, их существенных признаков, установление их связи и субординации, места в понятийном аппарате теории, который является основой исследования. Прежде чем

осуществлять лингвоисториографическое исследование или интерпретировать его результаты, мы проанализировали понятийно-терминологическую базу, эволюцию значений терминов-понятий в концепциях языковедов различных периодов, сравнивая эти значения, выделили логично мотивированные, аргументированные определения некоторых терминов и тому подобное. Работа в этом направлении будет способствовать выявлению и устранению недостатков и неточностей в зафиксированных терминонаименованиях. Совершенствование терминологической базы для обозначения явления ТЧР позволит сформировать единый терминоаппарат по обозначенной проблеме, что будет способствовать улучшению взаимопонимания учёных в этой области.

На современном этапе развития лингвистики проблема транспозиции является одной из наиболее дискуссионных, поскольку немало вопросов, связанных с её системным изучением, ещё не получили окончательного решения. Отмеченные лингвоисториографические наработки языковедов не дают целостного представления о транспозиции частей речи, что свидетельствует о насущной необходимости комплексного лингвоисториографического исследования этой проблематики.

Научное познание – это процесс преобразования непознанного в осознанное, это постоянное изучение неисследованных областей жизни. Одной из основных и насущных потребностей осознания такого процесса является применение особых способов познания мира, которые номинируют исследовательскими методами и методиками. Научный метод является основой любого научного исследования. Такой подход позволяет объединить в целостную концепцию метода такие разнообразные, но взаимосвязанные феномены, как принципы / подходы, приёмы (процедуры, операции) и цель исследования.

Обозначенные в нашем исследовании задачи решаем с помощью метода актуализма. Работы В. А. Глущенко, В. Н. Овчаренко,

О. Л. Жихаревой, Е. Н. Абрамичевой, Е. М. Голуб, К. А. Тищенко, А. В. Холодова, И. Н. Рябининой, А. С. Орел, О. А. Клец, Н. В. Холодовой, А. А. Фельчак, А. Ю. Марченко, К. А. Огиенко, К. В. Зубенко и др. свидетельствуют о целесообразности применения в лингвоисториографических исследованиях актуалистического метода.

Комплексный анализ многоаспектной проблемы транспозиции частей речи может быть успешно осуществлён при условии изучения материала в нескольких направлениях. Лингвистический материал в диссертации проанализирован по следующим направлениям: 1) исследование теоретических вопросов по концепции ТЧР; 2) методология и методика исследования; 3) анализ предыстории (истоков) теоретического исследования ТЧР; 4) обобщение языковедческих исследований по транспозиции частей речи в европейском языкознании; 5) характеристика научных исследований по ТЧР в современном языкознании; 6) прогнозирование дальнейшего развития теории транспозиции.

ГЛАВА 2. ИСТОКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСПОЗИЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Д. С. Лихачёв сравнивал науку с многоэтажным зданием, в котором основой, фундаментом является определённый материал, требующий изучения, далее следует первый этаж – непосредственное изучение этого материала, а над ним возвышаются “этажи проблем и теорий, обобщений и гипотез”; при этом, как справедливо заметил учёный, ни одно здание не может быть возведено без первого этажа [242, с. 459]. Таким “первым этажом” в здании “Транспозиция частей речи”, по нашему мнению, можно считать исследования М. В. Ломоносова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Г. П. Павского, Н. В. Крушевского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, Л. В. Щербы, А. С. Беднякова, В. В. Виноградова и др.

2.1. Зарождение идей переходности между частями речи в русском языкознании

Зарождение идей переходности между частями речи в определённой степени можно связывать с именем М. В. Ломоносова (1711 – 1765)[77].

[77]Поскольку речь идёт об одном учёном XVIII в. – М. В. Ломоносове, а также только о первых “ростках” идей переходности между частями речи, хронологическое исследование явления ТЧР осуществлено в пределах XIX – начала XXI вв.

Общеизвестно, что учёный выделял две главные части речи [78] (имя и глагол) и 6 служебных частей речи (местоимение, причастие, наречие, предлог, союз и междометие).

Считая имена и глаголы главными частями речи, М. В. Ломоносов определяет важные для теории переходности свойства: “Слово человеческое имеет восемь частей знаменательных: 1) имя для названия вещей; 2) местоимение для сокращения наименований; 3) глагол для названия деяний; 4) причастие для сокращения соединения имени в одно предложение; 5) наречие для короткого изображения обстоятельств; 6) предлог для указания принадлежности обстоятельств к вещам или действиям; 7) союз для изображения взаимности наших понятий; 8) междометие для короткого выявления движений духа” [243, с. 408].

Именно М.В. Ломоносов одним из первых в языкознании констатировал наличие слов, употребляемых как существительные, но имеющих не характерную для них морфемную структуру. В «Российской грамматике» учёный анализирует рус. *прохожий* вместе с другими отглагольными существительными (рус. *терпение, клятва*) и пишет: “Имена, с причастиями и прилагательными родственные, такие, что оканчиваются на -ой / -ей и т. д., склоняются как прилагательные: *певчий, певчего, певчему*” [243, с. 464]. Исследователь охарактеризовал возможность субстантивации притяжательного местоимения *свой* [243, с. 545], а также другие конкретные случаи использования слов одной части речи в роли другой.

Анализ частей речи как слов с определённой функциональной семантической нагрузкой, важной для теории переходности частей речи, а также неприятие концепции отождествления логического расчленения мира и разделения слов на части речи, которая была присуща ранним грамматическим системам, является значительным достижением учёного.

[78]По терминологии М. В. Ломоносова, части речи – это знаменательные слова.

Основная же заслуга М. В. Ломоносова в истории российской грамматической науки заключается в углублённом описании грамматических, прежде всего, морфологических свойств частей речи в их взаимодействии.

В «Российской грамматике» М. В. Ломоносов сформулировал ведущие аспекты изучения грамматического строя русского языка: *формальный, функциональный* и *стилистический* – в их органическом взаимодействии, что определило развитие российской грамматической мысли на несколько десятков лет вперед.

Основные тезисы М. В. Ломоносова стали фундаментом русской грамматической традиции и были углублены, дополнены и развиты в трудах Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Г. П. Павского, Н. В. Крушевского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и др.

Н. И. Греч (1787 – 1867) в работе «Практическая русская грамматика» (1827) (в которой сформулированы новые для грамматики утверждения относительно отдельных частей речи, их взаимодействия и явления переходности в системе частей речи) разделил слова на самостоятельные (части речи) и служебные (частицы). Самостоятельными частями речи учёный считал существительные, прилагательные, местоимения, глаголы, причастия, наречия и деепричастия (всего 6), а словами служебными – предлоги, союзы и междометия (всего 3). Надо отметить, что предвидя теорию переходности, Н. И. Греч совершенно справедливо противопоставил междометия всем другим словам. Важным для будущей теории переходности можно считать и “перевод” наречия из системы служебных слов (“частиц”) в знаменательные (самостоятельные) части речи.

Концепцию явления переходности между частями речи исследователь ещё не определил, однако встречаем замечания о возможности употребления существительных в роли прилагательных: “§ 58. При образовании и

склонении прилагательных надо учитывать, что: 1. Прилагательные, которые имеют значение существительных (например, *портной, часовой, вестовой, кормчий, кладовая, холодное*), склоняются как прилагательные качественные" [124, с. 31].

Субстантивацию прилагательных (не используя термин) Н. И. Греч трактовал как результат "опущения" одних частей речи и замены их другими: в одних случаях новая часть речи полностью приобретала значение опущенной (это замещение полное – *зодчий*), в других – при новой части речи она только домышлялась (это замещение неполное – *слепой*). Но в обоих случаях, по мнению языковеда, прилагательное не переходило полностью в категорию существительного, но приобретало присущие ему свойства [124]. Н. И. Греч квалифицировал приведенные случаи перехода частей речи как синтаксическую (неполную) транспозицию (в соответствии с современным терминологическим аппаратом), при которой менялась лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения её частеречной принадлежности.

А. Х. Востоков (1781 – 1864) в «Российской грамматике» признаёт традиционные восемь частей речи, однако из имени как особой части речи учёный выделил прилагательное, а причастия считал разновидностью прилагательных ("прилагательные действенные"); к прилагательным относил и числительные. Анализируя части речи как грамматические разряды слов, А. Х. Востоков отдавал предпочтение морфологическим характеристикам слова, его структурным особенностям. В то же время реальное значение слова оставалось для ученого более важным.

Исследователь обобщил свои наблюдения, сформулировал идеи, которые обусловили дальнейшее развитие грамматической теории в России, в частности, теорию переходности частей речи[79]. Так, не пользуясь

[79]Термин *части речи* начинают использовать только в XIX в. Одним из первых этим термином начал пользоваться А. Х. Востоков в «Российской грамматике» (1831).

специальной терминологией, А. Х. Востоков отмечал наличие переходности (точнее, гибридности) у причастий [94, с. 36], и это его краткое замечание до сих пор актуально при исследовании переходности и взаимодействия частей речи. Считая, что причастия являются одной из групп прилагательных, учёный отмечал, что “причастие – это прилагательное, образованное от глагола”, и подчёркивал, что причастия – это слова с “означением” (рус.) времени, как и глаголы [94, с. 67]. Исследовал учёный и особенности изменения прилагательных, которые употребляются вместо существительных типа рус. *Борисов, Киев, Псков* и т. д., использование существительных в качестве наречий типа рус. *кругом, верхом, даром, второпях* и т. д. [94, § 37].

В. В. Виноградов справедливо отметил, что А. Х. Востокову “удалось выделить основные грамматические категории каждой из частей речи и охарактеризовать их с удивительной простотой и краткостью” [76, с. 49].

Нельзя не затронуть и научное наследие Г. П. Павского (1787 – 1863); на основные тезисы его исследований ссылаются историографы языкознания при лингвоисториографическом анализе проблемы переходности среди частей речи [324, с. 12]. Теоретическую значимость имеет труд Г. П. Павского «Филологические наблюдения над строением русского языка», содержащий краткое *общетеоретическое вступление* о частях речи [305, с. 5–14], в котором бегло исследовано морфологическое строение русских слов, а также распределение слов между частями речи. О переходности из одного класса частей речи в другой в исследовании речь не идёт, но ряд наблюдений учёного имеет опосредованное отношение к явлению перехода. Так, Г. П. Павский отметил, что существительное находится в сложных взаимоотношениях со всеми другими частями речи, что можно объяснить тем, что половина корневых морфем русского литературного языка входит в основы существительных [306, с. 17]. Именно этим объясняется активность существительных в переходных процессах

между частями речи. Г. П. Павский не определял местоимение как слово, которое заменяет имя: “Местоимения не заменяют имён, а служат лишь указанием на них или напоминанием о них, совсем не выражая качества или количества вещей. Местоимение не только не заменяет имени, но даже является противоположным ему” [306, с. 249–250]. Новым относительно предыдущей грамматической традиции является утверждение ученого о морфологической самостоятельности числительных [306, с. 252]: именно Г. П. Павский выделил числительное в равноправную самостоятельную часть речи.

“Филологические наблюдения” Г. П. Павского, по оценке В. Г. Белинского, являются основой филологического изучения русского языка; по мнению И. И. Давыдова, – целой эпохой в истории грамматики [цит. по: 324, с. 13–14], хотя, как считает Ф. М. Березин, “оценка В. Г. Белинского была, пожалуй, несколько преувеличенной” [44, с. 101].

В работах Ф. И. Буслаева (1818–1897), как и в трудах Н. И. Греча, присутствует краткий анализ перехода слов из одной части речи в другую, хотя исследования этой проблемы у Федора Ивановича Буслаева являются более основательными.

Согласно мнению Ф. И. Буслаева, в русском языке выделяют 9 частей речи: три самостоятельные – существительное, прилагательное, глагол; и пять служебных частей речи (местоимение, числительное, предлог, союз и наречие); к особому разряду слов учёный причислял междометие, так как последнее выражает не логические отношения и не разнообразие предметов речи, а ощущение того, кто говорит [69, с. 43]. Переходные явления среди частей речи зафиксированы только относительно перехода различных частей речи в существительные, то есть относительно субстантивации (разумеется, термин *субстантивация* не употреблялся).

Отмечая наличие грамматических явлений, “опущение” определённых лексико-грамматических классов слов в русском языке, Ф. И. Буслаев считал,

что опущенное существительное легко возобновляется только при прилагательных мужского и женского рода (эти два рода требовали предположения определенного предмета): “Прилагательное в мужском или женском роде выражает мнение нагляднее, так как требует домысливания определённого предмета мужского или женского рода: ... *нелегкая, подноготная* ...” [69, с. 204], а при прилагательных среднего рода невозможно домысливать определенный предмет. “Поскольку средний род прилагательного не создает в нашем воображении ни единого соответствия, то такой способ выражения присущ абстрактному мышлению и развивается в языке с развитием письменности и образования” [69, с. 202].

Обобщая исследования Ф. И. Буслаева по переходности частей речи, можно выделить основные позиции: а) учёный констатирует наличие “опущения” (явления переходности): «Имя существительное может опускаться при условии его обобщённого значения, четко понятного благодаря определению, употребляемому с этим существительным. Определение является родовым признаком существительного. Напр., “*богатые помогают бедным*”: опущено *люди и людям*; “*берегись злых*”, то есть «*людей*» [69, с. 40]; “Род и число прилагательных зависят от существительного, с которым согласуются. Здесь надо выделить *только прилагательные, употребляемые без существительного*” [69, с. 202]; б) языковед репрезентирует многочисленные примеры “других частей речи, которые используются вместо имен”: *громогласное ура*, *мое после-обеда, тысяцкое* (должность тысяцкого), *хоженое* (род подати), *жемчужное* (украшение из жемчуга), *иное* (некоторые люди, другие: *а иное умерло голодом*) [69, с. 203], *кое* (которые, некоторые люди), *в ничью сыграть* (прилагательное “вместо наречия”), частую ходим (прилагательное “вместо наречия” *часто*), *жив человек живую и помышляет* и тому подобное; в) исследователь охарактеризовал особенности употребления “других частей вместо имён” (многие наблюдения автора достаточно ценны): «Без

существительных прилагательные употребляются, как правило, в среднем роде единственного числа, напр. “*соединяй приятное с полезным”*» [69, с. 202]; «Имена собственные некоторых городов и рек – не что иное, как прилагательные, а именно – города в большинстве случаев мужского рода, через существительное город, Архангельск, ср. у Ломоносова “*город Архангельской* ...”, а реки – женского, от слова *река*. Напр.: Великая» [69, с. 205]; г) автор проанализировал примеры функционирования различных частей речи в роли существительных на материале художественных произведений (многочисленные примеры из устного народного творчества, из произведений В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и др.): пословица *Погода – не устать, было бы потерпежное* (плата за терпение), пословица *Зашибено за ударено ставят*; пословица *Не скажешь подлинную, так скажешь подноготную*; «Из новейших писателей, особенно В. А. Жуковский любит употреблять формы разных частей речи в роли существительных среднего рода, например: “*И не промолвить глас роднаго, ему того прости святаго, которое ...”*» [69, с. 192]; «Писатели, которые любят абстрактность и неопределенный способ выражения, пользуются прилагательными среднего рода ... особенно В. А. Жуковский: “*дни чистые, когда все в жизни так прекрасно, так живо близкое, далекое так ясно”*, “*чтоб женское с заботливостью женской размыслить вместе с ней”*, “*умерщвляй одно лишь смертное*”, “*великое свершается в Отчизне*”»[69, с. 202]; “*ты вспомнишь и сам о своем миновавшем”* [69, с. 203]; “У Пушкина частицы, которые переходят в разряд имён, иногда используют в роде согласно окончанию; напр. *авось* подобное именам мужского рода в таком случае: «*понадеялся он на русский авось*” [69] и т. д.; д) среди прилагательных в особую группу выделены такие слова, при которых непременно домысливались существительные: *родной* (обязательно *человек*), *больная* (обязательно *женщина*), *ретивое* (обязательно *сердце*), *горючие* (обязательно *слёзы*) и т. д. Такие прилагательные могут распространяться другими определениями:

“*милый ближний, бедная больная*” [69, с. 205], «У Пушкина “*бедная больная две недели находилась у края гроба*”» [69, с. 206]; е) в грамматике Ф. И. Буслаева описано и явление “сокращения предложения из-за перехода глаголов в имена” [69, с. 228]: 1) “Когда сказуемое, выраженное глаголом, выполняет функцию существительного, тогда констатируют наличие двойной замены в системе речи: во-первых, действие, выраженное глаголом ... приобретает значение абстрактного понятия, выраженного существительным, напр.: *я жалуюсь, я жаловался, ты жаловался = моя жалоба, твоя жалоба,* и, во-вторых, полное предложение сокращается до отдельного его члена: *тот, кто виноват = виновник*” [69, с. 307]; 2) «Поскольку сказуемое может быть выражено и прилагательным со вспомогательным глаголом, то и прилагательное, как сказуемое, может приобретать признаки существительного, например: *я неволен = моя неволя ...* »[69, с. 307]; 3) “Неопределенный способ действия, причастие и деепричастие, предоставляя глаголам признаки имён, так же сокращают предложения и частично нивелируют семантику глагола” [69, с. 307].

Научно-теоретическое осмысление процесса взаимодействия и перехода в системе частей речи едва ли не впервые в языкознании присутствует в работах А. А. Потебни (1835 – 1891). В работе «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебня пользуется термином *части речи* и выделяет слова знаменательные, или настоящие, и слова по форме, или служебные. Знаменательные – это существительное, прилагательное, числительное, глагол, наречие. К служебным учёный причислял союзы, предлоги, частицы и вспомогательные глаголы [326]. Наблюдения А. А. Потебни о процессе взаимодействия и перехода в системе частей речи имели преимущественно спорадический характер и были подходящими при решении других грамматических проблем [326, с. 7]. Исследователь, например, считал переходные явления свидетельством жизнеспособности, постоянных преобразований и развития всей языковой системы [326, с. 82].

Анализируя части речи как категории, которые сложились исторически, А. А. Потебня сформулировал такую мысль: “... невозможно считать такие грамматические категории, которыми являются глагол, существительное, прилагательное, наречие чем-то неизменным, не присущим человеческому мышлению. Наоборот, даже за недостаточно длительное время эти категории значительно меняются” [326, с. 76]. А. А. Потебня очертил ряд синтаксических и семантических особенностей субстантивации (без термина), установил три степени субстантивации: 1) полная (или почти полная): рус. *мастеровой*; 2) полусубстантивированные прилагательные: рус. *холерный*; 3) прилагательные, где субстантивация лишь очерчена: рус. *заказное* [326].

Следовательно, и Н. И. Греча, и Ф. И. Буслаева, и А. А. Потебню можно считать сторонниками эллиптического способа создания субстантивированных слов, когда субстантивированные прилагательные и причастия являются следствием опущения определительного существительного в словосочетаниях “прилагательное + существительное” и “причастие + существительное”, например: *обвиненный* (человек), *дежурный* (солдат) и т. д.[80]; А. А. Потебня подчеркивает многочисленные случаи отсутствия пропуска определительного компонента, поэтому нет необходимости предусматривать опущение таких слов, как *мужчина, женщина* и др. относительно слов *родной, родная; больной, больной* и т. д.

[80]Сторонники неэллиптического способа образования субстантивированных слов считают, что субстантивированные прилагательные и причастия образуются по аналогии с уже имеющимися в языке субстантивированными прилагательными и причастиями; в этом случае определяющее слово в предложении сохраняется [28, с. 1–15; 312, с. 12–20; 327, с. 7–11; 407, с. 455]. Надо также, отметить, что сторонники обеих позиций считают, что субстантивация прилагательных и причастий возможна и без эллипсиса определительного компонента, то есть вне словосочетания “прилагательное / причастие + существительное” [406, с. 45–46].

[124, с. 319; 69, с. 39; 326, с. 45–46]; позже такой позиции придерживались В. В. Виноградов, М. Ф. Лукин и др. [79, с. 48; 230, с. 84].

А. А. Потебня обосновал тезисы о функционально-грамматическом и семантико-структурном родстве отдельных слов в рамках различных классов, о возможности их взаимопроникновения, которые все чаще привлекали внимание исследователей и нашли практическое применение в трудах А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и др.

Представители Казанской лингвистической школы[81] И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845 – 1829), Н. В. Крушевский (1851 – 1887), В. А. Богородицкий (1857 – 1941) сыграли заметную роль в разработке общетеоретических языковедческих проблем, в частности, сформулировали отдельные утверждения о явлении транспозиции частей речи, хотя и пользовались другой терминологией:

а) И. А. Бодуэн де Куртенэ не закончил исследование теории частей речи[82]. Однако в его работах имеется немало наблюдений над грамматическими особенностями отдельных частей речи, над явлением частеречной переходности. В частности, как отмечает Е. А. Селиванова, И. А. Бодуэн де Куртенэ, усматривая в частях речи психологическую реальность, “выдвинул плодотворную идею о системной зависимости языковых изменений от изменений в сознании и сформулировал гипотезу о наличии в языке тенденции к усилению количественных изменений в

[81]Образование Казанской лингвистической школы приходится на 70–80-е гг. XIX в., поэтому анализ исследований представителей школы представлен именно в этом параграфе, хотя научная деятельность, например, И. А. Бодуэна де Куртенэ или В. А. Богородицкого приходится и на начало XX в.

[82]И. А. Бодуэн де Куртенэ постулировал язык как психическое явление, как и большинство лингвистов второй половины XIX в. В то же время он, особенно в поздних работах, обоснованно утверждал социальный характер языка, анализировал проблемы функционирования языка в обществе и вопросы языковой политики [56]. Частеречное значение для И. А. Бодуэна де Куртенэ имеет надязыковую, умственную природу [356, с. 74]. В этом проявился психологический подход основателя Казанской лингвистической школы к рассмотрению категории частей речи.

морфологической подсистеме” [345, с. 435] (при таком понимании грамматически часть речи унифицируется, а в семантическом аспекте получает широкое значение). Обозначенная И. А. Бодуэном де Куртенэ тенденция является яркой иллюстрацией т. н. транспозитивной деривации, в результате которой сформирована, по терминологии Е. С. Кубряковой, периферийная сфера частей речи[83];

б) объектом интереса Н. В. Крушевского (Kruszewski) (Россия, Польша) в «Очерке науки о языке» (1883) были процессы образования слов одной части речи от слов другой части речи. Все слова, по мнению ученого, надо дифференцировать на знаменательные и служебные, или доли различных ступеней: доли первой ступени – наречия, второй – предлоги и тому подобное; служебные части речи лишены всякой полнозначности и самостоятельности. Исследователь писал: “История языка свидетельствует, что одна знаменательная категория, как правило, происходит от другой, доли происходят из остатков знаменательных слов; при этом доли низших ступеней развиваются из долей высших ступеней и т. д.” [213, с. 142]. На сегодня эти рассуждения лингвиста подтверждают те случаи, при которых слова из класса существительных, теряя значение предметности, переходят в

[83]Е. С. Кубрякова отмечает: “Проигрывая в однородности обозначений и причисляя к одной плоскости собственно предметные и опредмеченные (искусственно) имена, транспозиция чрезвычайно обогащает семантические возможности самого класса существительных и делает гипостазис – восприятие признака, процесса, действия или состояния как отдельного объекта”[216, с. 59]. Транспозитивная деривация не только меняет знак функции, но и позволяет осмыслить произошедшее, факты, качества и явления как некоторые аналоги предметов в невидимом мире [215, с. 76]. Концептуальная интеграция предмета и признака, предмета и процесса, признака и процесса, количества и процесса является основой когнитивно-транспозитивной деривации. Частеречный статус таких слов определяют регулярность их формы, категориальная парадигматика.

наречия, а после дальнейшей потери полнозначности превращаются в предлоги, союзы и частицы [414, с. 11];

в) в учении о частях речи[84] В. А. Богородицкий предлагает “иметь в виду как аспект значения их, так и аспект словоизменения, а кроме того, надо обратить внимание на соподчинение одних частей речи другим, что в школьных грамматиках обычно игнорируется, причём все части речи считают равнозначными” [55, с. 104]. Учёный в «Очерках по языкознанию и русскому языку» (1901), в «Лекциях по общему языкознанию» (1911) и др. отмечал, что в процессе перехода одних знаменательных частей речи в другие “не надо видеть уменьшение полнозначности, а лишь изменение значения”[85]; меняется при этом и категориальное значение, и другие грамматические признаки слов; уменьшение полнозначности может произойти только в дальнейшем функционировании наречия при переходе его в союзы, предлоги, частицы, служащие преимущественно для выражения различных грамматических связей между словами или предложениями [55, с. 193].

---

[84]Ю. Л. Ситько отмечает, что В. А. Богородицкий предложил оригинальную систему частей речи, основой которой являются синтаксические категории [356, с. 84]. Среди знаменательных слов, имеющих собственное значение, В. А. Богородицкий выделил слова с собственным самостоятельным значением: 1) существительное, 2) глагол, 3) личное местоимение. Остальные – знаменательные слова, имеющие меньшую степень самостоятельности, зависящие от существительного (прилагательные, числительные и определительно-указательные местоимения) или глаголы (наречия и деепричастия). Частицы, или “словечки отношений”, в системе В. А. Богородицкого истолкованы как слова без собственного значения, которые он делил на предлоги и наречия, причем собственно частицы не образуют особого разряда служебных слов, хотя и подводятся под два предыдущих разряда. Отдельно стоит междометие, которое “относится к области эмоциональной” [55, 56, с. 106].

[85]Речь идет о переходе падежной формы существительного в наречие.

2.2. Переходность частей речи в лингвистических исследованиях первой половины XX в.

Грамматические исследования А. М. Пешковского (1878 – 1933) отличает оригинальность мысли и исключительная детальность анализа, в частности, в области таких явлений, как взаимодействие и переходность частей речи[86]. По мнению учёного, переходные явления делают возможными сложные преобразования в семантико-грамматической структуре языка: а) А. М. Пешковский считал переход “следствием того, что отдельные слова благодаря звуковым и семантическим изменениям, происходящим в них и в ассоциативно связанных с ними словах, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую” [315, с. 128]. Иными словами, учёный объяснял явление перехода одной части речи в другую звуковыми изменениями и изменениями значения слова, его морфологическими свойствами и синтаксическим тождеством; такой подход является узким пониманием явления транспозиции частей речи [Группа 1]; б) процесс перехода прилагательных в существительные, по мнению А. М. Пешковского, начался

[86]Классификация частей речи (по А. М. Пешковскому): учёный выделяет глагол, существительное, прилагательное, причастие, наречие, деепричастие и инфинитив; местоимения и числительные как самостоятельные части речи А. М. Пешковский не выделяет; служебные слова анализирует только в синтаксическом аспекте. Добавим: во-первых, взгляды А. М. Пешковского на части речи претерпели значительную эволюцию; во-вторых, он считал нужным вообще отказаться от классификации частей речи; в-третьих, учёный несколько усовершенствовал теорию классификации частей речи, однако очерченную проблему не прояснил.

в древнерусском языке: издавна любое прилагательное могло употребляться и в значении прилагательного, и в значении существительного; некоторые прилагательные начали употребляться преимущественно в значении существительных, а в значении прилагательных были забыты. Так образовались такие существительные, как рус. *нищий, прохожий, портной* и т. д. [315, с. 135–140]; в) субстантивация прилагательных, по мнению учёного, есть не что иное, как возможность выражения идеи признака и идеи носителя признака в одном слове [315]. Это наблюдение очень важно для развития проблемы переходности и взаимодействия частей речи [73, с. 22]; г) одна из разновидностей субстантивации прилагательных проиллюстрирована А. М. Пешковским так: в словосочетании “прилагательное + существительное” прилагательное “вбирает в себя” значение нивелированного существительного → прилагательное сочетает собственные признаки с признаками существительного, например: рус. *столовая ... мебель, посуда, скатерть* → просто *столовая* (понимаем *комната*). Следовательно, при субстантивации прилагательного (субстантивировании – у А. М. Пешковского) значение последнего сужается, и этим сужением можно объяснить “опущение” существительного [315, с. 135]; д) иногда нельзя исторически объяснить опущение существительного. Несомненно, что при таких словах, как рус. *родной, больной, хромой, слепой, глухой* и т. д. слова *человек* никогда и не было. При словах типа рус. *мясное, рыбное, заливное, яровое, озимое, былое, прошедшее* и т. д. нельзя даже представить, какое слово могло быть опущено. Именно в этом и видел А. М. Пешковский разницу между субстантивацией и обычным опущением существительного [315, с. 140]; е) сочетание прилагательного с существительным исследователь отмечал как индивидуальное, случайное опущение существительного, так и регулярный его пропуск; причиной подобной замены, по А. М. Пешковскому, могли быть эллипсис существительного, а также “преимущественное употребление некоторых

прилагательных в значении существительных” [315, с. 142]; ж) к переходным случаям исследователь относит только слова с двойным функционированием, а слова *портной, зодчий, запятая* квалифицировал не как субстантивированные прилагательные, а как существительные с окончаниями прилагательных; слова *печеный, лежащий* – отглагольными прилагательными, а не адъективными причастиями, поскольку ни одной переходности в таких случаях не видел [315]; з) нерешённым остается вопрос о противоположной замене прилагательного существительным и т. д., о которой идёт речь в разделе «Сдвиг, замена и переходные случаи в сфере частей речи» монографии «Русский синтаксис в научном освещении» [315, раздел 7]. А. М. Пешковский, понимая отличия этого явления от других случаев замены, отмечает, что здесь не может быть преобразования одной части речи в другую: “Существительное, употребляясь в значении предмета, который квалифицирует другой предмет, всё же остаётся, собственно, существительным” [315]; и) переходные явления в системе частей речи, по мнению А. М. Пешковского, заслуживают внимания ещё и в стилистическом аспекте. Именно А. М. Пешковский первым акцентировал внимание на стилистическом освещении явлений переходности, которые охарактеризовал как такие, что “переходят в тонкости стиля” [315, с. 155]. По этому поводу В. С. Ващенко замечает: “Действительно, переходные явления отражают сложные преобразования в семантико-грамматической структуре языка” [73, с. 22]; к) процесс взаимодействия и переходности среди частей речи, как образно описал А. М. Пешковский, “вечный в языке, и в тех случаях, когда процесс перехода для определённого слова закончился, когда слово уже перешло в новую категорию, мы, конечно, никакой переходности не видим. Но когда переход осуществляется на наших глазах, когда процесс перехода длится не одно столетие, современное, в частности, тогда мы останавливаемся с удивлением над словом и не знаем, к какой части речи его отнести” [315, с. 153]. Именно такие случаи и побуждают учёных к

размышлениям, заставляют подробно проанализировать слово, выявить его новые грани, понять, какой богатой и сложной системой является язык, какие процессы происходят в нем; какие новые, ещё не исследованные ранее явления, возникают в изменившихся условиях[87].

Итак, «Русский синтаксис» А. М. Пешковского, по словам А. А. Шахматова, – ценное научное пособие, автор которого со странным талантом развил основные тезисы предшественников, но в то же время обогатил науку новым и самостоятельным [386, с. 116].

Немалую роль в развитии общей проблематики переходности между частями речи сыграли научные исследования А. А. Шахматова (1864 – 1920), особенно учение о частях речи, изложенное в «Синтаксисе русского языка»[88]. Как отмечал В. В. Виноградов, попытка А. А. Шахматова изъять теорию частей речи из области морфологии и приобщить её к синтаксису оказалась неудачной. Она привела лишь к смешиванию синтаксических и морфологических категорий, а также к ослаблению грамматических позиций морфологии [79, с. 141].

А. А. Шахматов констатировал, что в грамматике часть языка квалифицируют как слово в его отношении к предложению или вообще к языку[89]. Важным для теории переходности частей речи является утверждение

---

[87]Добавим, что историографы языкознания отмечают, что А. М. Пешковский одним из первых обратил внимание на явления переходности в синтаксисе. В современном языкознании достаточно последовательно исследование явлений синтаксической переходности осуществляют научные школы В. Н. Мигирина, В. В. Бабайцевой, В. В. Шигурова и др. [332, с. 119].

[88] У А. А. Шахматова синтаксическая система охватывает три основные составляющие: синтаксис предложения, синтаксис словосочетания и синтаксис частей речи. В таком порядке они рассмотрены в исследованиях учёного [407].

[89]В ряде работ проанализированы взгляды А. А. Шахматова относительно трактовки частей речи. По наблюдениям И. К. Кучеренко, А. А. Шахматов обосновал классификацию частей речи по “синтаксическим условиям”, характерным для каждой

А. А. Шахматова о несомненном наличии явлений перехода среди частей речи [407, § 491]. В частности, А. А. Шахматов был убеждён, что “части речи являются точно определёнными и четко разграниченными между собой категориями; перепутать одну часть речи с другой невозможно; сомневаться, какая именно перед нами часть речи, также вообще не приходится” [407, § 491]. Правильным является замечание А. А. Шахматова о синтаксической природе частей речи, вследствие чего любое употребление части речи в несвойственной для неё синтаксической функции учёный причислял к переходным явлениям: “Перейти в существительное может любая часть речи в функции подлежащего или дополнения” [407, § 492] и т. д.

“Устоявшимся” термином относительно явления ТЧР А. А. Шахматов не пользовался, применял лишь описательную конструкцию *процессы перехода одной части речи в другую* [Группа 1]. Анализируя конкретные разновидности перехода слов из одной части речи в другую, учёный ввёл

из них. Но вопрос о создании последовательной классификации не был приоритетным, поскольку сами признаки частей речи учёный исследовал только в плане их разграничения и совсем не анализировал их взаимосвязь и возможную взаимозависимость [223, с. 65]. О “синтаксизме” А. А. Шахматова пишет И. Г. Данилюк [130]. А. А. Шахматов вводит понятие *знаменательные части речи,* выражающее основные представления человека (существительное, глагол, прилагательное, наречие); *неполнозначные слова*, служащие для выражения той или иной “самостоятельной грамматической категории” (числительное, местоименное существительное, местоименное прилагательное, местоименное наречие); *служебные части речи*, которые служат для выражения той или иной “несамостоятельной грамматической категории” (предлог, союз, связка, префикс, частица); междометие как *эквивалент слова* [408, с. 29]. Всего – 14 частей речи. Принципиальным тезисом, который обусловил дальнейшую разработку учения о частях речи в языкознании, является утверждение А. А. Шахматова о необходимости учёта комплекса признаков при определении частей речи: семантических, морфологических, синтаксических, словообразовательных [407, с. 427].

термины *субстантивация, адвербиализация, конъюнкционализация* и др. [407, с. 427].

В исследованиях А. А. Шахматова приведены и охарактеризованы случаи перехода одной части речи в другую с многочисленными иллюстрациями: субстантивация (407, § 517–520), переход существительных в другие части речи (407, § 521), адъективация (407, § 395, 396, 403, 492, 566), прономинализация (407, § 579), адвербиализация (407, § 583–585), переход в служебные части речи (407, § 586), переход в междометия самостоятельных частей речи (407, § 591) и др. Например: а) прилагательное переходит в существительное, как только начинает выполнять его функции: частично это объясняется пропуском соответствующего существительного, но, как правило, о таких случаях речь не идёт (ср.: рус. *портной, городовой, горничная, духовная, жаркое, красное*); б) существительное может перейти в местоимение (рус. “*человек 20 разных людей*”, “*NM – прекрасный человек*”); в) существительное может перейти в числительное; г) существительное может перейти в наречие (рус. “*Над старостью смеяться грех*”, “*И весело мне страх ...*” → примеры из произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума»); д) выполняя функции наречия, существительное может даже быть вовлечённым в класс союзов; е) существительное может перейти в междометие (рус. “*Господи!*”) и др. А. А. Шахматов заключает, что “указанные процессы требуют некоторых дополнительных толкований синтаксической характеристики частей речи” [407, с. 427].

В кратком очерке развития учения о частях речи в русской лингвистике (добавим: и развития теории переходности среди частей речи), по убеждению Н. С. Поспелова, нельзя обойти значительный вклад академика Л. В. Щербы в постулирование теории частей речи [324, с. 24].

Принципиальные тезисы концепции частей речи Л. В. Щерба (1980 – 1944) сформулировал в статье «О частях речи в русском языке» (1928)[90]: 1) исследователь утверждал, что, подводя отдельные слова под ту или иную категорию (часть речи), мы и получаем своеобразную классификацию слов, однако именно различия “частей речи” вряд ли можно считать результатом “научной” классификации, ведь в любой классификации присутствует определённый субъективизм классификатора; 2) для конституирования части речи слова, которые входят в неё, кроме единства категориального значения, должны иметь некоторые общие формальные признаки; 3) предложены разнообразные формальные признаки, в частности, изменяемость отдельных частей речи, приставки, суффиксы и окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, синтаксическая связь и тому подобное; 4) наличие любой грамматической категории обусловлено тесной, неразрывной связью её категориального значения и всех формальных признаков; 5) определённая категория может иметь несколько формальных признаков, совокупность которых не является обязательной в каждом конкретном случае; основная роль принадлежит категориальному значению; 6) яркость различных категорий неодинакова, зависит она от наличия смысловых и формальных противопоставлений; 7) материально одно и то же слово может находиться в разных категориях (рус. *кругом* может быть в зависимости от контекста наречием или предлогом); 8) случается, что одно и то же слово является

[90]Л. В. Щерба считал части речи “лексическими категориями”, “лексико-грамматическими разрядами слов”. Учёный выделял “две сопоставимые категории: категорию слов самостоятельных и категорию слов служебных”. Отличие между ними состоит в том, что первые имеют самостоятельное значение, а вторые выражают отношение между предметами мысли. К словам знаменательным Л. В. Щерба причислял глаголы, существительные, прилагательные, наречия, слова количественные (т. е. числительные), слова категории состояния, к служебным – связки (рус. *быть*), предлоги, частицы, союзы. Отдельно он рассматривал междометие и звукоподражательные слова [422, с. 63–64].

таким, что одновременно проявляет свойства различных категорий: к таким контаминированным категориям Л. В. Щерба относит причастия, знаменательные связки и тому подобное; 9) отдельные слова, по мнению исследователя, находятся вне частеречной классификации (рус. *да, нет*, вводные слова) [91] [422, с. 66–81]. В отдельных тезисах учения о частях речи Л. В. Щербы представлены вопросы, связанные с теорией переходности частей речи. В частности, по мнению учёного, промежуточные и синкретические переходные явления, в отличие от полярных, вполне несомненных, в сознании говорящего иногда не могут быть четко дифференцированы как определенные части речи, а потому требуют особого внимания исследователей и всестороннего изучения. Игнорировать “зону синкретизма” – значит обеднять, ограничивать объект изучения [422, с. 81–84].

2.3. Научное наследие А. С. Беднякова и В. В. Виноградова в изучении развития теории переходности частей речи

Специальным объектом исследования становятся переходные явления среди частей речи в трудах А. С. Беднякова и В. В. Виноградова. Хронологически лингвистическая деятельность этих исследователей приходится на первую половину XX в., а концептуально требует отдельного анализа.

[91] В целом эта позиция не получила поддержки в русистике.

Своеобразным теоретическим обобщением исследований конкретных случаев переходности среди частей речи в работах учёных XIX – начала XX вв. можно считать исследование А. С. Беднякова «Явления переходности грамматических категорий в современном русском языке» (1941).

А. С. Бедняков предложил заменить термин *переход* (по убеждению исследователя, этим термином обычно обозначают сдвиги как в семантическом, так и в грамматическом смысле слова) более точным термином *переходность* [Группа 2], который трактуют как языковое явление, при котором слово или группа родственных слов сохраняют свои внешние морфологические формы, но из-за изменения синтаксических функций меняют свою прежнюю частеречную принадлежность и начинают выполнять функции других частей речи [36, с. 29]. И. К. Зданевич по этому поводу справедливо замечает: переходностью, согласно мнению А. С. Беднякова, нельзя считать случаи адъективации, поскольку при ней не происходит изменения синтаксических функций [159, с. 56], но, пожалуй, такое определение переходности не охватывает всех явлений непредсказуемого перехода (у исследователя есть статья «Переход причастий в прилагательные» [35]). А. С. Бедняков выделил четыре группы слов по степени переходности: 1) переход закончился (рус. существительное *запятая*, предлог *между*); 2) процесс переходности продолжается (рус. *мостовая*); 3) слова имеют двойное морфологическое назначение (рус. *больной, рабочий*); 4) переход осуществляется, он ещё не завершён (рус. *встречный, дальневосточная*) [36, с. 29]. При таком подходе (диахроническом), как отмечает В. М. Никитевич, определённую роль играет языковая интуиция, а это может привести к слишком общей и произвольной характеристике переходности как языкового явления [288, с. 102]. Е. П. Калечиц добавляет, что проблемными являются вопросы метафорического употребления многих высказываний, в частности,

конструкций с творительным падежом (рус. *бросился пулей, пошел ко дну топором*) и т. д. [176, с. 16].

К переходным явлениям А. С. Бедняков причисляет случаи переходности в пределах определённых лексико-грамматических классов [Группа 2]. Например, среди существительных происходит переход абстрактных и собирательных понятий в категорию лица (рус. *Позови-ка этого службу*), существительные для обозначения неодушевлённых предметов переходят в одушевлённые существительные или наоборот (рус. *Ваше местоимение!* – обращение к учителю гимназии в рассказе А. П. Чехова «На Трубной площади»); имена собственные переходят в нарицательные (рус. *Да ты что ко мне пристал, мазепа!* А. П. Чехов) и т. д. [36, с. 28]. Е. П. Калечиц замечает, что не все приведённые А. С. Бедняковым случаи перехода отражают активные процессы в языке, есть среди них и окказиональные, но включение в явления переходности случаев взаимодействия в рамках лексико-грамматических разрядов и в системе грамматических категорий представляется логичным с точки зрения явлений переходности [176, с. 17].

Комментирует А. С. Бедняков и причину переходности грамматических категорий в языке: по мнению исследователя, её нужно видеть в тех смещениях и изменениях синтаксических функций, которые претерпевает слово в языке [36, с. 29]. Это утверждение, по мнению М. Ф. Лукина, требует существенных уточнений. Во-первых, “смещением и изменением” синтаксических функций нельзя объяснить переходность родственных слов, например, переход существительных собственных в общие названия (ср. рус. *Ампер и ампер*), относительных прилагательных в качественные (ср. рус. *золотой слиток и золотой характер*), причастий в прилагательные (ср. рус. *цветущий жасмин и цветущий вид*). Во-вторых, при выяснении трансформации слов из одной категории в другую А. С. Бедняков абсолютно игнорирует их лексическое значение. Однако такое

игнорирование лексического значения слов, которые трансформируются, недопустимо, так как переход слов начинается преимущественно с изменения именно их семантики, обусловленной, как правило, метафорическим употреблением. Семантическое же преобразование слова часто сопровождается изменением его внутренней грамматической формы и синтаксических функций. Однако трансформация слов может происходить и при изменении ими своих синтаксических функций [253, с. 10].

А. С. Бедняков анализирует проблему проявления частотности отдельных переходных явлений: такой процесс присущ всем частям речи, но распространён среди имён (особенно – существительных), наречий и служебных слов. В глагольных формах только причастия и деепричастия активно вовлекаются в процесс перехода в другие части речи, в спрягаемых же формах глагола наблюдаются случаи перехода в таких грамматических категориях, как: время, лицо, число, наклонение [36, с. 30]. Анализируются исследователем как процессы субстантивации, адъективации, адвербиализации т. д., так и процессы десубстантивации и т. д. [36, с. 30–31]. Правильным является, по нашему мнению, замечание А. С. Беднякова относительно тесной связи между явлениями переходности и развитием аналитических элементов в грамматическом строе современного русского языка [36, с. 31].

Особое место в истории развития учения о частях речи занимают научные исследования В. В. Виноградова (1894 – 1969), который выделил основные структурные типы слов, перечень которых во многом предшествует современной системе частей речи[92]. Идеи В. В. Виноградова,

[92]В. В. Виноградов сформулировал основные принципы распределения слов в лексико-грамматические классы, а также предложил четкую систему частей речи: 1) части речи – существительное, прилагательное, числительное, пережитки местоимений, глагол, наречие, категория состояния (всего 7); 2) частицы языка – собственно частицы и частицы-связки, предлоги, союзы (3); 3) вне частей и частиц речи –

по убеждению Ю. В. Рождественского, являются основой дальнейших разработок и развития почти всех отраслей советской филологии во второй половине XX в., в частности, значительный вклад исследователь сделал в теорию частей речи и процессов переходности среди частей речи [336, с. 84–85].

В монографии «Русский язык (грамматическое учение о слове)» учёный предложил подробное обоснование понятия переходности частей речи, типов морфологической, синтаксической и лексической переходности, отметил их активизацию в грамматической структуре русского языка.

В. В. Виноградов утверждал: “В живой речи ... нет идеальной системы с однообразными резкими и глубокими границами между различными типами слов. Грамматические явления являются подвижными относительно категорий, нередко одному и тому же явлению присущи признаки различных категорий” [79, с. 43]. Границы морфологических классов слов, по убеждению В. В. Виноградова, являются прозрачными. В языке всё

модальные слова и междометия (2) [79, с. 20]. Распределение слов по основным лексико-грамматическим классам обусловлено: 1) различиями тех синтаксических функций, которые выполняют различные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различиями морфологического строения слов и форм слов; 3) различиями лексических значений слов; 4) различиями в способе отражения действительности; 5) различиями в природе тех сопоставимых и соподчиненных грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи [79]. В то же время теория грамматики В. В. Виноградова была одним из первых шагов разработки нового принципа частеречной классификации – функционального. Функциональный принцип сделал возможным формирование новой функционально-коммуникативной научной парадигмы в лингвистике, в частности, в грамматике [345, с. 790]. Предложенная В. В. Виноградовым система частей речи стала основой традиционной грамматики.

взаимодействует, границы подвижные – это свойство любого синхронического явления.

Основным условием для частеречного перехода слов и развития в них специфических категориальных значений является, по мнению В. В. Виноградова, изменение синтаксической функции слова. В грамматической структуре слова морфологические особенности сочетаются с синтаксическими в органическое единство. Морфологические категории исследователь номинировал синтаксическими формами, которые устоялись. История морфологических элементов и категорий – это история превращения синтаксических пород в морфологические [345, с. 34].

В исследовании представлен большой по объёму фактический материал, иллюстрирующий пополнение частей речи и частиц языка за счёт слов других структурно-семантических классов. Этот материал сопровождается теоретическими комментариями [140, с. 42; 350, с. 12]. Особенно подробно учёный анализировал явления субстантивации. Он постулировал тесную связь существительных и прилагательных: “Категория существительных постоянно привлекает в свою систему прежние формы прилагательных (рус. *портной, посыльный, верховой, вестовой, рядовой, рулевой, столовая, глухонемой, дежурный, часовой, уборная, жаркое, заливное, пирожное, второе, млекопитающее, беспозвоночное* и т. д.)” [79, с. 52]. В исследовании углублено мнение об активизации формирования новых субстантивов и стилистического их варьирования в речевой практике XX в. [79, с. 52].

В статье «О грамматической омонимии в современном русском языке» [78, с. 52] переходные явления представлены В. В. Виноградовым как грамматическая омонимия и рассмотрены в аспекте синхронии, поскольку при грамматической омонимии имеют место сходные по звуковому оформлению единицы двух частей речи, отражающие результат переходности, а не её процесс. Тем самым такой термин, как отмечает

Е. П. Калечиц, констатирует сосуществование омонимических единиц как их специфику [175, с. 12].

Многообразие явлений переходности, находящихся за пределами классификации частей речи, а также длительное пребывание определённой словоформы как составляющей двух грамматических классов слов (например, рус. наречие *вдали* и предложно-падежная форма *в дали*) мотивировали возникновение термина *грамматическая омонимия* [78]. Термин *грамматическая омонимия* можно применять к грамматическим единицам морфологического и синтаксического уровней: синтаксическая омонимия (синтаксические омонимы в пределах одной части речи: рус. *Было* ***душно***; *Помещение было* ***душно***; ***Душно*** *пахнет сеном*), морфологическая омонимия в системе частей речи (морфемные омонимы: рус. *реч**ка**, руб**ка***) и словообразовательная омонимия (словообразовательные омонимы: рус. ***про**скочить,* ***про**верить;* ***за**плыть далеко,* ***за**плыть жиром*). Каждый из типов грамматических омонимов, учитывая специфику уровня, к которому принадлежат языковые единицы, имеет своё строение и свои закономерности [78].

В. В. Виноградов отметил возможную многофункциональность неизменяемых слов (хотя многофункциональность и омонимию не разграничивал); близость или удаленность грамматических функций среди них зависит от того, согласуются ли, наслаиваются ли лексическое и грамматическое значения. Заслуживает внимания выделение бесфлексийных типов, согласно которым грамматическая омонимия не обозначает новое слово. По мнению учёного, для разграничения слов форма имеет большое значение: приобщение к другой парадигме (или изъятие) создает новое слово. И все же остаются недостаточно чёткими границы между многофункциональностью слова и переходом его в другую часть речи. Очевидно, сохранение парадигмы не является абсолютным показателем многофункциональности, поскольку субстантивацию прилагательных

В. В. Виноградов считает явлением перехода прилагательного в существительное.

Итак, можно обобщить основные положения по исследованию В. В. Виноградова о грамматической омонимии: а) многофункциональность словоформы относительно грамматической омонимии не соответствует лексической многозначности и омонимии; лексически многозначное слово в контексте реализует одно из своих значений, многофункциональность означает сочетание грамматических значений словоформы; б) многофункциональность и гибридность словоформы не являются тождественными понятиями: гибридность словоформы – это один из этапов перехода её в новое грамматическое качество; в) многофункциональность возможна в словах бесфлексийных; сохранение парадигмы не является показателем многофункциональности [278, с. 11–12].

Выводы ко 2 главе.

Вторая глава диссертационной работы посвящена анализу истоков исследования транспозиции частей речи, которое было начато не с изучения теоретических проблем, а с наблюдения над конкретными явлениями перехода частей речи. Идеи транспозиции частей речи (конечно, без использования соответствующей терминологии) зарождались (и в дальнейшем формировались, развивались) уже в трудах М. В. Ломоносова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Г. П. Павского, Н. В. Крушевского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, Л. В. Щербы и др. Основные утверждения научных исследований таких языковедов (несмотря на их личные и научные различия) являются основой дальнейших языковедческих традиций исследования переходных явлений в морфологии.

Теоретическому обобщению исследований конкретных случаев переходности среди частей речи в работах ученых XIX – первой половины

XX вв. посвящены научные труды А. С. Беднякова и В. В. Виноградова. Учёные обобщили и теоретически осмыслили накопленный в исследованиях предшественников лингвистический материал по переходным явлениям в морфологии, а также обозначили новые направления изучения переходных процессов (в частности, в аспекте грамматической омонимии в трудах В. В. Виноградова и т. д.).

ГЛАВА 3. ТРАНСПОЗИЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В современном языкознании теорию транспозиции, во-первых, исследовали как собственно транспозицию в различных аспектах; во-вторых, она стала основой т. н. трансформационного анализа – “методики проявления сходства и различия между синтаксическими конструкциями благодаря выяснению правил преобразования их ядерных структур и набора таких трансформаций при сохранении лексического состава конструкций и синтаксических связей их составляющих” [345, с. 749]; в-третьих, целесообразно, по нашему мнению, процитировать А. Фрея, который утверждал: «Теория транспозиции была уже разработана в Европе, прежде всего в Женеве, когда её “открыли” в США, где она была переименована в генеративную грамматику» [437, с. 56], то есть, по убеждению учёного, именно европейская теория транспозиции стала основой развития структурной и генеративной лингвистики в американском языкознании.

3.1. Основные направления исследования транспозиции частей речи в языкознании второй половины XX – начала XXI вв.

В современном языкознании (вторая половина XX – начало XXI вв.) известны различные подходы к истолкованию транспозиции частей речи и выделению её разновидностей. Проблему ТЧР исследовали и исследуют

учёные разных направлений и школ в лингвистике. При этом можно выделить два основных направления в исследовании обозначенной проблемы: 1) изучение транспозиционных проблем в *теоретико*-прикладном аспекте – преобладание в научных исследованиях этой направленности теоретических обобщений (научные исследования О. В. Скороглядовой, А. И. Смирницкого, В. Н. Мигирина, Г. П. Пауля, Н. А. Каламовой, Е. П. Калечиц, В. М. Никитевича, В. Хенцена, В. В. Бабайцевой, Е. С. Кубряковой, М. Ф. Лукина, Г. Марчанда, И. К. Зданевича, Т. С. Тихомировой, О. М. Ким, А. Я. Баудера, Л. В. Бортэ, Е. Н. Сидоренко, В. Я. Кузнецова, Р. М. Гайсиной, В. Г. Гака, И. В. Дьячук, В. В. Шигурова, И. Я. Сидоренко, Ю. А. Карпенко, И. В. Высоцкой, П. А. Леканта, Е. А. Селивановой и др.). Теоретические обобщения по ТЧР в исследованиях лингвистов в дальнейшем подтверждаются анализом конкретного транспозиционного материала; 2) изучение транспозиционных проблем в теоретико-*прикладном* аспекте – преобладание в научных исследованиях этой направленности наблюдений прикладного характера, в частности, лингвисты интенсивно осуществляют описание отдельных разновидностей транспозиции частей речи (научные исследования О. П. Кушлик, Е. Н. Ремчуковой, В. Н. Алиевой, Н. А. Бондарь, К. С. Симоновой, Т. К. Бардиной, Н. В. Кущ, И. Г. Данилюка, С. М. Еникеевой, Ф. С. Аухадиевой, М. В. Резуновой, Л. С. Фоминых, А. Ю. Габай, Л. Ж. Норкиной, Н. А. Глуховской, Л. И. Чигирь и др.). Обычно, исследованию прикладных вопросов транспозиции частей речи или конкретных разновидностей ТЧР предшествует теоретическая характеристика определённых транспозиционных проблем со ссылкой на известные теоретические исследования языковедов – исследователей транспозиции частей речи. Одной из тенденций развития ТЧР в этом направлении является интенсификация исследований разновидностей транспозиции на материале различных языков (в сопоставительном аспекте),

а также исследований ТЧР на материале языков, которые ранее не были объектом транспозиционных научных исследований [272; 125; 293; 342; 100; 395; 194; 283; 332; 341; 101].

Отличительной чертой многих указанных научных исследований является сочетание в них теоретико-прикладного и лингвоисториографического подходов к исследованию явления транспозиции частей речи. Отдельные сведения лингвоисториографического характера содержат исследования О. В. Скороглядовой, Н. А. Каламовой, Е. П. Калечиц, В. М. Никитевича, В. В. Бабайцевой, М. Ф. Лукина, И. К. Зданевича, Т. С. Тихомировой, О. М. Ким, Е. Н. Сидоренко, Р. М. Гайсиной, В. Г. Гака, И. В. Дьячук, В. В. Шигурова, В. Н. Алиевой, Н. В. Гуйванюк, К. С. Симоновой, Т. К. Бардиной, И. В. Высоцкой, С. М. Еникеевой, И. П. Кирсановой, Ф. С. Аухадиевой, М. В. Резуновой, С. В. Соколовой, А. Ю. Габай, Л. Ж. Норкиной, Н. А. Глуховской и др. [357; 73; 174; 178; 288; 16–23; 251–253; 159; 378; 189–192; 350; 102–105; 140; 411; 295–296; 4, 5; 127; 354–355; 27; 72; 95–97; 144–145; 193; 308; 13; 332; 365; 98; 292; 109].

Задекларированы теории взаимоперехода частей речи (В. М. Никитевич), трансформации (трансформациологии) (В. Н. Мигирин), морфологической переходности (синхронной переходности) (В. В. Бабайцева), межчастеречного взаимодействия (Л. В. Бортэ), взаимодействия частей речи и явлений перехода в их системе (Р. М. Гайсина, К. С. Симонова) и др. Теорию переходности плодотворно развивают и совершенствуют ученики и последователи В. М. Никитевича, В. Н. Мигирина, В. В. Бабайцевой и др.

Наблюдается разграничение таких переходных процессов, как: *трансформация в синтаксической системе* [Группа 5] – неизменными остаются форма и грамматическое значение слова, изменяется функция (В. Н. Мигирин, В. В. Бабайцева, В. В. Богданов, А. С. Джура,

Ф. С. Аухадиева и др.); *морфологическая транспозиция* – устойчивыми являются форма и функция слова, изменяется грамматическое значение (Е. С. Кубрякова, Ю. А. Левицкий, М. Г. Меркулова, Е. Н. Ремчукова, В. Н. Алиева, Ф. С. Аухадиева, Н. Н. Мединская); *межчастеречная транспозиция* – неизменной является форма слова, а переменными - функция и грамматическое значение (В. В. Шигуров, К. С. Симонова, А. Ф. Гайнутдинова, Л. Б. Воловик, Н. А. Глуховская); *межчастеречная интеграция в системе морфологии* – форму, функцию и совокупность грамматических категорий могут иметь компоненты различных классов (И. Г. Данилюк); *семантическая транспозиция* – постоянными остаются форма и функции, изменяется лексическое значение (И. Г. Данилюк, В. В. Фефелова, О. Н. Шалифова) и др. [Группа 3].

На уровне словообразования эти процессы и явления трактуют как: *морфолого-синтаксическое словообразование* [Группа 4] – неизменной остаётся форма слова, изменяются функции и значения (Е. П. Калечиц, М. Ф. Лукин, Г. М. Мукан, В. Н. Ярцева, С. А. Остапенко, Н. А. Бондарь, Е. А. Селиванова, Е. Б. Волошина, Ю. Н. Гребенева и др.); *синтаксическую деривацию* – значение слова является устойчивым, изменяется функция и форма (Е. Курилович; В. В. Фефелова); *конверсию* – изменение грамматической парадигмы, синтаксических признаков и общего категориального значения при сохранении или изменении понятийного содержания (А. И. Смирницкий, А. А. Реформатский, О. П. Суник, Е. С. Кубрякова, Г. Марчанд, И. А. Мельчук, И. В. Арнольд, Е. С. Дружинина, Г. И. Панова, А. Ф. Гайнутдинова, С. П. Татаранюк) и др.

Созданы новые “транспозиционные” концепции, а именно: 1) концепция транспозиции морфологических форм (Е. И. Шендельс [410, с. 104–110]); 2) концепция категориального преобразования (перерождения) слова (Т. С. Тихомирова, В. Я. Кузнецов [378; 220]); 3) концепция перехода лексемы из класса в класс (А. Т. Кривоносов). По мнению учёного, переходят

друг в друга не части речи, а только лексемы – материальные оболочки слов (основы или словоформы), функционирующие в условиях различной дополнительной грамматической дистрибуции (совокупности всех окружений, в которых находится языковая единица). Поскольку каждая из единиц имеет более или менее ограниченную способность сочетаться с другими лексическими единицами, это и предопределяет возможность перехода отдельных словоформ в другие части речи, а иные лишены такой возможности [113, 83; 354, с. 8]; 4) концепция эквивалентности (И. В. Арнольд, Н. В. Кущ). Н. В. Кущ термин *эквивалентность* считает синонимом термина *переходность* и трактует его как трансформацию одного языкового явления в другое. На каждом языковом уровне эквивалентность имеет свою специфику. Однако, независимо от раздела языкознания, эквивалентность – явление функциональное, обусловлено условиями общения, стилистической избирательностью, уместностью использования тех или иных языковых средств и т.д. [229, с. 33]; 5) концепция межкатегориальных связей в частях речи (Е. П. Калечиц). С учётом расширенной зоны явлений переходности среди частей речи (после опубликования статьи А. С. Беднякова), Е. П. Калечиц предлагает квалифицировать их как межкатегориальные связи в частях речи. Такой подход достаточно аргументированно объясняет взаимодействие групп среди частей речи и самых частей речи, а также грамматических категорий [178, с. 17]; 6) концепция субституции (лексико-грамматической субституции) (М. Ф. Лукин). По мнению М. Ф. Лукина, то, что традиционно называют переходом частей речи, по своей сути не является переходом; это качественно новое лексико-грамматическое явление, которое можно квалифицировать как субституцию на лексико-грамматическом уровне, то есть образование словоформами тех или иных частей речи своих вторичных форм и более или менее регулярное их применение в качестве субститутов (заместителей) потенциальных словоформ других частей речи; субституция

имеется не только в русском, но и в языках различных систем и даже разных типов – флективных и агглютинативных [251, с. 78–80]; 7) концепция транскатегоризации (С. А. Остапенко). Под транскатегоризацией как синхронным процессом С. А. Остапенко понимает перемещение знака из одного категориального класса в другой: *Умный студент* (признак носителя) – *Умный так не поступает* (носитель признака). Референтные значения слов при этом, по мнению исследователя, не изменяются [298, с. 39]. Как синонимами С. А. Остапенко пользуется терминами *транспозиция, трансформация, переходность*: "... распространён процесс образования новых единиц так называемым морфолого-синтаксическим способом – благодаря транспозиции, трансформации, переходности единиц одного грамматического класса в другой" [298, с. 38]. Если процесс транскатегоризации служит причиной изменения значений слов – изменения категориального и референтного статуса слов, то такие процессы считаем диахроническими. Их можно понимать как переходность, то есть как историческое явление. На основании подобных переходных явлений в языке формируются модели для образования новых слов. Транскатегоризация и переходность – процессы близкие, но не тождественные [298, с. 39–40]; 8) концепция индивидуальной переходности в морфологии (Л. Д. Чеснокова, Т. В. Жеребило), под которой учёные понимают путь индивидуального перехода слова из одной части речи в другую, из одного разряда слов в другой. Исходная часть речи не исчезает, но происходит раздвоение, расщепление исходной лексемы на две: а) в одной из них обнаруживаются признаки другой части речи; б) образующая часть речи чаще всего остается без изменения. Новая часть речи не образуется: происходит переход из одной *имеющейся* части речи в другую *имеющуюся* часть языка [146]; 9) концепция функциональной переориентации (трансориентации) (А. Э. Левицкий, С. М. Еникеева, О. В. Рудая). Такую переориентацию исследователи квалифицируют как особый деривационный процесс, позволяющий

отдельным единицам языка при неизменности их формы реализовывать новые, не характерные для них ранее категориальные, синтаксические и грамматические характеристики [235, с. 131]; 10) концепция взаимонаправленной деривационной транспозиции (И. С. Улуханов, Э. П. Кадькалова, Т. Н. Александрова) [383]. Традиционно транспозицию рассматривают как единонаправленное языковое явление; 11) концепция конвертации различных частей речи (Е. Б. Волошина) [92]; 12) концепция грамматической гибридизации (М. В. Резунова). По мнению М. В. Резуновой, грамматическая гибридизация – объединение в единицы одной части речи и категорий другой – служит причиной таких типов частеречных переходов, как субстантивация, адъективация, нумерализация, прономинализация, адвербиализация т. д. [332, с. 118, 97]; 13) концепция полипереходности (Н. А. Глуховская), которую исследовательница трактует как многократный переход частей речи, или явления перехода одной части речи в два, три, четыре, пять лексико-грамматических классов слов [109, с. 192]; 14) концепция межуровневой переходности (Е. В. Цымбалюк) [399] и т. д.

Общим в объяснении сущности процесса перехода в современном языкознании является признание того, что язык находится в постоянном движении. Для выражения новых понятий, явлений, отношений языковой системы производным является арсенал новых слов и значений. Одним из способов “приспособления” языка к новым условиям является переходность как свойство языковой системы в целом. Существенные различия наблюдаем при определении языковедами содержания и сущности понятия *переходность* (или соответственно: *транспозиция, трансориентация, транскатегоризация* и т. п.), в том числе и потому, что ученые это явление анализируют с позиций или синхронии, или диахронии (подробное теоретическое обоснование двух аспектов переходности предлагает В. В. Бабайцева [23]). Имеются различные трактовки причин перехода слов

из одной части речи в другую, но основную причину учёные видят в экономии языкового материала для обозначения явлений и понятий.

Итак, вопрос транспозиции и систематизации типов транспозиции, теоретическое обоснование проблемы транспозиции с позиций языкознания второй половины XX – начала XXI вв. поднимается в трудах многих лингвистов [308, с. 64]. В частности, В. С. Ващенко отмечает, что в процессе перехода происходят глубокие внутренние преобразования как содержания, так и формы слов, которые переходят в другой лексико-грамматический разряд; это явление сопровождается полной или частичной десемантизацией словоформы, потерей словоизменительных и словообразовательных особенностей и возможностей сочетаемости с другими словами, что ведёт к нарушению внутриструктурной целостности слова. Среди переходных явлений исследователь анализирует только те языковые факты, когда одна часть речи приобретает функции другой без заметного изменения в морфологическом составе слова; процесс же перехода с видоизменениями в форме слова остается без внимания языковеда [73, с. 15–16]. Переход слова из одной части речи в другую, постулирует Е. Т. Черкасова, становится возможным вследствие постепенного отмирания старого качества и накопления нового [400, с. 15]. Т. С. Тихомирова сформулировала основные признаки перехода слов из одной части речи в другую (изменения категориального статуса слова), его структурно-семантической характеристики при сохранении имеющегося внешнего вида: 1) словоформа меняет объём начального значения или изменяет значение, присущее исходной лексеме; 2) словоформа выпадает из морфологической парадигмы слова; 3) словоформа теряет синтаксические связи исходной лексемы [378, с. 78–80]. Е. А. Земская, распределяя деривацию на синтаксическую и лексическую, в рамках последней отличает транспозиционные и нетранспозиционные типы. Синтаксическая деривация представляет собой переход слова из одной части речи в другую без изменений в его

лексическом значении. Транспозиционный тип лексической деривации присущ переходу слова из одной части речи в другую, который сопровождается изменениями в его значении. Нетранспозиционный тип лексической деривации предусматривает изменение лексического значения производного слова в пределах той же части речи [164, с. 192].

По мнению Е. С. Кубряковой, транспозиция – это явление, присущее различным уровням строения языка, в котором “целесообразно различать транспозицию морфологическую, проявлением которой является полное изменение морфологического окружения исходной основы, и транспозицию синтаксическую, при которой меняются синтаксические функции исходной единицы без полной смены её морфологического окружения” [216, с. 75].

В классификации В. В. Богданова представлены: транспозиционное словообразование, собственно словообразование и гибридное словообразование. Транспозиционное словообразование подобно синтаксической деривации. Собственно словообразование присуще процессам, при которых производное и образующее слово нетождественны по значению и относятся к одной части речи. Гибридное (смешанное) словообразование обусловливает образование дериватов, которые отличаются от образующих слов лексическим значением и частеречной принадлежностью [53, с. 171].

По мнению О. М. Ким, транспозиция охватывает все уровни, все звенья языковой структуры, в том числе, частеречный ярус [192, с. 4]. Другие исследователи – В. М. Никитевич, Л. В. Бортэ – постулируют транспозицию как употребление слова в “чужих” для него синтаксических условиях [288, с. 106; 61, с. 102]. Согласно такому подходу, транспозицию можно считать начальным этапом или вообще причиной трансформационных преобразований. А. Я. Баудер утверждает, что без учёта переходных явлений нельзя окончательно решить проблему классификации частей речи [30, с. 79]. Учёный подробно анализирует причинно-следственные отношения

переходных явлений, в частности, вопрос о причинах, предпосылках, условиях и последствиях явлений переходности, взаимосвязи между переходными явлениями и т. н. смежными явлениями, отношение между синхронией и диахронией относительно переходных явлений в системе частей речи; предлагает учитывать такие лингвометодические приемы анализа слов, которые перешли из одних частей речи в другие: 1) основные: а) определение категориального значения; б) анализ морфологических свойств; в) учёт особенностей сочетаемости со словами других частей речи; г) выяснение синтаксических функций; 2) дополнительные: а) формулировка местоименного вопроса; б) подбор синонимов, антонимов; в) употребление отрицания с помощью союза *а не*; г) образование морфологического ряда [30, с. 79–83] и т. д. Основной причиной, характеризующей явления переходности среди частей речи, А. Я. Баудер называет потребность человека в высказывании различных оттенков мыслей языковыми средствами, которыми обладают носители языка. Важнейшими в процессе преобразования слов одной части речи в другую учёный считает синтаксические условия: а) окказиональную синтаксическую функцию; б) регулярное функционирование слова в окказиональной функции; в) характер синтаксической сочетаемости; г) порядок слов в предложении; д) эллипсис тех или иных членов предложения. Лишь при условии регулярного функционирования слова окказиональная синтаксическая функция может стать узуальной [30, с. 80]. Теоретические обобщения учёного подтверждает углублённый анализ субстантивации как разновидности ТЧР [33, с. 84–180].

Два этапа среди преобразований выделяет В. Г. Гак, однако неполную (синтаксическую) транспозицию учёный объясняет изменением лишь формально-грамматической функции исходного слова, когда модифицируется его синтаксическая функция без изменения

морфологического статуса, а полную – образованием слова другого морфологического класса [105, с. 519].

Явления переходности частей речи изучает П. А. Лекант. Исследователь отмечает, что между частями речи нет и не может быть границ: у них есть не только различные, противоположные, но и общие признаки, вот почему наличие “гибридных” слов и слов, которые “блуждают”, слов, которые ещё не нашли своей части речи или покинули её под влиянием различных языковых и речевых факторов, неизбежно. Явления переходности, по мнению П. А. Леканта, не досадное исключение, а закономерность [238, с. 19].

Обращает внимание постепенное расширение круга вопросов, связанных с комплексом транспозиционных проблем. Актуальной является проблема обоснованного объединения всех падежных парадигм в обобщенное явление, основой которого был бы единый источник происхождения. Такое явление предлагают квалифицировать как превращение слов, основой которого выступает асимметричный дуализм слова.

В начале XXI в. осуществляется ряд научных исследований, посвящённых изучению ТЧР как одного из типов преобразования слов в языке, а именно: 1) *полисемию* (расщепление слова на полисеманты); 2) *омонимию* (на основании полисемии) (расщепление слова на омонимы из полисемии); 3) *аффиксацию* (с делением на агглютинацию и фузию) (расщепление слова с помощью аффиксов – словоизменение, формообразование, аффиксальное словообразование); 4) *транспозицию* (синтаксически обусловленный переход слова в другую часть речи); 5) *вариативность* (расщепление слова на варианты) [254]. Преобразование слова истолковывают как любую фонетическую, морфемную, грамматическую и семантическую смену, обусловленную асимметрией расщепления значения или формы слова по законам конкретного языка;

синхронное тождество лексического значения корня, в частности, в словах, которые асимметрично расщепились, сохраняется [254, с. 3].

Движущей силой всех пяти типов преобразования слов, как отмечает Н. А. Лыкова, есть асимметризм (способность к формально-семантическому расщеплению слова), который вызывает различные словесные преобразования, и в конце концов – появление новых лексических единиц, новых средств лексического обогащения, новых типов производных слов и т. д. [254, с. 4]. Основой теории преобразования слов является теория языкового знака (в частности, т. н. асимметричный дуализм языкового знака), автором которой является один из основателей теории транспозиции – С. И. Карцевский.

Пять названных процессов происходят на разных уровнях языковой системы и непосредственно мало чем связаны между собой, однако имеют две фундаментальные общие черты: во-первых, все перечисленные процессы являются следствием действия единого языкового феномена – асимметричного расщепления слова; во-вторых, такие процессы “незаметно” выполняют словообразовательную функцию, функцию создания новых слов и пополнения лексической системы языка, выступая тем самым в качестве т. н. “теневого словообразовательного уровня” [254, с. 6].

Подробнее остановимся на анализе самых распространённых общепризнанных теорий переходности В. Н. Мигирина, В. В Бабайцевой, В. В. Шигурова (их учеников и последователей) и популярной “индивидуальной” транспозиционной теории – теории лексико-грамматической субституции М. Ф. Лукина.

3.2. Транспозиция частей речи как объект исследования в теориях трансформации и морфологической переходности

Основателем теории трансформации (трансформациологии) является Виктор Николаевич Мигирин, теории морфологической переходности (теории переходности языковых явлений) – Вера Васильевна Бабайцева.

Явление транспозиции с позиции теории трансформации охарактеризовано В. Н. Мигириным в монографии «Очерки по теории процессов переходности в русском языке» [269]. Структура труда свидетельствует о том, что его автор тщательно осмысливал теоретический и фактический материал, чтобы наиболее полно охарактеризовать разновекторные филологические концепции по явлению транспозиции (учёный использует термин *трансформация* [Группа 5]). Учитывая сложившуюся традицию, разнообразие подходов к изучению транспозиции, обоснованных в работах Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, В. А. Богородицкого, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Е. С. Кубряковой и др., исследователь настаивает на необходимости комплексного лингвистического анализа явления транспозиции, в котором нужно отразить как имеющиеся достижения, так и направления дальнейшего изучения трансформационных процессов на разных языковых уровнях.

В. Н. Мигирин отмечает, что трансформация – это сложный процесс изменения признаков слова, обусловливающий переход слова из одного морфологического разряда в другой в пределах одной и той же части речи, понимая под этим языковые преобразования как с точки зрения их запрограммированности, так и хронологической соотнесенности [269, с. 133]. Этот процесс учёный считает диахронным (хотя дифференциации диахронной и синхронной переходности в его работах нет). Для предотвращения терминологически-понятийных разногласий исследователь предлагает использовать термин *трансформация* [269]. По мнению М. Ф. Лукина, изменение признаков слова, как правило, является не причиной или условием перехода, а его следствием [250, с. 8]. Однако, как

отмечает В. Н. Мигирин, он и не ставил перед собой задачу выяснить причины и последствия перехода.

Учёный впервые всесторонне определяет основные задачи теории трансформации, а именно: 1) классификация всех случаев переходности на уровне частей речи, а также в пределах одной части речи; 2) выделение критериев разграничения трансформации и словообразования; 3) определение элементарных процессов и этапов трансформации в различных случаях переходности; 4) классификация случаев невозможности трансформации; 5) составление словаря слов, основой формирования которых является трансформация; 6) определение условий, способствующих трансформации или затрудняющих её; 7) определение типологии трансформации – одноэтапной / многоэтапной, эмиграционной / иммиграционной, однонаправленной / разнонаправленной, обратной / необратимой; 8) исследование влияния лексического значения слов, их функционирования и морфологических свойств на трансформационные возможности слов, а также влияния изменения одних свойств на преобразование других качеств; 9) исследование роли и значения вопроса о трансформации для выяснения последовательности возникновения частей речи; 10) установление взаимосвязей между трансформацией и классификацией частей речи, а также роли трансформации в пополнении частей речи на разных этапах развития языка; 11) характеристика одновременных и последовательных трансформационных процессов на уровне различных признаков частей речи; 12) анализ трансформации среди частей речи как источника обогащения словарного состава языка [269, с. 132–133].

Многие из этих задач выполнил сам учёный, и это является бесспорным вкладом автора в историю славянского языкознания. Так, исследователь предлагает дифференцировать преобразования в системе частей речи и членов предложения. Учёный разграничил эмиграционную и

иммиграционную трансформации, понимая под ними соответственно трансформационные возможности каждой части речи и увеличение их за счёт трансформации других частей речи; В. Н. Мигирин впервые комплексно исследовал проблему перехода одних грамматических форм в другие в пределах одного класса слов и т. д. [269, с. 135].

Существенным для теории трансформации можно считать определение особенностей реализации переходности в пределах частей речи (частично такие признаки были описаны ранее в лингвистической литературе, но систематизированы, уточнены и дополнены именно в исследовании В. Н. Мигирина). Признаками перехода слов из одной части речи в другую учёный предлагает считать следующие: 1) обязательные: а) изменение категориального (обобщенного лексико-грамматического) значения слова; б) смена морфологических свойств слова; в) перемены синтаксической и лексической дистрибуции слова; 2) факультативные: а) изменение синтаксической функции слова; б) возможные изменения лексического значения слова; в) изменения морфемного состава слова, его словообразовательных возможностей; г) возможные фонетические изменения в слове [269, с. 150–167].

В. Н. Мигирин выделил трансформационные и нетрансформационные функции каждой части речи. По мнению исследователя, слово может переходить из одного лексико-грамматического класса в другой только при условии, когда оно выполняет трансформационную функцию. Например, в русском языке лексема *столовая* (ж. р.) субстантивировалась благодаря трансформационным функциям подлежащего и дополнения. Такой переход был бы невозможен, если бы слово выполняло только нетрансформационную функцию определения [269].

Плодотворно транспозицию частей речи исследуют представители школы морфологической переходности под руководством В. В. Бабайцевой. “Преимущество таких систем, как теории В. В. Бабайцевой, – утверждает

К. Э. Штайн, ученица и последовательница учёного – в логическом и корректном построении формальных моделей по качественным методам, которые применяли ранее на полуинтуитивном уровне” [420, с. 472]. Тщательное исследование фундаментальной теории переходности языковых явлений, разработанной В. В. Бабайцевой, по убеждению К. Э. Штайн, только начинается [420, с. 474].

Актуальность проблемы переходности в языке и речи, по мнению В. В. Бабайцевой, определяет, прежде всего, то, что учёные, преподаватели вузов и средних учебных заведений постоянно обнаруживают речевой материал, который нельзя разместить в пределах самых подробных классификаций [23, с. 4]. И добавляет: “Явления переходности в языке привлекали внимание многих лингвистов, не раз были предметом специальных исследований, но ряд вопросов, связанных с проблемой переходности, до сих пор остается нерешённым” [23, с. 5].

Важнейшие вопросы теории переходности освещены во многих исследованиях Веры Васильевны Бабайцевой [15–25, 23 и др]; её наработки по теории переходности были обобщены, дополнены и систематизированы в монографии «Явления переходности в грамматике русского языка» [23]. Наиболее существенными в исследовании являются тезисы о необходимости четкого разграничения понятия переходности в синхронном и диахронном аспектах, о том, что исчерпывающее исследование языковых единиц, явлений и категорий не может ограничиваться только анализом (синхронным или диахронным), необходим учёт динамического состояния грамматической системы языка и открытого межсистемного взаимодействия [23, с. 7, 34, 314].

Одним из вариантов пополнения частей речи и образования новых классов слов является процесс перехода (трансформации) слов из одной части речи в другую. Трансформацию квалифицировали как сложный процесс изменения свойств слов, который служит причиной перемещения слов из одной части речи в другую или из одного морфологического разряда

в другой в пределах одной части речи. Следствием этого процесса является *синкретизм* (термин в научный оборот введён В. В. Бабайцевой). Синкретическими называются такие слова, которые сочетают в своей грамматической структуре (в категориальном значении, морфологических и синтаксических признаках) свойства двух или более частей речи [23, с. 17]. Итак, исследовательница акцентирует внимание на наличии среди языковых единиц элементов с двойными семантико-синтаксическими признаками. Транспозиционные перемещения, то есть синкретизм, по В. В. Бабайцевой, – это сочетание дифференциальных структурных и семантических оппозиционных единиц, связанных явлением переходности [23, с. 236].

Среди основных утверждений теории переходности В. В. Бабайцевой можно выделить следующие:

1) основой теоретических положений исследования В. В. Бабайцевой являются постулаты структурно-семантического направления, специфической особенностью которого является многоаспектный анализ языковых и речевых фактов, что позволяет охарактеризовать их структуру, семантику и функции;

2) переходность – универсальное свойство не только объективного мира, но и языковой системы, что обусловливает наличие переходных явлений на всех уровнях [23, с. 95], но наиболее важны, по мнению В. В. Бабайцевой, переходные явления при классификации морфологических категорий и структурно-семантических типов предложений [23, с. 5]; следовательно, явления переходности и их последствия – существенное свойство языка, движущая сила речевого развития [23, с. 61];

3) в её исследованиях предложено четкое понятийное содержание терминов *переход и переходность* относительно обозначенных явлений: а) переход, во-первых, – это диахронный (эволюционный) процесс преобразования одних языковых явлений в другие и, во-вторых, – это отражение синхронных связей между оппозиционно противоположными

явлениями; б) переходность – это свойство языка, которое объединяет языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними и обусловливая возможность диахронных преобразований [23, с. 15].

Историографы так комментируют позицию В. В. Бабайцевой: при определении понятийного содержания термина *переходность* предлагается выделять два качественно различных типа переходных явлений: трансформационные (диахронные) преобразования и контаминационные (промежуточные, синкретические, гибридные) явления. Следствием диахронной трансформации являются функциональные омонимы. Они формируют ряд, составляющими которого являются исходная форма и трансформант (один или несколько), например: рус. *столовая* – прилагательное, *столовая* – существительное, субстантив. Второй тип переходных явлений имеет противоположный характер: переход слова из одной части речи в другую в таком случае отсутствует. Переходность понимается как промежуточность, гибридность, при которой в одном слове сочетаются признаки двух частей речи. Примером могут быть т. н. “соединительные слова”, в которых сочетаются свойства местоимений и союзов [350, с. 13–14];

4) для разграничения синхронии и диахронии в сфере переходных явлений В. В. Бабайцева предложила т. н. шкалу переходности[93]: **А → Аб → АБ → АБ → Б;** переходные соединительные уровни, или звенья, отражают взаимодействие между соотносительными явлениями на шкале переходности и образуют т. н. зону синкретизма – участок переходных образований, в

[93]Шкала переходности – это условно-графический приём (средство) наглядного изображения явлений переходности синхронного и диахронного характера на всех уровнях языковой системы; это средство анализа языкового материала, которое выполняет важную классификационную функцию; это средство дифференциации периферийных явлений [23, с. 143–144].

которых синтезированы дифференциальные признаки взаимообусловленных явлений как в синхронном, так и в диахронном плане: точки **А** и **Б** – типичные языковые явления, имеющие полный набор дифференциальных признаков; звенья **Аб, АБ, аБ** – переходные уровни, для которых характерны признаки синкретизма[94] [23, с. 16].

Шкала переходности В. В. Бабайцевой ещё раз иллюстрирует, что синхрония не может полностью отграничиваться от диахронии, доказывает справедливость утверждения Р. А. Будагова о том, что связь синхронии и диахронии нельзя трактовать упрощенно: диахрония вроде бы присутствует в самой синхронии, хотя такое присутствие временами и незаметно [64, с. 44]. Кроме того, шкала переходности В. В. Бабайцевой подтверждает тот факт, что в языке нет слов вне частей речи, а есть слова, которые сочетают признаки различных частей речи, то есть слова с синкретическими признаками;

5) В. В. Бабайцева считает, что синкретические образования нередко являются конденсаторами семантики, им присущи различные возможности сочетаемости с другими словами, они полифункциональны, отличаются особой экспрессивностью [23, с. 234];

6) обозначены и подробно охарактеризованы причины переходности: а) экстралингвистические – стремление точнее и полнее объяснить различные сложные явления действительности и связи между ними с помощью языковых средств; б) собственно лингвистические – многоаспектность единиц языка / речи, отсутствие в языке нужных слов и конструкций для выражения мысли, стремление к экономии языковых ресурсов, семантическая емкость синкретических образований, потребность в дифференциации смысловых связей, отношений и структуры языка и т. д. [23, с. 179–180]; в целом основной причиной переходности языковых

[94]Синкретические явления в языке и речи подробно проанализированы в исследовании В. В. Бабайцевой [23, с. 234–247].

явлений является необходимость выражать новые смысловые оттенки уже имеющимися языковыми средствами;

7) В. В. Бабайцева четко различает условия и предпосылки переходности: а) первые объясняются как благоприятные предпосылки, позволяющие актуализировать в структуре и семантике транспонированных языковых и речевых явлений такие компоненты, которые помогают более точно и ярко выразить мысль говорящего; б) вторые – как потенциальные возможности языковых единиц, которые транспонируются; возможности, реализуемые в соответствующем контексте [23, с. 189];

8) обязательным условием перехода слова из одной части речи в другую, считает В. Бабайцева, является изменение синтаксической функции слова, то есть изменение синтаксического механизма сочетаемости слов (многие лингвисты в изменении функции видят причину переходности в системе частей речи; такую позицию отрицают как В. В. Бабайцева [23, с. 187], так и В. Н. Мигирин [269, с. 153]);

9) следствием синхронной переходности в морфологии, по мнению В. В. Бабайцевой, является наличие в языке: а) функциональных омонимов – этимологически родственных слов с одинаковым звуковым и графическим комплексом, принадлежащих разным частям речи; различаются функциональные омонимы синтаксической функцией (в этом В. В. Бабайцева полностью согласна с В. Н. Мигириным, который утверждает, что изменение функции обусловливает изменение категориального значения [269, с. 154]); б) синкретических (гибридных) образований, объединяющих дифференциальные признаки двух или более структурно-семантических классов [23, с. 195, 216];

10) при анализе переходных явлений В. В. Бабайцева рекомендует пользоваться следующими методами и приемами традиционных и современных исследований: структурно-семантическим (23, с. 121); оппозиционным (23, с. 127); синтаксическим анализом объекта исследования

(23, с. 144); компонентным анализом семантики омокомплекса (23, с. 161); сопоставления с другими языками (23, с. 174); приёмом трансформаций, реконструкции, статистическим и количественным анализом, сравнительно-историческим методом (23, с. 177) и др;

11) динамический подход к анализу языковых явлений позволил исследовательнице уточнить классификацию частей речи. В. В. Бабайцева приходит к выводу, что совокупность частей речи – это иерархически организованная двухуровневая система: а) к первому уровню относятся части речи, имеющие полный набор специфических дифференциальных признаков (существительные, прилагательные, глаголы (спрягаемые формы), наречия); б) второй уровень формируют промежуточные группы слов, объединяющие свойства двух частей речи (числительные, имена состояния (термин В. В. Бабайцевой), причастия, деепричастия); в) к третьему уровню относят местоимения и модальные слова – части речи, объединяющие дифференциальные признаки частей речи первого и второго уровней [23, с. 318–319]. Как справедливо замечает И. В. Высоцкая, основным критерием выделения частей речи у В. В. Бабайцевой является четко определённая совокупность дифференциальных признаков частей речи [95, с. 501]. Тем самым, как отмечает К. Э. Штайн, исследовательница предложила инструментарий, позволяющий определять статические типы языковых единиц и динамические разновидности – различные переходные типы [420, с. 474];

12) переходные явления, по мнению В. В. Бабайцевой, объясняют сложные вопросы морфологии, синтаксиса, орфографии и пунктуации; автор поднимает проблему связи лингвистических явлений переходности с вопросами преподавания языковых дисциплин и тому подобное.

Итак, определение В. В. Бабайцевой переходных контаминационных явлений облегчает классификацию языковых фактов, поскольку устраняет традиционное требование анализировать тот или иной факт по принципу

“или – или”, тогда как диалектический подход требует учитывать тот или иной факт по принципу “как то, так и другое” [19, с. 7].

Теория переходности языковых явлений В. В. Бабайцевой – одно из замечательных достижений лингвистики второй половины XX в. [420, с. 474]. Теорию переходности среди частей речи плодотворно развивают ученики и последователи В. В. Бабайцевой: Х. Н. Абдуллаев, И. В. Артюшков, А. Н. Бертякова, И. В. Высоцкая, О. В. Емцева, М. С. Милованова, Ф. Р. Одекова, Д. И. Петренко, И. Н. Политова, И. А. Сыров, М. А. Сорокина, О. Ю. Степанова, Г. Г. Хисамов, Ю. Н. Шамшин, К. Э. Штайн и др.

В частности, И. В. Высоцкая, опираясь на сформулированные В. В. Бабайцевой основы теории переходности, рассматривает синкретические грамматические единицы языка контаминационного (или синхронного) типа, а также предлагает классификацию промежуточных языковых единиц, подтверждая теоретические обобщения большим объёмом иллюстративного материала из художественной литературы XIX – XX вв., из словарей пословиц и поговорок и собственными лингвистическими наблюдениями за реалиями окружающей среды [196].

В языке учёные выделяют два способа создания синкретических слов (по терминологии И. В. Высоцкой, два типа переходности): 1) групповой – такой, который служит причиной образования новых классов слов (новых частей речи) (диахронный аспект); так сформировались числительное, причастие, деепричастие, слова категории состояния и тому подобное; 2) индивидуальный – такой, который касается отдельных слов и вызывает пополнение уже имеющихся частей речи или разрядов слов; при такой трансформации происходит раздвоение, разделение исходной лексемы на две, которые по-разному функционируют в языке: в одной из них появляются и развиваются признаки другой части речи, а вторая чаще остается без изменения и продолжает функционировать как исходная часть речи;

вследствие этого новая часть речи не создается, а благодаря перемещению отдельных слов из одной части речи в другую происходит количественное пополнение той части речи, в которую переходят слова [96, с. 19].

В самой теории синхронной переходности И. В. Высоцкая предлагает несколько важных для построения концепции постулатов: тезис о динамичности синхронной системы частей речи, тезис о полевой природе (или организации) частей речи и т. д. [97]. Исследовательница расширяет традиционную (введённую В. В. Бабайцевой) шкалу переходности, выделяя в зоне синкретизма дополнительные звенья и в отдельных случаях сочетая её со шкалой атрибутивной валентности. Многообразие трансформаций, определяет И. В. Высоцкая, демонстрирует самоорганизацию языковой системы. В синкретических образованиях (“точках роста”) эксплицируются скрытые ресурсы языка, устойчивые формы наполняются новым содержанием. Исследование т. н. “языкового пограничья” требует системно-синергетического подхода к языку: характеристика системы частей речи с учётом синкретических явлений остается принципиально новый типом описания языка, который снимает противопоставление между “системными” и “антисистемными” явлениями. Углублённое изучение периферии языка с использованием актуальной методологии и инструментария, как предполагает И. В. Высоцкая, может изменить представление о её центре, а соответственно, и наши ментальные категории, и когнитивный план человека в целом [97].

Научные выводы И. В. Высоцкой, по нашему мнению, открывают простор для дальнейших исследований в морфологической системе, а также определяют перспективы сравнительного анализа переходных явлений в разных языках.

В целом системно-синергетический подход (и теория синхронной переходности как созвучная ему частная концепция), по мнению историографа Е. А. Лебедевой, позволяет установить новые взаимосвязи

между отдельными предметами исследования, формирует понимание языка как динамической системы, является одной из общенаучных универсалий, которые выходят за собственные лингвистические границы и могут применяться для описания любой, не только языковой, системы [234].

Несомненной является перспективность и практическая значимость лингвистических исследований В. Н. Мигирина, В. В. Бабайцевой, их учеников и последователей, в частности, для дальнейшего развития теории транспозиции, а также для повышения научно-методического уровня лингвистических исследований.

3.3. Вклад М. Ф. Лукина в развитие теории переходности частей речи

Вопросам переходности слов из одной части речи в другую, из одних категорий в другие посвящён ряд исследований М. Ф. Лукина [246–253 и др.][95]. Анализ работ учёного позволяет проследить динамику его взглядов на явления транспозиции частей речи.

Подробно процессы перехода одной части речи в другую М. Ф. Лукин анализирует в учебном пособии «Трансформация частей речи в современном русском языке» [253]. Понятие *переход частей речи* исследователь объясняет как словообразовательный процесс изменения, нейтрализации или потери

[95]Мысли, убеждения М. Ф. Лукина по транспозиции частей речи представлены преимущественно в соответствии с хронологической последовательностью научных трудов учёного. Однако в некоторых случаях преемственность во взглядах учёного позволяет размещать лингвоисториографические комментарии по его концепции переходности частей речи независимо от хронологического принципа.

словом (словоформой), которое трансформируется, семантических, морфологических и синтаксических признаков, присущих слову до перехода, и приобретение лексико-грамматических признаков той части речи, в которую слово переходит [253, с. 4]. При этом М. Ф. Лукин не считает такое определение исчерпывающим, так как возможны, по мнению учёного, некоторые уточнения и пояснения: иногда синтаксическая функция не меняется (например, при переходе причастий в прилагательные); или иногда слова, которые трансформируются, вместе с приобретёнными новыми грамматическими признаками, сохраняют и старые грамматические свойства и т. д. [253]. Учёный выделяет 12 разновидностей трансформационных процессов [Группа 5], в частности, продуктивные (субстантивация, адъективация, адвербиализация, предикативизация, препозиционализация, интеръективация) и непродуктивные (нумерализация, прономинализация, вербализация, конъюнкционализация, модуляция и партикуляция) процессы [253, с. 8]. Все трансформационные процессы учёный подробно проанализировал, также обнаружил их различные причинно-следственные связи.

М. Ф. Лукин несколько уточняет утверждение А. С. Беднякова о перемещениях и изменениях синтаксических функций слов при переходе из одной части речи в другую как причину трансформации слов (эта традиция основана А. А. Потебней): по мнению М. Ф. Лукина, такие процессы не объясняют, например, переходность родственных слов или переходность причастий в прилагательные; нельзя также игнорировать изменения семантики слов, подвергнутых трансформации, и тому подобное. М. Ф. Лукин заключает, что нет единственного условия перехода слов из одной части речи в другую. Практически каждый трансформационный процесс зависит от комплекса семантических и синтаксических условий, к тому же в каждом конкретном случае одни из них являются основными,

ведущими, другие – лишь сопутствующими или даже нейтральными [253, с. 8–10].

В статье М. Ф. Лукина «Переход слов из одной части речи в другую» представлен подробный анализ как теоретических, так и прикладных проблем, обусловленных явлением перехода частей речи. Проанализировав терминологическую множественность и неопределённость понятий относительно явления транспозиции частей речи, М. Ф. Лукин предлагает терминонаименования *переход* и *переходность*, при этом полностью игнорировать другие термины, считает исследователь, нельзя, поскольку все они образуют синонимический ряд с доминантой *передвижения* [250, с. 5]. В то же время, М. Ф. Лукин отмечает однобокость трактовки понятий *переход* и *переходность*: 1) одни признаки явления принимают во внимание, другие – нет; 2) последствия перехода считают основанием, первопричиной, а переход слов из одной части речи в другую надо рассматривать как неоднозначный, противоречивый, но единый процесс [250, с. 8]. Позже исследователь отметил, что в языке наблюдается не переход, а *лексико-грамматическая субституция* – образование словоформами любой части речи вторичных форм (трансформ) и употребление их как субститутов – заместителей конкретных или потенциальных слов других частей речи [246, с. 50]. В то же время М. Ф. Лукин отмечает, что в научном обороте допустимо использование термина *переход* (традиция), если понимать под ним употребление словоформ одной части речи в значении другого лексико-грамматического класса [246]. Сам учёный в своих исследованиях пользуется многими терминами, например: *передвижение, перемещение, переход, переход частей речи, переход категорий слов (с изменением и без изменения их парадигмы), процессы перехода категорий слов, трансформация, трансформационные процессы, переходность, переходность частей речи, морфолого-синтаксическое словообразование, субституция, лексико-грамматическая субституция* и тому подобное.

М. Ф. Лукин благодаря основательности анализа конкретного языкового материала по установлению причин и последствий определённых трансформационных процессов сделал такие выводы и обобщения: 1) внешней причиной перехода являются коммуникативные потребности общества, внутренней – дистрибуция слов; 2) переход – активный языковой и речевой процесс; 3) переход определяется в речи, затем является достоянием языка; 4) в деривационном аспекте переход – это разновидность морфолого-синтаксического типа словообразования; 5) процесс перехода одновекторный и необратимый и т. д. [250, с. 5–10].

В статье М. Ф. Лукина «Переход частей речи или их субституция?» представлены несколько другие наблюдения учёного по проблеме перехода частей речи из одной в другую: 1) при субституции говорится о словах-двойниках: первое слово (субституент) имеет устойчивую общекатегориальную валентность и дистрибуцию определённого лексико-грамматического класса; вторичная форма (трансформа, или субститут) как лексико-грамматическая копия первого слова имеет лишь отдельные признаки субституента и временно не употребляется в общекатегориальной валентности другой части речи; 2) учёный разграничивает, во-первых, семантико-морфологическую субституцию как изменение трансформой семантической валентности исходной лексемы, её семантики и лексической сочетаемости с другими словами, морфологических признаков; во-вторых, семантико-синтаксическую субституцию как изменение трансформами синтаксических функций, синтаксических связей; 3) лексико-грамматическая субституция может быть постоянной (трансформа теряет связи с исходной формой) и временной (трансформа сосуществует с исходной формой, сохраняя при этом её валентность); 4) лексико-грамматическая субституция – это взаимодействие различных словообразовательных средств: на первом этапе – лексическая деривация благодаря образованию вторичной формы; на втором – морфолого-синтаксическое словообразование; 5) субституция, по

мнению учёного, имеется не только в русском, но и в языках различных систем и даже разных типов – флективных и агглютинативных [251, с. 78–80].

Наконец, в статье «Критерии перехода частей речи» М. Ф. Лукин подробно анализирует критерии выделения ступеней перехода слов из одной части речи в другую: 1) констатирует разное терминологическое трактование в научных исследованиях, посвящённых проблемам транспозиции, наименованиям степеней перехода; 2) по-другому толкует понятие *лексико-грамматическая субституция*; 3) для исследования явлений лексико-грамматической субституции предлагает применять метод дистрибутивного анализа; 4) четко разграничены полный переход (явление исключительно редкое; это длительный исторический процесс) и неполный переход как функционирование слов с общекатегориальной валентностью двух и более частей речи (в пределах неполного перехода наблюдается устойчивая и неустойчивая градация); 5) предлагает учитывать критерии ступеней перехода, а именно: семантический (позволяет выявить наличие или отсутствие категориальной валентности другой части речи), синтагматический (позволяет выяснить дистрибутивные отношения между компонентами сочетания или словосочетания, расположенными в определённой линейной последовательности), парадигматический (предусматривает анализ системы словоизменительных форм, что и определяет характер грамматических категорий и дистрибутивные отношения с другими частями речи) и деривационный (позволяет выяснить, исчезла или сохранилась в лексико-грамматической системе языка исходная словоформа субститута, сохранилась или исчезла словообразовательная связь субститута с его исходной лексемой); 6) критерии разграничения ступеней перехода словоформ из одной части речи в другую, как считает учёный, дополняют друг друга и в совокупности являются единственным лексико-грамматическим комплексом [246, с. 49–56]. Необходимо отметить и вклад

М. Ф. Лукина в исследование методических аспектов транспозиции частей речи [247–249; 252 и т. д.].

3.4. Теория переходности в системе частей речи в лингвистических исследованиях В. Шигурова, его учеников и последователей

Переходные явления в системе частей речи изучает Виктор Васильевич Шигуров [411–415 и др]. Обобщение результатов исследований учёного, совершённых в течение последних десятилетий, представлены, прежде всего, в учебном пособии «Переходные явления в сфере частей речи в синхронном аспекте» [414]. В монографии охарактеризованы основные понятия теории переходности в сфере частей речи, обозначены разные взгляды относительно сущности явления переходности, описаны формы и признаки переходности слов (как в теоретическом аспекте, так и на конкретном лингвистическом материале – переходных процессах среди деепричастий с отрицанием). Учёный не согласен с чрезмерно широкой трактовкой переходности как лингвистического явления, в рамках которого объединяют различные факты (концепции О. Лешки, Е. Куриловича, А. Е. Михневича и т. д.) [414, с. 5]. По В. В. Шигурову, *переход* [Группа 1] – это передвижение из одной части речи в другую [414, с. 6].

При переходе слов из одной части речи в другую, так или иначе происходит определённый сдвиг, изменение одних свойств слова и возникновение других. В. В. Шигуров, основываясь на тезисах В. Н. Мигирина и М. Ф. Лукина, выделяет такие признаки перехода слов из

одной части речи в другую (на материале разных классов слов), а именно: изменение синтаксических функций слова, категориального и лексического значений слова, синтаксической и лексической дистрибуции, морфологических свойств, морфемного строения, словообразовательных возможностей и фонетических особенностей [414, с. 11–16].

Отдельные признаки перехода слов из одной части речи в другую охарактеризованы учёным подробнее. Так, по мнению В. В. Шигурова, процесс перехода слова в новую часть речи, как правило, начинается с изменения его синтаксической функции в предложении, поскольку между ролью частей речи в предложении и их способностью к различного рода преобразованиям существует определённая зависимость: чем шире потенциал синтаксических функций той или иной части речи, тем больше вероятность различных видов её перехода в другие классы слов. Например, существительные имеют наибольший набор синтаксических функций и поэтому способны пополнять классы местоимений, числительных, наречий, предлогов, союзов, частиц, междометий и тому подобное. Напротив, однообразие синтаксического употребления части речи ограничивает возможности её категориального преобразования. Ограничены, например, преобразовательные возможности числительных и причастий: числительные могут переходить только в наречия и выполнять функцию вводных слов (рус. *вдвоём, во-первых* тому подобное); причастия, которые также употребляются только в нескольких синтаксических функциях, транспонируются в прилагательные и существительные (рус. *раненый боец, подойти к раненым* и т. д.) [414].

Вероятность подобных выводов В. В. Шигурова подтверждают, в частности, наблюдения А. М. Пешковского, который называл части речи “застывшими членами предложения, которые выкристаллизировались в системе языка в определённые морфологические формы” [315, с. 79], академика В. В. Виноградова, который настаивал на непрерывной связи и

взаимодействии морфологических и синтаксических категорий: “В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, синтаксис и порождает импульсы и толчки к этим преобразованиям” [81, с. 150].

Изменение категориального значения при переходе слов из класса в класс, по мнению В. В. Шигурова, является обязательным: субстантивированное прилагательное является носителем общеграмматического значения предмета, а не признака и тому подобное.

Относительно проблемы синтаксической дистрибуции В. В. Шигуров выделяет два типа синтаксического окружения той или иной части речи: 1) окружение, которое исключает переход слов определённой части речи в другие семантико-грамматические разряды слов (или тормозит этот переход); такая дистрибуция способствует яркому проявлению грамматических признаков слов; 2) окружение, которое способствует переходу слова из одной части речи в другую; при такой дистрибуции грамматические категории являются ослабленными [414, с. 14].

Изменение морфологических особенностей слова В. В. Шигуров объясняет, во-первых, утратой отдельных его бывших грамматических свойств, во-вторых, приобретением в определённых случаях признаков новой части речи. Учёный обнаружил определённую зависимость между видами переходности слов в сфере различных частей речи и сущностью их грамматических категорий: близость грамматических свойств в значительной степени облегчает процесс перехода слов из одной части речи в другую (сравнительно легко осуществляется переход слов из прилагательных в существительные, из причастий в прилагательные, из существительных в местоимения и т. п.); чёткое разграничение грамматических категорий тех или иных частей речи создает препятствия в их обогащении благодаря переходности слов (глаголы, как известно, отличаются от всех классов

своими грамматическими характеристиками и поэтому обычно не пополняются в результате перехода слов из других частей речи) [414, с. 15].

Кроме вышеупомянутых обобщений, В. В. Шигуров исследовал и транспозицию частей речи[96]: 1) переход слов чаще всего обусловливает изменение комплекса свойств части речи и может завершаться фонетическими преобразованиями, а не изменением только одного какого-либо признака; 2) как и В. Н. Мигирин, В. В. Шигуров считает, что последовательность образования частей речи в истории языкового развития в определённой степени прослеживается по типам переходности слов, поскольку формирование разветвлённой системы морфологических категорий и развитого словообразовательного аппарата требует длительного времени, соответственно, можно предположить, что, например, существительные и глаголы появились раньше, чем прилагательные и наречия и т. д.; 3) необходимо различать две формы перехода в системе частей речи: быструю (чем дальше друг от друга по грамматическим свойствам части речи, тем быстрее завершается процесс перехода) и медленную (чем ближе по своим грамматическим характеристикам классы слов, тем медленнее осуществляется переход); 4) оба исследователя различают обратную и необратимую трансформацию частей речи: для необратимой трансформации характерным является однонаправленный переход слов из одной части речи в другую (из наречий слова переходят в предлоги, но нет обратного перехода предлогов в наречия и т. д.); примером обратной трансформации языковеды считают переход слов из существительных в местоимения и, наоборот, из местоимений в существительные; 5) переходность слов может быть одноуровневой (например, переход слов из причастий в прилагательные, из

[96] Все теоретические положения В. В. Шигуров подтверждает конкретными языковыми фактами, во-первых; во-вторых, во многих вопросах учёный разделяет научные позиции В. Н. Мигирина.

существительных в наречия, из существительных в местоимения, из глаголов в частицы) и многоуровневой (например, последовательное перерождение предложно-падежного сочетания в наречие, а наречий – в предлоги); 6) переходность в системе частей речи, по мнению В. В. Шигурова, является одним из факторов, способствующих консервации в языке старых морфологических преобразований (рус. *поделом, воочию, домой*), а также формированию наших представлений о тех словах, которые когда-то употреблялись в языке, а потом исчезли (рус. *кривь, кось, опрометь, торопь* и т. п. в структуре наречий *вкривь, вкось, опрометью, второпях*) [414, с. 16–18].

Явления переходности и синкретизма в системе частей речи, грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов активно исследуют ученики и последователи В. В. Шигурова, а именно: Э. Н. Акимова, Л. Г. Горбунова, Л. Н. Денисова, Н. И. Ершова, С. А. Кабанова, Т. И. Мочалова и др.

3.5. Трансонимизация как способ онимообразования и предмет лингвоисториографического осмысления достижений русского языкознания

Совсем ещё недавно учёные-ономасты допускали употребление термина “ономастика” как для указания на научную дисциплину, так и для обозначения совокупности собственных имён. Так, автор первой в своём роде монографии, посвящённой теоретическим аспектам науки о собственных именах писала: “Ономастика, или онимия, как совокупность

имён разных типов, связана со всеми сферами человеческой жизни и деятельности. Везде, где требуется выделение для идентификации или индивидуализации, человек употребляет собственные имена как наиболее удобный способ выделения объекта” [373, с. 324]. В настоящее время эти понятия не принято употреблять как синонимы. В дальнейшем изложении для обозначения совокупности собственных имён будет употребляться только термин “онимия”.

Что касается трансонимизации – широко известного способа образования собственных имён, то анализ литературы вопроса обнаруживает постоянно растущий интерес к этой проблеме. Явление трансонимизации изучали многие лингвисты: Е. С. Отин, А. В. Суперанская, Ю. А. Карпенко, В. М. Калинкин, В. И. Супрун, М. В. Горбаневский, Т. В. Чуб, Ф. Ф. Алистанова, М. Г. Курбанова, Н. В. Усова, М. В. Яковенко, Дж. Латыпов, А. Моради, М. П. Муравицкая, Е. А. Земская, В. Н. Немченко, А. П. Корепанова, Т. А. Голикова, Е. Н. Сидоренко, Н. В. Подольская, Л. М. Сапожникова, Т. П. Романова, Т. И. Ларина, Т. Б. Карпова, Н. С. Дьякова Ю. А. Гурская, И. А. Астафьева и др.

При характеристике этого явления исследователи используют разные термины: *топотопоним* (Е. С. Отин), *топонимическая метонимия* (Е. С. Отин), *контактный перенос* (Е. С. Отин) [302, с. 106], *трансонимизация* (Н. В. Подольская) [322, с. 138], *метонимический перенос* (Г. П. Зубарев) [167] – все эти термины выражают “переход онима из одного разряда в другой”.

В ономастической науке существуют разные способы образования имён собственных (трансонимизация, онимизация апеллятива, заимствование, онимотрансонимизация, имятворчество). Взаимная связь разрядов онимов исследуется давно. Нас будут интересовать, в основном, явления трансонимизации и их исследования преимущественно в тех

случаях, когда трансонимизация является “конечным пунктом” субстантивации.

Трансонимизация как лексико-семантический способ образования довольно часто становилась объектом обсуждения лингвистов (М. П. Муравицкая, В. В. Левицкий, Е. А. Земская, В. Н. Немченко). Например, Е. С. Отин отмечал, что трансонимизация реализуется с помощью “лексико-семантической деривации онима” [303, с. 15]. По мнению Ю. А. Карпенко, “трансонимизация представляет собой самую распространённую, массовую разновидность применения лексико-семантического способа словообразования” [183, с. 36]. В. М. Калинкин трансонимизацию определяет как явление, при котором “внешняя форма имени остаётся неизменной, но меняются и денотативно-сигнификативный комплекс, и референт” [179, с. 87]. М. В. Яковенко трансонимизацию называет “вторичной ономастической номинацией” [427, с. 135]. А. В. Суперанская имена собственные, возникшие на основе других имён, называет “непервичной номинацией” [372, с. 242].

Вместе с тем, лингвисты обнаруживают связь трансонимизации с метонимией. Как отмечено исследователями трансонимизации (Е. С. Отин, А. В. Суперанская, Ю. А. Карпенко), переход собственного имени осуществляется с помощью метонимии.

Представляет интерес то, как М. В. Яковенко выделяет ряд метонимических переносов:

1) с одного объекта на другой близлежащий объект;

2) с земного объекта на наименование ветра;

3) с какой-либо территории или населённого пункта на связанное с ним событие;

4) с природного объекта на находящееся на данной территории предприятие, завод, компанию, фабрику и т. п.;

5) с имени владельца предприятия на само предприятие;

6) с имени путешественника или геолога на открытый им природный объект [427, с. 137].

М. В. Яковенко отмечает также, что трансонимизация имени собственного “может осуществляться вследствие наличия какого-либо сходства между объектами, т. е. с помощью метафоры” [427, с. 137].

А. П. Корепанова перенос делит на метонимический, контактный и неконтактный [206, с. 54–56].

Разнообразные аспекты трансонимизации, связанные с коннотонимией и этнографией, были затронуты учёным-ономастом Е. С. Отиным в работах «Этнография имён», «Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм», «Из истории русской эргонимии» и др. [304, 301, 300].

Именование городских объектов является постоянным объектом лингвистических исследований. В трудах А. В. Суперанской [373], Н. С. Дьяковой [139], А. Ю. Долгановой [137], Б. З. Букчиной [66], И. А. Астафьевой [12], Р. И. Козлова [202], Р. В. Разумова [329] и других исследователей описаны различные группы онимов, обозначающих городские объекты. Например, в статье Н. С. Дьяковой «Новые топонимы на карте Вологды» [139] подробно описана группа онимов, именующих названия жилых домов и жилищных комплексов города Вологды. Среди однословных имён, по мнению автора, преобладают неморфемные способы образования (онимизация и трансонимизация). Н. С. Дьякова приходит к выводу, что с помощью трансонимизации созданы около 20% инсулонимов Вологды. Все они созданы на основе различных разрядов онимов: эргонимов, ойконимов, экклезионимов, в сочетании с конверсией на основе годонимов.

Процесс перехода имени из одного разряда в другой в области эргонимии осуществляется несколькими способами: оним (любой разряд) → эргоним, эргоним → урбаноним, эргоним → эргоним. В работе А. Ю. Долгановой «Процессы трансонимизации в эргонимии (на материале

названий магазинов Ижевска)» рассмотрена группа онимов, именующих названия магазинов города Ижевска [137]. Исследователь утверждает, что “абсолютное большинство производящих имён – женские имена. Незначительно число названий магазинов, образованных от фамилий и отчеств”. Изучены разные причины использования антропонимов в эргонимии:

1) именования по принадлежности – посессивные номинации (именование магазинов фамилиями владельцев, личными именами, предложными конструкциями с личными именами, атрибутивными именами-словосочетаниями);

2) именования – “пустые” знаки с приоритетом формы над содержанием (на основе имён родственников или друзей номинатора);

3) именования на основе антропонимов, чьи денотаты обладают широкой известностью и пр.

А. Ю. Долгановой подробно описаны названия магазинов на основе эргонимов, антропонимов, идеонимов, реалионимов, мифонимов, мофохрематонимов, фактонимов и др. Автор приходит к выводу, что использование депроприативов при именовании коммерческих предприятий позволяет номинатору решить ряд задач:

а) воздействовать на потребителя благодаря имени, первоноситель которого хорошо известен в данном социуме и имеет положительную эмоциональную оценку;

б) охарактеризовать специализацию магазина через указание на денотат производящего имени;

в) сообщить о качествах именуемого объекта: его местоположении или принадлежности лицу;

г) создать привлекательное, благозвучное название. [137, с. 30].

В следующей работе проводится анализ топонимов Ишимского района. В статье представлены имена населённых пунктов, получивших название по

именам рек (река Ишим – город Ишим, река Карасуль – село Карасуль, река Черемшанка – деревня Черемшанка, река Камышка – деревня Камышка, река Таловка – деревня Таловка, река Лариха – село Лариха, река Опёновка – деревня Опёновка и др.). Е. В. Ракитина, Е. О. Шевелёва пришли к выводу, что “для топонимической системы Ишимского района характерно развитие модели: гидроним-топоним” [331, с. 995].

В работе Н. А. Кокориной и Чэнь Чженхань «Лексико-семантическая онимизация эргонимов» (на примере названий заведений общественного питания города Екатеринбурга) рассмотрены способы образования эргонимов (объектов общественного питания) [204]. Автором рассмотрены разные способы трансонимизации эргонимов указанного класса (антропонимический, топонимический, фитонимический и другие типы трансонимизации).

Работа Е. Сидоренко «Эргонимизация различных видов онимов (на материале эргообъектов Донецкого региона)» посвящена исследованию разных способов трансонимизации: мифоним → эргоним, теоним → эргоним, космоним → эргоним, астрорним → эргоним, астроним → эргоним, анемоним → эргоним и др. Особое внимание уделено переходу эргонима в эргоним (двойной трансонимизации). Автор считает, что “изучение отонимных образований позволяет проследить тенденцию присвоения названий различным объектам человеческой деятельности и их развитие под влиянием экономических, политических и культурных преобразований в обществе. При трансонимизации слово приобретает новое значение. Однако не всегда учитывается фоновая информация исходных онимов, и образованные эргонимы могут быть лишены логики” [353, с. 121].

Модели трансонимизации (неофициального названия улиц города Москвы) изучены Т. А. Голиковой. По мнению автора, “до настоящего времени комплексного исследования топонимической системы г. Москвы не предпринималось” [114, с. 25]. В работе «Официальные и неофициальные

годонимы Москвы: модели трансонимизации» Т. А. Голикова выделяет следующие типы переносов: переименование, обусловленное событиями из истории города; переименование, обусловленное свойствами официального годонима; переименование, обусловленное наличием выдающегося, значимого или приметного объекта на территории, (уже) названной официальным годонимом; переименование, обусловленное фонетическим сходством с официальным годонимом; переименование, обусловленное метафорическим переносом; переименование, обусловленное структурно-семантическим упрощением официального годонима и др.

По мнению автора, имена собственные “подвергаются трансонимизации именно в составе метонимии, являясь в дальнейшем субстратом для образования других тропов (например, метафоры или сравнения)” [232, с. 357]. Исследователь выделяет группы по характеру семантической трансформации:

а) обозначение важного политического события (при этом могут использоваться топонимы всех типов – названия города; района, площади, здания);

б) обозначение военных действий путем указания на страну или город;

в) обозначение трагических событий (террористического акта или стихийного бедствия) путем указания на город или внутригородской объект, где они произошли;

г) обозначение спортивных мероприятий, чаще всего Олимпийских игр, путем указания на страну или место их проведения.

В статье также рассмотрены способы аллюзивного словообразования: графиксация, контаминация и др.

В лингвистике сформировалось несколько подходов к изучению трансонимизации. Учёные выделяют трансонимизацию, осложнённую деривацией, и “чистую”. Как показало изучение специальной литературы, исследования в основном посвящены трансонимизации, осложнённой

деривацией. Второму подходу уделяется недостаточно внимания. В рамках “чистой” трансонимизации лингвисты выделяют группы переходов онимов. Например, М. В. Яковенко рассматривает следующие переходы: топоним → антропоним, антропоним → топоним, топоним → наутоним, антропоним → наутоним, агионим → наутоним, наутоним → топоним, хрононим → наутоним, агионим → хрононим, топоним → зооним, антропоним → зооним, топоним → эргоним, антропоним → эргоним, антропоним → анемоним, топоним → анемоним, теоним → астроним, антропоним → астроним, топоним → астроним [Яковенко, М. В. Абсолютная межвидовая трансонимизация]. Н. А. Ярошенко, исследуя логинонимы, пришла к выводу, что данный класс имён собственных образуется следующим образом: “антропоним → логиноним”, “эргоним → логиноним” и “никоним → логиноним” [428, с. 227].

В работе А. Моради «Трансонимизация как один из путей создания эмпоронимов и трапезонимов» рассмотрен переход антропонимов и топонимов в эмпоронимы и трапезонимы. Автор пришёл к выводу, что “трансантропонимизация – продуктивный способ образования наименований предприятий торговли и ресторанного бизнеса”. А. Моради представил группы наименований предприятий и ресторанного бизнеса, образованные от мужских и женских личных имён, иностранных женских и мужских личных имён, русских и иностранных фамилий, фамилий исторических деятелей, художников, писателей, спортсменов и пр. В статье также выявлены группы эмпоронимов и трапезонимов, образованных от географических названий (названий улиц и площадей, региональных топонимов, связанных с Харьковом и Харьковской областью, названий других государств, их столиц, городов, районов, улиц, посёлков, нерегиональных гидронимов, оронимов). [275, с. 93]. В другой своей статье «Трансонимизация в названиях торгового и ресторанного бизнеса г. Харькова» [274, с. 43–50] исследователь

представил эмпоронимы и трапезонимы, образованные от онимов разных разрядов (кроме топонимов и антропонимов).

В работах предпринимались попытки исследования семантической трансонимизации (перехода без изменений одного разряда в другой) и грамматической трансонимизации (перехода, реализуемого при помощи аффиксов или сложения основ). Н. В. Подольская выделила три вида семантической трансонимизации: простую, метафорическую и метонимическую [321, с. 43].

Кроме перечисленных видов трансонимизации Т. П. Романова предлагает изучать символическую трансонимизацию. Автор считает, что символическая номинация занимает ведущее место в образовании рекламных собственных имён [338]. Е. С. Отин отмечал, что трансонимизация “может быть как одноступенчатой, так и многоступенчатой”. “Многоступенчатую” трансонимизацию Е. С. Отин разделил на две группы: “межвидовую трансонимизацию” (*онимообразовательная цепочка может иметь в себе собственные имена различных разрядов*) и “внутривидовую трансонимизацию” (*онимообразовательная цепочка может состоять из онимов, принадлежащих одному виду*) [299, с. 46]. Н. В. Подольская интересующее нас явление разделила на группы: трансантропонимизацию и транстопонимизацию. [322, с. 138].

Обращаясь к проблеме трансонимизации, лингвисты исследуют её и на иноязычном материале. Вслед за Е. С. Отиным, Н. В. Усова в работе «Превращение имени (к вопросу онимогенеза)» подробно рассмотрела трансонимизацию антропонима в немецкой литературе на примере имени Johannes. Она пришла к выводу, что «что рассмотренные явления представляют собой “многоступенчатую” трансонимизацию, как межвидовую, так и внутривидовую. В результате устанавливается онимообразовательная цепочка, итогом которой на определенном этапе становится поэтоним. Можно также утверждать, что в современном

немецкоязычном пространстве это уже не только коннотирующий оним и поэтоним, но и символический поэтоним, ставший таковым в результате исторических семантических преобразований. В то же время продолжается параллельное активное функционирование имени в ономастиконе немецкого языка в качестве мужского антропонима, где форма *Hans* служит уже не только гипокористическим звательным именем, но и альтернативной формой полного официального мужского антропонима» [385, с. 309].

Л. М. Сапожниковой в работе «Номинативные процессы трансонимизации и деонимизации на базе собственных имён» проведён анализ словообразовательных процессов на основе собственных имён, брендов и наименований торговых марок. [343]. Автор анализирует ряд трансонимических процессов современного языка: онимическую конверсию, онимическую деривацию, онимическое словосложение, онимическое наложение, деонимическую конверсию, деонимическую деривацию, деонимическое словосложение, деонимическое наложение.

Е. В. Ковалёва и Ю. В. Ренчинская в работе «Трансонимизация как способ номинации эргонимов» проанализировали англоязычную эргонимную лексику (эргонимы ирландского города Дрохеда). По мнению авторов, “среди исследуемых эргонимов наиболее частотной трансонимизационной моделью является перенос антропонима, как правило владельца (или совладельцев) данного учреждения на объект” [198, с. 152]. Авторами рассмотрены разные модели переносов: 1) переносы имени и фамилии (без указания деятельности предприятия), имени и фамилии с добавлением номенклатурного термина, имени с указанием типа учреждения, фамилии с указанием номенклатурного термина; 2) перенос топонима на объект (перенос гидронима с добавлением номенклатурного термина), перенос ойконима и перенос урбанонима.

Ю. А. Гурской детально изучены отдельные стороны трансонимизации древних этнонимов территории Латвии, обнаруженные в белорусском языке.

Исследуя трансонимизацию этнонимов Латвии, Ю. А. Гурская отметила, что “в основе формирования и развития древней онимии лежит взаимодействие ономастических макроконцептов – антропонимического концепта *человек* и топонимического концепта *пространство*, которое проявляется в многоаспектной трансонимизации разных разрядов древних имен. Древние имена собственные находят продолжение в современных фамилиях, представленных в онимических системах родственных языков” [128, с. 246].

Работа А. С. Рыжовой «Трансонимизация как способ образования логинов пользовательской электронной почты» посвящена способам номинации элементов виртуальной реальности. В результате исследования автором было установлено, что “основным способом образования логинонимов является трансонимизация” [340]. Базой для логинонимов служат антропонимы (фамилия, имя, отчество, прозвище, кличка, псевдоним), эргонимы (название фирмы, предприятия, учреждения), топонимы (названия географических объектов).

Завершая анализ изученных разносторонних исследований и публикаций, мы пришли к выводу, что интересующее нас явление пребывает в непрерывном развитии, привлекает внимание многих лингвистов, но при этом остаётся малоизученным. Лингвоисториографическое же описание проблемы становления исследований о субстантивации различных частей речи в одновременно протекающем процессе онимизации с применением наработок актуалистического метода, по сути, не начиналось. В этом мы видим одно из перспективных направлений дальнейшего изучения трансонимизации и как результата онимогенеза в направлении “апеллятив – онома”, и как предмета интересов историков линвистических и ономастических исследований.

Выводы к 3 главе.

В современном языкознании проблему транспозиции частей речи исследуют учёные разных направлений и школ: в лингвистике известны различные подходы к истолкованию ТЧР и выделению её разновидностей.

В главе отражена история изучения проблемы перехода одних частей речи в другие в современном языкознании (вторая половина XX – начало XXI вв.), дана оценка некоторым дискуссионным утверждениям, сосредоточено внимание на самых известных теориях и концепциях транспозиции частей речи. Затронутые в главе вопросы тесно связаны с учебной программой и могут быть использованы в практике преподавания лингвистических дисциплин в высших учебных заведениях.

Проведенный анализ показал значимый вклад языковедов второй половины XX – начала XXI вв. в исследование проблемы транспозиции частей речи. За это время были накоплены значительные практические результаты, созданы методологические и теоретические основы для дальнейших исследований явления ТЧР. Основные теоретические и практические идеи, выдвинутые языковедами обозначенного периода по явлению транспозиции частей речи, вызывают интерес до настоящего времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации впервые в русской лингвистической историографии рассмотрены теоретические проблемы исследования транспозиции частей речи и трансонимизации в трудах языковедов XIX – начала XXI вв., что обнаруживается в проведенном комплексном лингвоисториографическом исследовании. Осуществлён анализ научных позиций учёных по обозначенной проблеме, обобщено грамматическое наследие российских лингвистов.

Развитие языковой системы обусловлено не только процессами появления новых лексем, но и спецификой перераспределения уже имеющихся в языке лексических единиц, то есть явлениями переходности. Переходные явления присущи всем языкам, и проблемы, вызванные ими, являются актуальными как в общелингвистических исследованиях, так и в исследованиях, посвященных отдельным языкам. Явление транспозиции в лингвистической литературе никогда не истолковывалось однозначно, поэтому оно не теряет своей актуальности, а следовательно, и заинтересованности языковедов.

Проблему транспозиции частей речи пока нельзя считать окончательно решённой. Единого мнения относительно этого языкового явления нет как среди российских, так и среди европейских учёных, хотя никто из них не отрицает наличия частеречных переходных явлений. Исследователи по-разному пытаются решить эти проблемы. Именно поэтому в учении о транспозиции частей речи имеются как бесспорные достижения, так и очевидные недостатки.

В лингвистической литературе встречаются отдельные замечания по обозначенной проблеме, однако они являются поверхностными, потому что

эти исследования имеют практический, а не лингвоисториографический характер. Поэтому комплексное лингвоисториографическое исследование транспозиции частей речи является крайне необходимым, актуальным и перспективным.

В диссертации впервые в русской лингвистической историографии рассмотрены теоретические проблемы исследования транспозиции частей речи и трансонимизации в трудах языковедов XIX – начала XXI вв., что обнаруживается в проведенном комплексном лингвоисториографическом исследовании. Осуществлён анализ научных позиций учёных по обозначенной проблеме, обобщено грамматическое наследие российских лингвистов.

Без учёта явления транспозиции частей речи невозможно решить актуальную и противоречивую лингвистическую проблему – дифференцировать имеющиеся в языке классы слов как части речи. Наряду с научной лингвистической значимостью, процессы транспозиции необходимо учитывать при практическом изучении других языков. Решение теоретических проблем транспозиции частей речи и трансонимизации является важным для развития современной лексикографии.

Лингвистический материал в работе представлен в следующей последовательности:

1. Исследование теоретических вопросов транспозиции частей речи: а) анализ ТЧР как научной проблемы; б) выяснение основных концепций переходности среди частей речи в лингвоисториографическом аспекте; в) характеристика понятийно-терминологической базы исследования; г) репрезентация общеметодологических вопросов, в частности, трактовка понятий научного метода в целом, а также метода и направлений диссертационной работы.

2. Комплексное исследование транспозиции частей речи в научных исследованиях учёных XIX – начала XXI вв. различных направлений и школ:

а) углублённый анализ истоков теории транспозиции частей речи в лингвистике XIX в.; б) комплексное исследование лингвистических исследований первой половины XX в., посвящённых явлениям переходности среди частей речи; в) исследование явления транспозиции в системе частей речи в современном языкознании (вторая половина XX в. – до настоящего времени).

Для диссертационной работы значима констатация наличия т. н. передтранспозиционного этапа развития ТЧР – периода зарождения идей переходности среди частей речи, а также характеристики конкретных случаев частеречной переходности в языкознании XIX (и даже XVIII) – первой половины XX вв. Речь идет о трудах М. В. Ломоносова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Г. П. Павского, А. А. Потебни, Н. В. Крушевского, Ф. И. Буслаева, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова и др. Именно эти работы сделали возможным дальнейшее исследование явления переходности среди частей речи на материале славянских языков: учёные проиллюстрировали случаи частеречной переходности, постулировали новые для грамматики тезисы по отдельным частям речи, их взаимодействию и явлениям переходности в системе частей речи, следовательно, сформулировали идеи, которые оказали влияние на дальнейшее развитие грамматической теории в целом и теории переходности частей речи в частности. В обозначенном периоде подробно описаны конкретные явления транспозиции (без использования термина), проанализирован объёмный иллюстративный материал явлений переходности частей речи, в лингвистический оборот включены термины для обозначения разновидностей транспозиции (А. А. Шахматов) и др. Научные исследования А. С. Беднякова и В. В. Виноградова являются своеобразным итогом развития учения о переходности частей речи и теоретическим обобщением исследований конкретных случаев переходности среди частей речи в работах учёных XIX – первой половины XX вв. В трудах исследователей обобщён и

теоретически осмыслен накопленный в исследованиях предшественников лингвистический материал о явлениях переходности в морфологии, а также обозначены новые направления изучения переходных процессов.

Начали теоретическое изучение транспозиции Ш. Балли, А. Сеше, А. Фрей, С. Карцевский, О. Есперсен, Л. Теньер, Ж. Дюбуа и др. В диссертации проанализированы концепции этих лингвистов по проблеме транспозиции (функциональной транспозиции, трансляции, морфолого-синтаксической трансформации, синтаксической деривации, словообразовательных типов и т. п.) частей речи.

Значимыми являются исследования транспозиции частей речи в работах языковедов второй половины XX – начала XXI вв. Основными особенностями изучения проблемы ТЧР в обозначенный период являются: 1) синтез теоретического и прикладного подходов к анализу транспозиционных проблем; 2) интенсификация исследований конкретных разновидностей транспозиции с применением достижений теоретических исследований, в частности, на материале одного языка или нескольких (в сопоставительном аспекте); 3) расширение проблематики явления транспозиции, в частности, исследования связей между транспозицией и т. н. смежными явлениями, транспозиционного потенциала отдельных частей речи, функций транспозиции как языкового явления, экспрессивных возможностей транспозиции в речи, особенностей переходных явлений на материале художественных произведений и т. д.; 4) формулировка новейших теорий и концеций переходности частей речи; 5) синтез теоретико-прикладного и лингвоисториографического подходов к исследованию явления транспозиции частей речи и тому подобное.

Новые теории и использование значительного фактического материала сделали возможным получение достоверных результатов при исследовании транспозиционных преобразований частей речи на современном этапе развития языкознания.

Проблема переходности языковых явлений перерастает рамки чисто лингвистической проблемы и, развиваясь во времени и ментальном пространстве, приобретает философские, логические, науковедческие черты. Теория переходности находит применение в разработке речевых стратегий и речевых жанров, в исследовании стилистики текста, лингводидактике, лексикографии, в области прикладной лингвистики и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурахманова, Ф. К. Функциональная транспозиция и омонимия в современном русском языке : автореф. дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Ф. К. Абдурахманова. – Тверь, 1992. – 21 с.
2. Адмони, В. Г. Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании [Текст] / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 37–48.
3. Аксаков, К. С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева [Текст] / К. С. Аксаков. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 224 с.
4. Алиева, В. Н. Понятия взаимодействия, перехода и переходности в современной лингвистике [Текст] / В. Н. Алиева // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 54. – С. 11–13.
5. Алиева, В. Н. Семантика и особенности функционирования отыменных предлогов в русском языке : дисс. … кандидата филол. наук : 10.02.02 [Текст] / А. В. Николаевна. – Симферополь, 1998. – 180 с.
6. Алистанова, Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Махачкала. 2011. [Электронный ресурс]. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://www.dslib.net/russkijjazyk/jergonimy-sovremennogo-russkogojazyka-kak-mikrosistema.html
7. Амирова, Т. А. Очерки по истории лингвистики [Текст] / Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. – М., 1975. – 560 с.
8. Апресян, Ю. Д. «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики [Текст] / Пешковский А. М. Предисл.

Ю. Д. Апресян // – 8-е изд., доп. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – XXXIII, 510 с. – (Классики отечественной филологии).

9. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие [Текст] / И. В. Арнольд. – М. : Высшая школа, 1991. – 140 с.
10. Арнольд, И. В. Эквивалентность как лингвистическое понятие [Текст] / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 1. – С. 11–18.
11. Арутюнова, Н. Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2. – С. 68–79.
12. Астафьева, И. А. Способы номинаций в речевой ситуации города : автореф. дис. … канд. филол. наук [Текст] / И. А. Астафьева – Москва, 1996. – 19 с.
13. Аухадиева, Ф. С. К понятию транспозиции в языкознании [Текст] / Фания Сабировна Аухадиева // Профессионально-значимые качества и успешность деятельности будущего специалиста : материалы и тезисы 2-ой регион. науч.-практ. конф., 3 марта 2007 г. / Удмурт. гос. ун-т, фак. проф. иностр. яз.; [науч. ред. – Трофимова Г. С.]. – Ижевск ; Воткинск : Удмурт. гос. ун-т, 2007. – С. 126–130.
14. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Сов.энциклопедия, 1966. – 608 с.
15. Бабайцева, В. В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка [Текст] / В. В. Бабайцева // Русский язык в школе. – 1971. – № 3. – С. 81–84.
16. Бабайцева, В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка [Текст] / В. В. Бабайцева // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 35–42.
17. Бабайцева, В. В. Классификация частей речи с учетом существования гибридных слов [Текст] / В. В. Бабайцева // Филологические науки.

Вопросы синтаксиса русского языка. – Тамбов : Изд-воТамбов.ун-та, 1973. – С. 102–112.

18. Бабайцева В. В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) [Текст] / В. В. Бабайцева // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. трудов. – М. : Прометей, 1991. – С. 3–14.
19. Бабайцева, В. В. Переходные конструкции в синтаксисе (конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных предложений) [Текст] / В. В. Бабайцева. – Воронеж, 1967. – 392 с.
20. Бабайцева, В. В. Понятие о функциональных омонимах / В. В. Бабайцева // Русская словесность. – 2003. – № 6. – С. 34–39.
21. Бабайцева, В. В. Семантико-грамматическое значение гибридных слов в современном русском языке [Текст] / В. В. Бабайцева // Слово и предложение. – Тамбов, 1971. – С. 108–110.
22. Бабайцева, В. В. Синкретизм [Текст] / В. В. Бабайцева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 446.
23. Бабайцева, В. В. Явления переходности в грамматике русского языка [Текст] / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
24. Бабайцева, В. В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка [Текст] / В. В. Бабайцева // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1967. – № 3. – С. 18–33.
25. Бабайцева, В. В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения [Текст] / В. В. Бабайцева // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка : межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1988. – С. 3–13.
26. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка ; пер. с франц. [Текст] / Ш.Балли. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.

27. Бардина, Т. К. Проблема лексико-грамматической переходности частей речи в современном русском языке : дисс. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Т. К. Бардина. – Волгоград, 2003. – 194 с.
28. Барзилович, А. М. Субстантивация прилагательных в русском языке : автореф. дисс. на соискание учён. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / А. М. Барзилович. – Киев, 1952. – 15 с.
29. Бархударов, Л. С. Грамматика английского языка [Текст] / Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг. – М. : Высшая школа, 1973. – 423 с.
30. Баудер, А. Я. К лингвистической интерпретации явлений переходности в грамматическом строе русского языка [Текст] / А. Я. Баудер // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1980. – № 5. – С. 79–83.
31. Баудер, А. Я. Лексико-семантический аспект явлений переходности в системе частей речи [Текст] / А. Я. Баудер // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. трудов. – М. : Прометей, 1991. – С. 22–31.
32. Баудер, А. Я. Словообразовательный аспект явлений переходности в системе частей речи [Текст] / А. Я. Баудер // Научные труды Курского пединститута. – Курск, 1977. – Т. 175. – С. 122–123.
33. Баудер, А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке [Текст] / А. Я. Баудер. – Таллинн : Валгус, 1982. – 184 с.
34. Баудер, А. Я. Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка и смежные явления [Текст] / А. Я. Баудер // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка : межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1988. – С. 13–19.

35. Бедняков, А. С. Переход причастий в прилагательные [Текст] / А. С. Бедняков // Русский язык в школе. – 1947. – № 2. – С. 11–17.
36. Бедняков, А. С. Явления переходности грамматических категорий в современном русском языке [Текст] / А. С. Бедняков // Русский язык в школе. – 1941. – № 3. – С. 28–31.
37. Безлепкин, Н. И. Философия языка в России : к истории русской лингвофилософии [Текст] / Н. И. Безлепкин. – СПб. : «Искусство-СПБ», 2002. – 272 с. – (Электронная книга).
38. Белик, А.А. Культурология. Антропологические теории культур. - М.: РГГУ, 1999. - 241 с.
39. Белов А.И. Грамматическая система акад. А.А. Шахматова. -Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института, т.Ш, вып. 2. М., 1956. – 189 с.
40. Белов А. И. А. М. Пешковский как лингвист и методист [Текст] / А. И. Белов. – М. : Гос. учебно-педагог. изд-во, 1958. – 233 с.
41. Белый, В. В. К вопросу о конверсии [Текст] / В. В. Белый // Ученые записки Мордовского ун-та. – Саранск, 1962. – Вып. 20. – С. 94–112.
42. Бережков, С. Г. К вопросу о переходе причастий в прилагательные [Текст] / С. Г. Бережков // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – Л., 1939. – Т. 20. – С. 69–84.
43. Березин, Ф. М. История лингвистических учений [Текст] / Ф. М. Березин. – М. : Высшая школа, 1975. – 304 с.
44. Березин, Ф. М. История русского языкознания [Текст] / Ф. М. Березин. – М. : Высшая школа, 1979. – 223 с.
45. Бернштейн, С. Б. А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка [Текст] / С. Б. Бернштейн // Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. – М. : Гос. учебно-педагог. изд-во наркомпроса РСФСР, 1941. – С. 3–55.

46. Бернштейн, С. Б. Грамматическая система А. М. Пешковского [Текст] / С. Б. Бернштейн / / Русский язык в школе. – 1939. – № 2. – С. 95–102.

47. Бернштейн, С. Б. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского :вступительная статья к книге [Текст] / С. Б. Бернштейн // Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 6-е изд. – М. : Учпедгиз, 1938. – С. 4–19.

48. Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков [Текст] / Самуил Борисович Бернштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 350 с.

49. Беспалова, А. В. Принципы и способы номинации в английской эргонимии (на материале названий фирм и компаний) [Текст] / А. В. Беспалова // Номинация в ономастике. – Свердловск, 1991. – С. 158–166.

50. Беседина Н. А. Морфологические категории в аспекте концептуализации мира // Res philologica: Ученые записки. – Вып. 4. - Архангельск: Поморский университет, 2004. - С. 79-85.

51. Блажев, Б. И. Случаи транспонирования форм одушевленности у некоторых определительных местоимений и числительных в русском языке [Текст] / Б. И. Блажев // Русский язык в школе. – 1962. – № 3. – С. 29–34.

52. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка [Текст] / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 2000. – 381 с.

53. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения [Текст] / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.

54. Богданов, С. И. Переходность в системе частей речи. Субстантивация : учеб.пособие [Текст] / С. И. Богданов, Ю. Б. Смирнов. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2004. – 58 с.

55. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики. – 5-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В. А. Богородицкий. – М. – Л. : Гос. соц. экон. изд-во, 1935. – 354 с.

56. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : АН СССР, 1963. – Т. 1. – 385 с.

57. Большова, Ю. В. К вопросу о прономинализации в современном русском языке [Текст] / Большова Ю. В. // Вопросы русского языкознания. – Львов : Львов.ун-т, 1960. – Кн. 4. – С. 18–25.

58. Бондарко, А. В. К вопросу о “транспозиции” (употребление прошедшего времени глагола в современном русском языке для обозначения абстрактного настоящего) [Текст] / А. В. Бондарко // Уч. записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Вопросы языкознания. – Т. 248. – Л. : ЛГПИ, 1963. – С. 51–60.

59. Бондарь, Н. А. Переходные явления в области частей речи : метод.рекомендации к спецсеминару [Текст] / Н. А. Бондарь. – Нежин : Нежинский гос. пед. ун-т им. Н. Гоголя, 2001. – 26 с.

60. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст. - Л., 1971. – 167 с.

61. Бортэ, Л. В. Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке [Текст] / Л. В. Бортэ. – Кишинёв : Штиинца, 1977. – 108 с.

62. Бортэ, Л. В. Проявление связей между частями речи в современном русском языке [Текст] / Л. В. Бортэ. – Кишинёв : Штиинца, 1979. – 120 с.

63. Буглак С.И. О разграничении модальных слов и частиц // РЯШ, 1985.- №4. - С. 100-104.

64. Будагов, Р. А. Система языка в связи с разграничением его истории и современного состояния [Текст] / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1958. – № 4. – С. 37–50.

65. Будилович, А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности [Текст] / А. С. Будилович. – СПб. : Печатня В. Головина, 1869. – [2], VIII, 120, 72 с.

66. Букчина, Б. В. Слово на вывеске [Текст] / Б. В. Букчина, Г. А. Золотова // Русская речь. – 1968. – № 3. – С. 49–56.

67. Буланин, Л. Л. Трудные вопросы морфологии : пособие для учителей [Текст] / Л. Л. Буланин. – М. : Просвещение, 1976. – 208 с.

68. Бунина, М. С. Явление переходности в области частей речи [Текст] / М. С. Бунина // Современный русский язык : сб. трудов. – М., 1976. – С. 47–76.

69. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.

70. Валгина, Н. С. Современный русский язык : учеб.для филол. спец. вузов [Текст] / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. – М. : Высшая школа, 1987. – 480 с.

71. Валимова, Г. В. Переходность как результат функционирования языковой системы [Текст] / Г. В. Валимова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1983. – 303 с.

72. Ван Лиган. Синтаксические построения со словом зато и вопрос о его значении. Автореферат дисс. канд. филол. наук. - Иваново, 1994. - 19с.

73. Ващенко, В. С. Явища переходу в системі частин мови [Текст] / В. С. Ващенко // Українська мова в школі. – 1953. – № 6. – С. 14–22.

74. Вернадский, В. И. /Сост. И. Г. Бебих, С. Н. Жидовинов, Г. И. Матъева, Ф. Т. Яншина; Материалы к биобиблиографии ученых. Авт. вступ. ст. А. Л. Яншин, Ф. Т. Яншина.— М.: Наука, 1992.—232 с.

75. Вернадский, В. И. Избранные труды по истории науки [Текст] / Владимир Иванович Вернадский. – М. : Наука, 1981. – 359 с.
76. Виноградов, В. В. История русских лингвистических учений [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1978. – 367 с.
77. Виноградов, В. В. Об омонимии и смежных явлениях [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 3–17.
78. Виноградов, В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Русский язык в школе. – 1940. – № 1. – С. 1–12.
79. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Русский язык, 1972. – 614 с.
80. Виноградов, В. В. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М. : Учпедгиз, 1950. – С. 75–126.
81. Виноградов, В. В. Современный русский язык [Текст] / В. В. Виноградов. – М., 1938. – Ч. 1. – 160 с.
82. Виноградов, В. В. Учение академика А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 420–440.
83. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 267 с.
84. Винокур, Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. – 452 с.
85. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
86. Винокур, Г. О. О возможности всеобщей грамматики // Вопросы языкознания. 1988, № 4. – С. 70 — 90.

87. Винокур, Г. О. Форма слова и части речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку.— М.:Учпедгиз, 1959.— 492 с.

88. Войлова, К. А., Гольцова, Н. Г. Справочник-практикум по русскому языку. М.: Просвещение, 1996. – 304 с.

89. Волков, А. В. О человеческом измерении научного познания / А.В. Волков // Эпистемология и философия науки. – М.: РАН, 2009. – Т. 20, № 2. – С. 157–170.

90. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф. дисс. д. филол. н. М., 1998. – 29 с.

91. Волошин, Ю.К. Аксиология и фразеология / Ю.К. Волошин // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. – Ставрополь: СГУ, 2009. – Кн. 1. – С. 55–60.

92. Волошина, Е. Б. Конверсионные модели самостоятельных частей речи [Текст] / Е. Б. Волошина // Язык и межкультурная коммуникация: сб. статей I Международной конференции. – Астрахань, 2007. – С. 18–19.

93. Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. [Текст]. – Л. : Наука, 1968. – 343 с.

94. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная [Текст] / А. Х. Востоков. – СПб., 1831. – 496 с.

95. Высоцкая, И. В. [Рецензия] [Текст] / И. В. Высоцкая // Бабайцева В. В. Избранное. 1955–2005 : сб. науч. и науч.-метод. статей / под ред. проф. К. Э. Штайн. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 500–502. – Рец. на кн. : Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.

96. Высоцкая, И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка : дисс. … доктора.филол. наук : 10.02.01 / Ирина Всеволодовна Высоцкая. – М., 2006. – 452 с.

97. Высоцкая И. В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности [Текст] / И. В. Высоцкая. – Новосибирск : НГПУ, 2009. – 192 с.

98. Гаджиева, Н. З., Иванчикова, Е. А. Дискуссия о частях речи // Вопросы языкознания. — 1955. — №1. — С. 163 – 165.

99. Газизова, Р.Ф. Синтактика частей речи. Уфа: Изд-во Уфим. пед.ин-та, 1984. – 85 с.

100. Гайнутдинова, А. Ф. Субстантивные прилагательные в татарском и русском языках : сопоставительное исследование : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (татарский язык)», 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / А. Ф. Гайнутдинова. – Казань, 2002. – 19 с.

101. Гайнутдинова, А. Ф. Частеречная транспозиция (субстантивация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком : автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора филол. наук : спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (татарский язык)», 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / А. Ф. Гайнутдинова. – Казань, 2011. – 40 с.

102. Гайсина, Р. М. Диалектика межкатегориального перехода понятия [Текст] / Р. М. Гайсина // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. трудов. – М. : Прометей, 1991. – С. 31–37.

103. Гайсина, Р. М. Межкатегориальный переход понятия и обогащение лексики : учеб.пособие [Текст] / Р. М. Гайсина. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1985. – 80 с.

104. Гак, В. Г. Л. Теньер и его структурный синтаксис [Текст] / В. Г. Гак // Основы структурного синтаксиса ; пер. с франц. / Люсьен Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – С. 5–20.

105. Гак, В. Г. Транспозиция [Текст] / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов.энциклопедия, 1990. – С. 519.

106. Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

107. Гапеев, В. В. О конверсии в современном английском языке [Текст] / В. В. Гапеев // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1975. – Вып. IV. – С. 108–113.

108. Гарипова, Н. Д. Смысловая структура отадъективных наречий в ее отношении к смысловой структуре базовых прилагательных // Исследования по семантике. Межвузовский науч. сб. Вып. I. Уфа, 1975. – С. 173 – 176.

109. Глинкина, Л. А. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка Текст. / Л. А. Глинкина, А. П. Чередниченко. – М. : Флинта. Наука, 2005. - 208 с.

110. Глущенко, В. А. Лінгвістичний метод і його структура / В. А. Глущенко // Мовознавство. – 2010. – № 6. – С. 32–44.

111. Глущенко, В. А. Лінгвістичний метод як складне структурне утворення / В. А. Глущенко // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : научно-метод. сб. / отв. ред. В. А. Глущенко. – Славянск : СГПУ, 2010. – Вып. XX. – С. 3–12.

112. Глущенко, В. А. порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст. – 20-і рр. XX ст.) [Текст] / В. А. Глущенко / НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні / відп. ред. О. Б. Ткаченко. – Донецьк, 1998. – 222 с.

113. Глущенко, В. А. Принципы и подходы к структуре лингвистического метода [Текст] / В. А. Глущенко // Теоретические и

прикладные проблемы русской филологии : научно-метод. сб. / отв. ред. В. А. Глущенко. – Славянск : СГПУ, 2012. – Вып. XXII. – С. 9–13.

114. Голикова, Т. А. Официальные vs. неофициальные годонимы Москвы: модели трансонимизации [Текст] / Т. А. Голикова // Научный диалог. – 2014. – № 9 (33) : Филология. Педагогика. – С. 24–36.

115. Головин, Б. Н. О некоторых проблемах изучения терминов Текст. / Б. Н. Головин // Вестник МГУ. Серия 10. Филология. 1972, №5. - С. 49-60.

116. Голубева, Н. П. Изменение лексико-грамматических признаков прилагательных, связанных с субстантивацией (к вопросу об изменчивых и постоянных признаках трансформированных грамматических категорий) : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Н. П. Голубева. – Киев, 1963. – 19 с.

117. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 [Текст] [Текст] / М. В. Горбаневский. – институт русского языка имени А. С. Пушкина. – М, 1994. – 39. с.

118. Городецкий, Б. Ю. Термин и его лингвистические свойства Текст. / Б. Ю. Городецкий // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 3. ЛГУ, 1987. - С. 54-62.

119. Горнфельд, А. Новые словечки и старые слова. М.: Колос. - 1922.

120. Грамматика русского языка. [Текст] – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1. – 720 с.

121. Грамматика русского языка. [Текст] – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1. Фонетика и морфология. – 720 с.

122. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
123. Гребенева, Ю. Н. Транспозиция и омонимия [Текст] / Ю. Н. Гребенева. – Ливны : Издатель Мухаметов Г. В., 2012. – 396 с.
124. Греч, Н. И. Практическая русская грамматика [Текст] / Н. И. Греч. – СПб. : Император.типогр. СПб.восп. дома, 1827. – 588 с.
125. Гринберг, Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся значимых элементов // Новое в лингвистике. М., 1970. – 176 с.
126. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
127. Гуревич, В. В. О семантике глагола и существительного // Язык. Теория, история, типология. М.: УРСС, 2000. – 147 с.
128. Гурская, Ю. А. Процессы трансонимизации в балтийских и славянских языках (на материале этонимов латыш, лотвин, латгалец) [Текст] / Ю. А. Гурская // Studia wschodniosowiaskie – tom 12, rok 2012. – p. 237–246.
129. Дагуров, Г. В. Переход слов и словосочетаний в междометия [Текст] / Г. В. Дагуров // Лингвистический сборник. № 3. Ученые записки Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького. – Свердловск, 1969. – № 87, серия филологическая, вып. 12. – С. 134–141.
130. Дагуров, Ф. В. Особенности употребления местоимений в речи // Русский язык в школе. 1958. № 6. - С. 49-57.
131. Державин, Н. С. М. В. Ломоносов как филолог [Текст] / Н. С. Державин // Славянская филология: статьи и монографии / под ред. С. Б. Бернштейна. – М., 1951. – С. 9–16.
132. Добрушина, Н.Р. Принципы и методы системного лексикографического описания междометий: дис. … канд. филол. наук М., 1995. – 225 с.

133. Добрушина, Н.Р. Семантика междометий в реактивных репликах // Вестник МГУ. Серия 9. Филология, 1998. № 2. - С. 136 –144.

134. Добродомов, И. Г. Н. И. Греч–грамматист [Текст] / И. Г. Добродомов // Русская речь. – 1987. – № 6. – С. 58–62.

135. Довга, Т. М. Частини мови та перехідність у системі частин мови [Текст] / Т. М. Довга // Тези доповідей до наук. конф. молодих учених Ужгорода. – Ужгород, 1960. – С. 67–73.

136. Долгова, Т.В. Влияние языковой глобализации XX—XXI веков на формирование русской терминологии дизайна одежды и моды // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XII междунар. науч.-практ. конф. № 11(42). Новосибирск: СибАК, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sibac.info/conf/philolog/xlii/39921 (дата обращения 15.03. 2017).

137. Долганова, А. Ю. Процессы трансонимизации в эргонии (на материале названий магазинов Ижевска) [Текст] / А. Ю. Долганова // Вестник удмуртского университета. – Филологические наук. – 2006. – № 5 (2). – С. 25–30.

138. Дрожащих, Н. В. Взаимодействие языковых категорий [Электронный ресурс] [Текст] / Н. В. Дрожащих. – Режим доступа : http: // www.tsu.tmn.ru/frgf/ journal/htm.

139. Дьякова, Н. С. Новые топонимы на карте Вологды [Текст] / Н. С. Дьякова // Вестник, 2016. – С. 70–73.

140. Дьячук, И. В. Проблема транспозиции на уровне частей речи [Текст] / И. В. Дьячук // Развитие частей речи в истории русского языка : межвуз. сб. науч. трудов. – Рига : Изд-во ЛатвГУ, 1988. – С. 42–47.

141. Евтюхин, В. Б. «Российская Грамматика» М. В. Ломоносова [Электронный ресурс] [Текст] / В. Б. Евтюхин // Режим доступа :http: //www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/add02.htm

142. Ершова, Н. И. Субстантивная транспозиция прилагательных в русских говорах на территории Мордовии : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. И. Ершова. – Саранск, 2005. – 234 с.

143. Есперсен, О. Философия грамматики [Текст] / Отто Есперсен. – М. : Изд-во иностранной лит-ры, 1958. – 404 с.

144. Есперсен, О. Философия грамматики. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2002. - 404 с.

145. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. Текст. / Т. Ф. Ефремова. — М. : Русский язык, 1996. - 638 с.

146. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов.– 5-е изд., испр. и дополн. [Текст] / Т. В. Жеребило. – Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. – 486 с.

147. Жирмунский, В. М. Общее и германское языкознание / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1976. – 695 с.

148. Жирмунский, В. М. О природе частей речи и их классификации [Текст] / В. М. Жирмунский // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. – Л. : Наука, 1968. – С. 7–32.

149. Жлуктенко, Ю. А. Конверсия в современном английском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования [Текст] / Ю. А. Жлуктенко // Вопросы языкознания. – 1958. – № 5. – С. 53–65.

150. Жуков, А. В. Фразеологическая переходность в русском языке [Текст] / А. В. Жуков. – Л. : Педагогический ин-т, 1984. – 92 с.

151. Завадский, К. М. Эволюция эволюции [Текст] / К. М. Завадский, Э. И. Колчинский. – Л. : Наука, 1977. – 236 с.

152. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 248 с.

153. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. - М.: Изд-во Московского университета, 1976. — 308 с.

154. Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике. – М.: МГУ, 1996. – 336 с.
155. Зализняк, А. А. Русское именное словоизменение. М., 1964. – 128 с.
156. Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967. – 128 с.
157. Засорина, Л. Н., Шашенкова, Л. В. Много ли грамматических омонимов в русском языке? // Вопросы метаязыка. — Л., 1973. – 96 с.
158. Загоруйко, А. Я. Конверсия – морфолого-синтаксический способ словообразования (на материале современного английского языка) : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / А. Я. Загоруйко. – М., 1961. – 27 с.
159. Зданевич, И. К. К вопросу о переходе одних частей речи в другие [Текст] / И. К. Зданевич // Ученые записки Горьковского пед. ин-та : серия филол. наук. – Горький, 1971. – Вып. 128. – С. 49–58.
160. Звегинцев, В. А. Очерки по общему языкознанию [Текст] / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 382 с.
161. Зеленько, А. С. До питання про предмет загального мовознавства [Текст] / А. С. Зеленько // Актуальні проблеми іноземної філології: лінгвістика та літературознавство : міжвуз. зб. наук.статей / відп. ред. В. А. Зарва. – Бердянськ : БДПУ, 2010. – Вип. V, ч. 1. – С. 5–13.
162. Зеленько, А. С. Методи й аспекти дослідження мови [Текст] / А. С. Зеленько // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. – 1999. –№ 5.– С. 7–14.
163. Земскова, С. В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области Российской Федерации: автореф. дис. … канд. филол. наук / Земскова С. В. – Москва, 1996. – 20 с.
164. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование [Текст] / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.

165. Зиндер, Л. Р. Л. В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог [Текст] / Л. Р. Зиндер, Ю. С. Маслов. – Л. : Наука, 1982. – 104 с.

166. Зиндер, Л. Р. Л. В. Щерба. Основные вехи его жизни и научного творчества [Текст] / Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 5–23.

167. Зубарев, Г. П. Метонимические отношения в лексике современного немецкого языка [Текст] / АКД. – М. : МГПИ им. Ленина, 1978. – 16 с.

168. Иванова, В. Ф. Переход причастий в прилагательные (на материале страдательных причастий настоящего времени) [Текст] / В. Ф. Иванова // Уч. записки ЛГУ. Серия: филол. науки. – Л., 1962. – № 302, вып. 61. – С. 3–26.

169. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка [Текст] / И. П. Иванова. – М. : Высшая школа, 1981. – 285 с.

170. Ильенко, С. Г. Явления грамматической переходности и их отражение при обучении русскому языку (на примере субстантивации имен прилагательных) [Текст] / С. Г. Ильенко // Семантика переходности : сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. – С. 23–30.

171. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка [Текст] / Б. А. Ильиш. – М. : Просвещение, 1971. – 366 с.

172. Истрина, Е. С. Работа А. А. Шахматова над синтаксисом [Текст] / Е. С. Истрина // Шахматов А. А. Учение о частях речи. – М. : КомКнига, 2006. – С. 3–11.

173. Калакуцкая, Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке [Текст] / Л. П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1971. – 227 с.

174. Каламова Н. А. К вопросу о переходности одних частей речи в другие [Текст] / Н. А. Каламова // Русский язык в школе. – 1961. – № 5. – С. 56–59.

175. Калечиц, Е. П. Взаимодействие слов в системе частей речи: межкатегориальные связи [Текст] / Е. П. Калечиц. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 160 с.

176. Калечиц, Е. П. О переходности в области частей речи в русском языке [Текст] / Е. П. Калечиц // Вопросы современного русского литературного языка и методики преподавания его в школе : материалы II научно-методической конференции кафедр русского языка педвузов Уральской зоны. – Свердловск, 1961. – С. 7–21.

177. Калечиц, Е. П. О составе явлений, рассматриваемых как переходные в области частей речи [Текст] / Е. П. Калечиц // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. трудов. – М. : Прометей, 1991. – С. 38–43.

178. Калечиц, Е. П. Переходные явления в области частей речи : учеб.пособие по спецкурсу [Текст] / Е. П. Калечиц. – Свердловск : Уральский государственный университет, 1977. – 78 с.

179. Калинкин, В. М. От литературной ономастики к поэтонимологии [Текст] / В. М. Калинкин // Λογος όνομαστική (Научый журнал). – 2006. – № 1. – С. 81–89.

180. Камчатнов, А. М. История русского литературного языка: XI –первая половина XIX века [Текст] / А. М. Камчатнов. – М. : Издательский центр «Академия, 2005. – 681 с.

181. Карапетян, М. В. Лекции по теоретической грамматике английского языка [Текст] / М. В. Карапетян. – Владимир, 2008. – 149 с.

182. Каращук, П. М. Некоторые теоретические замечания о субстантивации прилагательных и причастий как способе словообразования [Текст] / П. М. Каращук // Системный анализ научного текста. – Владивосток, 1984. – С. 56–67.

183. Карпенко, Ю. О. Онімізація і трансонімізація як словотвірний акт [Текст] / Ю. О. Карпенко // Шоста республіканська ономастична

конференція. Тези доповідей і повідомлень (1). – Одеса : ОДУ, 1990. – С. 35–37.

184. Карпенко, Ю. О. Ще раз про критерії виділення частин мови [Текст] / Ю. О. Карпенко // Мовознавство. – 2001. – № 3. – С. 76–80.

185. Карпова, Т. Б. Самовыражение личности в Интернете: лингвистический аспект [Текст] / Т. Б. Карпова // Труды и материалы III Международного конгресса исследователей русского языка. – М., 2007. – С.384–385.

186. Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С. О. Карцевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд. – М., 1965. – Ч. 2. – С. 85–93.

187. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992. - 335 с.

188. Кизюкевич, А. А. Структурно-семантические и ономасиологические аспекты транспозиции как особого способа наименования явлений действительности : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / А. А. Кизюкевич. – М., 1989. – 19 с.

189. Ким, О. М. К проблеме транспозиции на уровне частей речи (на материале русского языка) [Текст] / О. М. Ким // Научные труды Ташкентского гос. ун-та. – Ташкент, 1974. – Вып. 466. – С. 18–29.

190. Ким, О. М. Лексико-морфологические особенности транспозиции на уровне частей речи [Текст] / О. М. Ким // Науч. труды Ташкент. гос. ун-та. – Ташкент, 1979. – Вып. 580. № 549. – С. 61–67.

191. Ким, О. М. Типы транспозиции на уровне морфологических категорий [Текст] / О. М. Ким // Структура и функционирование единиц русского языка : сб. науч. трудов. – Ташкент, 1986. – С. 5–9.

192. Ким, О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке [Текст] / О. М. Ким. – Ташкент : Фан, 1978. – 227 с.

193. Кирсанова, И. П. Категориальное значение субстантивированных прилагательных и причастий : на материале прозаических произведений русских писателей XIX – XX вв. : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / И. П. Кирсанова. – Челябинск, 2006. – 20 с.

194. Кіцила, Л. Деякі теоретичні проблеми дослідження омонімії в слов'янському мовознавстві [Текст] / Л. Кіцила // Проблеми слов'янознавства. – 2000. – Вип. 51. – С. 159–166.

195. Климов, Г. А. Основы лингвистической компаративистики / Георгий Андреевич Климов [Текст] / отв. ред. Н. З. Гаджиева. – М. : Наука, 1990. – 168 с.

196. Клобуков, Е. В. Русский синтаксис в освещении А. М. Пешковского (о непреходящей актуальности грамматической классики) [Текст] / Е. В. Клобуков // Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 9-е изд., доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2009. – С. 3–23.

197. Князев, Ю. П. О статье Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке» [Электронный ресурс] / Ю. П. Князев // Архив Петербургской русистики. – 2001. –
Режим доступа :http:www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/comm 1 .htm.

198. Ковалёва, Е. В. , Ренчинская, Ю. В. Трансонимизация как способ номинации эргонимов [Текст] / Е. В. Ковалёва, Ю. В. Ренчинская // С. 151–153.

199. Кодухов, В. И. Александр Матвеевич Пешковский [Текст] / В. И. Кодухов // Русский язык в школе. – 1978. – № 5. – С. 100–103.

200. Кодухов, В. И. Общее языкознание [Текст] / В. И. Кодухов. – М. : Высшая школа, 1974. – 303 с.

201. Кодухов, В. И. Семантическая переходность как лингвистическое понятие [Текст] / В. И. Кодухов // Семантика переходности : сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. – С. 5–16.

202. Козлов, Р. И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: автореф. дис. … канд. филол. наук / Козлов Р. И. – Екатеринбург, 2000. – 24 с.

203. Козлова, Л. А. О различных подходах к проблеме взаимодействия классов слов [Текст] / Л. А. Козлова. – Пятигорск, 1974. – 200 с.

204. Кокорина, Н. А. и Чэнь Чженхань «Лексико-семантическая онимизация эргонимов» (на примере названий заведений общественного питания города Екатеринбурга) [Текст] / Н. А. Кокорина, Чэнь Чженхань // Материалы ежегодной конференции 1-2 июня 2015г. – город – С. 52–57.

205. Колесов, В. В. Л. В. Щерба : кн. для учащихся [Текст] / В. В. Колесов. – М. : Просвещение, 1987. – 82 с. (или: 160 с.).

206. Корепанова, А. П. Принцип номінації в структурно-лінгвістичному аспекті [Текст] / А. П. Корепанова // Мовознавство. – 1997. – № 6. – С. 54–56.

207. Корлэтяну, Н. Г. Конверсия в современном молдавском языке [Текст] / Николай Григорьевич Корлэтяну // Вопросы языкознания. – 1956. – № 3. – С. 84–93.

208. Костюшкина, Г. М. Современные направления во французской лингвистике : учеб.пособие. – 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / Г. М. Костюшкина. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. – 332 с.

209. Котова, М. Д. Переходные явления в области словообразования (на материале сложных и составных слов) [Текст] / М. Д. Котова // Языковая деятельность : переходность и синкретизм. – Москва – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. – С. 66–69.

210. Кочерган, М. П. Загальне мовознавство : підручник для студентів філол. спеціальностей вищих закладів освіти [Текст] / М. П. Кочерган. – К. : Видавничий центр «Академія», 1999. – 288 с.

211. Кретов, А. А. Актуалистический метод как способ исторического исслдования языка [Текст] / А. А. Кретов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Лексика и грамматика в сопоставительном аспекте : межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1986. – С. 83–89.

212. Кривоносов, А. Т. Система «взаимопроницаемости» неизменяемых классов слов (на материале немецкого языка) [Текст] / А. Т. Кривоносов // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 93–103.

213. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке [Текст] / Н. В. Крушевский. – Казань : Типография Императорского Университета, 1883. – 149 с.

214. Крылова, И. П. Грамматика современного английского язика [Текст] / И. П. Крылова, Е. М. Гордон. – М. : Университет, 2005. – 448 с.

215. Кубрякова, Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64–76.

216. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 117 с.

217. Кузнецов, В. Г. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму. – 2-е изд. [Текст] / В. Г. Кузнецов. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 184 с.

218. Кузнецов, В. Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы [Текст] / В. Г. Кузнецов. – М. : Знак, 2010. – 368 с.

219. Кузнецов, В. Г. Теория транспозиции Женевской школы [Текст] / В. Г. Кузнецов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М. :Моск. гос. лингв. ун-т, 2009. – Вып. 566. – С. 99–107.

220. Кузнецов, В. Я. Переход в кругу частей речи в русском языке : учеб.пособие [Текст] / В. Я. Кузнецов. – Калинин : Изд-во Калин.гос. ун-та, 1983. – 89 с.

221. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: Диссертация … к. филол. н. – Астрахань. 2014. [Электронный ресурс]. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://vspu.ru/sites/default/files/disfiles/dissertations/dissertaciya_kurbanovoy_m.g..pdf

222. Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи; пер. с англ. [Текст] / Е. Курилович // Очерки по лингвистике : сб. статей. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 57–70.

223. Кучеренко, І. К. Теоретичні питання граматики української мови : морфологія – 2-ге вид., уточн. і доп. [Текст] / І. К. Кучеренко.– Вінниця : «Поділля – 2000», 2003. – 464 с.

224. Кушлик, О. П. Комплексне визначення частиномовного статусу «перехідних» одиниць [Текст] / О. П. Кушлик // Мовознавство. – 1997. – № 4–5. – С. 45–49.

225. Кушлик, О. П. Омонімія незмінних класів слів : автореф. дис. на здобуття наук.ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» [Текст] / О. П. Кушлик. – Львів, 2000. – 20 с.

226. Кушнина, Л. В. Исследование транспозиции в деривационном аспекте (на материале современной прессы) : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Л. В. Кушнина. – Саратов, 1988. – 16 с.

227. Кушнина, Л. В. Транспозиция как речевой прием [Текст] / Л. В. Кушнина // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование : сб. науч. трудов. – М., 1989. – С. 120–125.

228. Кушнина, Л. В., Мурзин Л.Н. Место транспозиции в системе деривационных процессов // Исследования по семантике: Мевуз. сб. научн. тр. Уфа, 1988.- С. 67-74.

229. Кушнина, Л. В. К вопросу о транспонировании текста при переводе // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: Матер. Всероссийской научн. конф. М., Пенза: Институт психологии и Институт языкознания РАН, 2001. - С. 168-169.

230. Кушнина, Л.В.Смысловое поле текста: динамика образа в процессе транспонирования // Ученые записки гуманитарного факультета ПГТУ. - Пермь: ПГТУ, 2002. Вып. 5. - С. 157-162.

231. Ларин, Б. А. Значение работ академика Л. В. Щербы в русском языкознании [Текст] / Борис Александрович Ларин // Диалектологический сборник / ред. А. С. Ягодинский. – Вологда, 1946. – Вып. 3, ч. 2. – С. 77–86.

232. Ларина, Т. И. Трансонимизация имён собственных в публицистике [Текст] / Т. И. Ларина // Язык. Общество. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы Международной научной конференции (Гродно, 20-21 марта 2012 г.). В 2 ч. Ч 1 / ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно : ГрГУ, 2012. – С. 356–361.

233. Латыпов, Дж. Топонимия города Маргилана и его окрестностей [Текст] / Дж. Латыпов. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1975. – С. 18.

234. Ларин, Б.А. История русского литературного языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. - 224 с.

235. Левицкий, А. Э. Коммуникативные стереотипы в межкультурной коммуникации [Текст]/ А. Э. Левицкий // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – № 2. – Том 24 (63). Ч. 1. – С. 130–134.

236. Левицкий, Ю. А. Категоризация, модификация и транспозиция [Текст] / Ю. А. Левицкий // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке : межвуз. сб. науч. трудов. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1977. – С. 3–13.

237. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 308 с.

238. Лекант, П. А. Грамматические категории слова и предложения [Текст] / П. А. Лекант. – М. : Изд-во МГОУ, 2007. – 215 с.

239. Лекарева, И. Н. О связях номинации, транспозиции и семантической трансформации в истории лексики русского языка [Текст]/ И. Н. Лекарева // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : труды и материалы второй Всероссийской научно-практической конференции (30 сентября – 2 октября 2010 года). – Тюмень : Мандр и Ка, 2010. – Ч. 1. – С. 105–107.

240. Лешка, О. Иерархия ярусов строя языка и их перекрывание [Текст] / О. Лешка // Лингвистика XX века: система и структура языка : [хрестоматия] / сост. Е. А. Красина. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004. – С. 255–262.

241. Лешка, О. К вопросу о частях речи в описательной грамматике славянских языков [Текст]/ О. Лешка // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. – М., 1974. – С. 31–38.

242. Лихачев, Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки [Текст]/ Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1985. – 575 с.

243. Ломоносов, М. В. Российская грамматика [Текст] / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7. Труды по филологии. – 996 с.

244. Лопатин, В. В. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология [Текст]/ В. В. Лопатин,

И. Г. Милославский, М. А. Шелякин / под. ред. В. В. Иванова. – М. : Русский язык, 1989. – 261 с.

245. Лопатин, В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке [Текст] / В. В. Лопатин // Русский язык. Грамматические исследования. – М., 1967. – С. 205–233.

246. Лукин, М. Ф. Критерии перехода частей речи [Текст] / М. Ф. Лукин // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 49–56.

247. Лукин, М. Ф. Морфология современного русского языка [Текст] / М. Ф. Лукин. – М. : Просвещение, 1973. – 232 с.

248. Лукин, М. Ф. О номинативно-грамматическом принципе классификации частей речи в современном русском языке [Текст] / М. Ф. Лукин // Русский язык в школе. – 1992. – № 1. – С. 82–87.

249. Лукин, М. Ф. О специфике перехода одних частей речи в другие [Текст] / М. Ф. Лукин // Питання словотвору східнослов’янських мов. – К. : АН УССР, 1969. – С. 26–28.

250. Лукин, М. Ф. Переход слов из одной части речи в другую и их трансформационные причинно-следственные связи в современном русском литературном языке [Текст] / М. Ф. Лукин // Проблемы словообразования русского и украинского языков. – Киев–Донецк, 1976. – С. 5–33.

251. Лукин, М. Ф. Переход частей речи или их субституция? [Текст] / М. Ф. Лукин // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1982. – № 2. – С. 78–80.

252. Лукин, М. Ф. Переход частей речи – лексико-грамматическая субституция [Текст] / М. Ф. Лукин // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : тезисы докл. респ. конференции, Гродно, 26–28 мая 1982 г. : в 2-х ч. / Институт языкознания

им. Якуба Коласа АН БССР, Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы ; отв. ред. В. М. Никитевич. – Гродно, 1982. – Ч. 1. – С. 81–83.

253. Лукин, М. Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке : учеб.пособие [Текст] / М. Ф. Лукин. – Донецк, 1973. – 100 с.

254. Лыкова, Н. А. Типы преобразований русского слова : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Н. А. Лыкова. – Краснодар, 2003. – 20 с.

255. Лыкова, Т. В. Лексико-семантические факторы, способствующие адвербиализации деепричастий [Текст] / Т. В. Лыкова // Очерки по лексике и фразеологии. – Ростов-на-Дону, 1976. – С. 31–38.

256. Мазанько, И. Ф. О переходности, словообразовании и их соотношении в изучении наречий [Текст] / И. Ф. Мазанько, Л. Б. Ефимова // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. трудов. – М. : Прометей, 1991. – С. 69–78.

257. Макаров, В. И. А. А. Шахматов : пособие для учащихся [Текст] / В. И. Макаров. – М. : Просвещение, 1981. – 159 с. – (Люди науки).

258. Малаховский, Л. В. Омонимия как абсолютная лингвистическая универсалия [Текст] / Л. В. Малаховский // Иностранные языки в высшей школе. – М. : Высшая школа, 1977. – Вып. 12. – 159 с.

259. Малаховский, Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии [Текст] / Л. В. Малаховский. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1990. – 239 с.

260. Маловицкий, Л. Я. Переходность как отражение исторических изменений в языке [Текст] / Л. Я. Маловицкий // Семантика переходности : сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. – С. 17–23.

261. Марченко, О. Ю. Фонемна дистрибуція: історія вивчення : автореф. дис. на здобуття наук.ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» [Текст] / О. Ю. Марченко. – Донецьк, 2013. – 20 с.

262. Маулер, Ф. И. Грамматическая омонимия в современном английском языке [Текст] / Ф. И. Маулер. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1983. – 136 с.

263. Мединська, Н. М.Особливості семантики предметних та ознакових слів [Текст] / Н. М. Мединська // StudiaLinguistica. – 2010. – Вип. 4. – С. 96–103.

264. Мельничук, А. С. Взаимодействие грамматических единиц различных уровней в рамках предложения [Текст] / А. С. Мельничук // Единицы различных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М. : Наука, 1969. – С. 161–176.

265. Мельчук, И. А. Конверсия как морфологическое средство [Текст] / И. А. Мельчук // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1973. – Т. XXXII, вып. 1. – С. 15–28.

266. Меркулова, М. Г. Морфологическая транспозиция в современном русском языке : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / М. Г. Меркулова. – М., 1997. – 17 с.

267. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка [Текст] // О. Д. Мешков. – М. : Наука, 1976. – 245 с.

268. Мигирин, В. Н. Лингвистика естественных элементарных процессов / В. Н. Мигирин // Граматичні та лінгвістичні студії з української та російської мов. – К. : Наукова думка, 1965. – С. 56–69.

269. Мигирин, В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке : учеб.пособие [Текст] / В. Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.

270. Мигирин, В. Н. Процессы переходности на уровне членов предложения [Текст] / В. Н. Мигирин // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1968. – № 2. – С. 41–52.

271. Милованова, М. С. Функциональные омонимы звуковых комплексов *против* / *напротив* и их грамматический статус : автореф. дисс. на

соискание учёной степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / М. С. Милованова. – М., 2004. – 20 с.

272. Михневич, А. Е. Конверсия в славянских и германских языках [Текст] / А. Е. Михневич // Всесоюзная конференция по славянско-германскому языкознанию, 22–25 мая 1965 г. / Акад. наук БССР, Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск, 1965. – С. 46–47.

273. Моисеев, А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском языке [Текст] / А. И. Моисеев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 208 с.

274. Моради, А. Трансонимизация в названиях торгового и ресторанного бизнеса г. Харькова [Текст] / А. Моради // Вестник Харьковского национального педагогического университет имени Г. С. Сковороды. – 2017. – № 1 (60). – С. 43–50.

275. Моради, А. Трансонимизация как один из путей создания эмпоронимов и трапезонимов [Текст] / А. Моради // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». – 2017. – № 11. – вип. 23 (1). – С. 91–99.

276. Мурзин, Л.Н. Парадигмы и классы слов // Типы языковыхпарадигм. Свердловск, 1990. - С. 6-12.

277. Мусатов, В. Н. Русский язык: Морфемика. Морфонология. Словообразование [Текст] / В. Н. Мусатов. – М. : Флинта; Наука, 2010. – 358 с.

278. Мынбаев, Н. Ж., Жумагулова, Ж. Ж., Кемелова, Ж. Б. Процесс трансонимизации в ономастике [Текст] / Н. Ж. Мынбаев, Ж. Ж. Жумагулова, Ж. Б. Кемелова // Современные проблемы науки и образования – 2013. – № 6. (приложение «Филологические науки»). – С. 9.

279. Мячина, А. В. К вопросу об обратном образовании слов в английском языке [Текст] / А. В. Мячина // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. – 1960. – № 20. – Вып. 4. – С. 124–148.

280. Назаренко, І. О. Транспозиція граматичних форм іменних частин мови : функціонально-семантичний аспект : дис. … кандидата філол. наук : 10.02.01 [Текст] / І. О. Назаренко. – Запоріжжя, 2009. – 221 с.

281. Наливайко, Ю. Ю. Синкретизм у системі членів речення : автореф. дис. на здобуття наук.ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» [Текст] / Ю. Ю. Наливайко. – Дніпропетровськ, 2007. – 18 с.

282. Налобина, Е. П. Деадъективные дериваты в современном немецком языке [Электронный ресурс] / Елена Петровна Налобина // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков’2012 :Международная научно-практическая Интернет-конференция. – Режим доступа :http://ffl.nspu.net/index.php/ru/ct-menu-item-1/ct-menu-item-3/ct-menu-item-5/127-2012

283. Немченко, В. Н. О разграничении частей речи в современном русском языке Текст. / В. Н. Немченко. — Горький : Изд-во ГГУ, 1975. – 79 с.

284. Немченко, В. Н. Функционирование научного термина «метод» в современной лингвистической литературе [Текст] / В. Н. Немченко // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2007. – № 6. – С. 278–281.

285. Никиенко, И. В. Конверсия (неаффиксальный категориальный переход) как способ слово- и синлексообразования [Текст] / И. В. Никиенко // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск, 2001. – С. 105–111.

286. Никитевич, В. М. Некоторые формализованные доказательства в теории взаимоперехода частей речи [Текст] / В. М. Никитевич // Республиканская межвузовская лингвистическая конференция : тезисы докладов. – Фрунзе, 1966. – С. 47–49.

287. Никитевич, В. М. О классификации единиц, выступающих в функции разных частей речи [Текст] / В. М. Никитевич // Филологический сборник. – Алма-Ата, 1967. – Вып. VI–VII. – С. 335–342.

288. Никитевич, В. М. Переход, конверсия и транспозиция [Текст] / В. М. Никитевич // Русское языкознание : сб. статей. – Алма-Ата : КГУ, 1971. – Вып. I. – С. 102–108.

289. Никитевич, В. М. Словообразование и транспозиция [Текст] / В. М. Никитевич // Филологический сборник. – Алма-Ата, 1971. – Вып. 10. – С. 94–103.

290. Николина, Н. А. Экспрессивные возможности транспозиции в художественной речи [Текст] / Н. А. Николина // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка : межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1988. – С. 116–131.

291. Новиков, Л. А. О лексико-семантическом способе словообразования в современном русском языке (словообразовательные модели, основанные на категории числа существительных) [Текст] / Л. А. Новиков // Вестник Моск. ун-та. Серия 7: филология, журналистика. – 1960. – № 1. – С. 33–46.

292. Новиков, Л. А. Семантика русского языка Текст. / Л. А. Новиков. М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.

293. Норманн, Б. Ю. К вопросу о категории переходности в славянских языках [Текст] / Б. Ю. Норман // Лексікологія і граматика : зб. арт. на беларус. і рус. мовах / пад рєд. Л. М. Шакуна і П. П. Шуби. – Мінск, 1969. – С. 93–103.

294. Овчаренко, В. М. Теорія «родовідного дерева» та «хвильова» теорія в українському мовознавстві (XIX ст. – 20-х–30-х рр. XX ст.) : автореф. дис. на здобуття наук.ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» [Текст] / В. М. Овчаренко. – Донецьк, 2003. – 20 с.

295. Орлов А.Е., Черемисина М.И. Контактные сочетания союзов и частиц в русском языке // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. - Новосибирск, 1980, С.208-223.

296. Ожоган, В. Партикуляція прономінативних слів [Текст] / В. Ожоган // Наукові записки. Серія: філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград : РВЦ КДПУ ім. Володимира Винниченка, 2000. – Вип. 23. – С. 81–89.

297. Орел, А. С. Історія фонологічних систем східнослов'янських мов: лінгвоісторіографічний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» [Текст] / А. С. Орел. – Донецьк, 2009. – 20 с.

298. Остапенко, С. А. Субстантивация как процесс взаимодействия грамматических классов слов и проблемы ее изучения [Текст] / С. А. Остапенко // Языковые категории и закономерности. Пути их системного изучения. Вопросы русского языка и литератруры : межвуз. сб. – Кишинев : Штиинца, 1990. – С. 38–45.

299. Отин, Е. С. Из заметок к лекциям по топонимике [Текст] / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник – Вып. 6. – Донецк : Донеччина, 2000 – С. 37–54.

300. Отин, Е. С. Из истории русской эргонимии [Текст] / Е. С. Отин // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Книга I. Часть I. Имя и культура. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 1993, С. 110–123.

301. Отин, Е. С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм [Текст] / Е. С. Отин // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинациию Сб. научн. статей. – Донецк: ДонГУ, 1993. – С. 83–94.

302. Отин, Е. С. Топонимическая метонимия (вид связи гидроним-ойконим) [Текст] / Е. С. Отин // Перспективы развития славянской ономастики / Е. С. Отин. – М., 1980. – С. 106.

303. Отін, Є. С. Що таке топоніміка (вступна лекція до спецкурсу з лінгвістичного краєзнавства) [Текст] / Є. С. Отін // Структура і функції ономастичних одиниць : Збірник наукових праць. – Донецьк : ДонГУ, 1992. – С. 4–23.

304. Отин, Е. С. Этнография имён [Текст] / Е. С. Отин – М., 1971. – ? с.

305. Павский, Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение первое [Текст] / Г. П. Павский. – Спб., 1841–1842. – 166 с.

306. Павский, Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Об именах существительных. – 2-е изд. [Текст] / Г. П. Павский. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 376 с.

307. Панова, Г. И. Морфология русского языка. Энциклопедический словарь-справочник [Текст] / Г. И. Панова. – М. : КомКнига, 2010. – 448 с.

308. Пасічник, І. А. Проблема транспозиції в лінгвістичній літературі [Текст] / І. А. Пасічник // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 82, т. 2. – С. 64–66.

309. Пасек, В. В. Некоторые вопросы конверсии [Текст] / В. В. Пассек // Вопросы языкознания. – 1957. – № 1. – С. 144–148.

310. Пауль, Г. П. Принципы истории языка [Текст] / Г. П. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 501 с.

311. Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. трудов. [Текст]. – М. : Изд-во «Прометей» МГУ им. В. И. Ленина, 1991. – 266, [1] с.

312. Перльмуттер, Л. Б. Переход прилагательных в существительные [Текст] / Л. Б. Перльмуттер // Русский язык в школе. – 1948. – № 1. – С. 12–20.

313. Пешкова, Л. Ф. О средствах транспозиции частей речи в существительные [Текст] / Л. Ф. Пешкова // Научные труды Кубанского ун-та. – Краснодар, 1975. – Вып. 197. – С. 148–159.

314. Пешковский, А. М. Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика [Текст] / А. М. Пешковский. – Л. – М. : Госиздат, 1925. – 192 с.

315. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. [Текст]. – 8-е изд., доп. / А. М. Пешковский.– М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

316. Пищальникова, В. А. Лев Владимирович Щерба [Текст] / В. А. Пищальникова, В. В. Потапов // Отечественные лингвисты XX века : сб. статей / отв. ред. Ф. М. Березин. – М. :ИНИОН РАН, 2003. – Ч. 3. – С. 123–148.

317. Плоткин, В. Я. 0 соотношении логического содержания и синтаксической структуры предложения. (Логическое содержание предложения и модальные слова). Уч. зап. Новосиб.пед.ин-та. Вып. 19. - Новосибирск, 1963. - с. 73-79.

318. Плунгян, В. А. Общая морфология. Текст. / В. А. Плунгян. - М.: Эдиториа УРСС, 2000. - 384 с.

319. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира.— М.: РГГУ, 2011. – 342 с.

320. Подкорытов, Г. А. О природе научного метода [Текст] / Г. А. Подкорытов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 224 с.

321. Подольская, Н. В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) [Текст] / Н. В. Подольская // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. –С. 43.

322. Подольская, Н. В. «Словарь русской ономастической терминологии» [Текст] / Н. В. Подольская. – АН СССР. Институт языкознания. – М. : Наука, 1978. – 199 с.

323. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию [Текст] / М. М. Покровский. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.

324. Поспелов, Н. С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции: материалы к курсам языкознания [Текст] / Н. С. Поспелов. – М. : Изд-во МГУ, 1954. – 36 с.

325. Постовалова, В. И. Историческая фонология и ее основания: опыт логико-методологического анализа [Текст] / В И Постовалова. – М. : Наука, 1978. – 203 с.

326. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – Т. 1/2. – 536 с.

327. Протченко, И. Ф. О субстантивированных прилагательных и причастиях со значением лица [Текст] / И. Ф. Протченко // Русский язык в школе. – 1958. – № 4. – С. 7–11.

328. Пузанко, Л. В. Семантико-функциональные особенности трансформантов, соотносительных с указательными местоимениями [Текст] / Л. В. Пузанко // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 240–243.

329. Разумов, Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII – XX веков (на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля): автореф. дис. … канд. филол. наук / Разумов Р. В. – Ярославль, 2003. – 24 с.

330. Рак, В. Д. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова и «Письмовник» Н. Г. Курганова [Текст] / В. Д. Рак // Ломоносов и книга. – Л. : БАН СССР, 1986. – С. 124–138.

331. Ракитина, Е. В., Шевелёва, Е. О. Топонимы Ишимского района, возникшие в результате трансонимизации [Текст] / Е. В. Ракитина,

Е. О. Шевелёва // Молодой ученый. – 2015. – №7. – С. 994–996 – URL https://moluch.ru/archive/87/16426/ (дата обращения: 24.06.2018).

332. Резунова, М. В. К проблеме переходности в языках [Текст] / М. В. Резунова // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение: научный журнал. – 2008. – Вып. 24. – С. 116–120.

333. Ремчукова, Е. Н. Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы [Текст] / Е. Н. Ремчукова // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании : колл.монография. – СПб. : Наука, 2000. – С. 79–92.

334. Ремчукова, Е. Н. Понятие транспозиции, ее разновидности и функции в современном русском языке (КЛЯ, разговорная речь и поэтический язык) [Текст] / Е. Н. Ремчукова // Труды по русской и славянской филологии. Новая серия. Лингвистика. – Тарту, 1997. – № 1. – С. 154–172.

335. Ривлина, А. А. Теоретическая грамматика английского языка : учеб.-метод. пособие [Текст] / А. А. Ривлина. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – 118 с.

336. Рождественский, Ю. В. Виноградовская школа в языкознании [Текст] / Ю. В. Рождественский // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов.энциклопедия, 1990. – С. 84–85.

337. Розанова, Т. С. К изучению проблемы частей речи в курсе «Современный русский язык» [Текст] / Т. С. Розанова // Из опыта преподавания русского языка в высшей школе. – Тула : Изд-во ТГПИ, 1973. – С. 40–63.

338. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имен [Текст] / Т. П. Романова // Вестник СамГУ. – 2007. - № 5/2 (55). – С. 204–214.

339. Рудницкая, Е. Я. Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография // Вопросы языкознания, 1994, № 1. – С. 114-125.

340. Русская грамматика. Т.1.— М.: Наука, 1982. — 784 с.

341. Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 704 с.

342. Салимова, Д. А. Части речи в разноструктурных языках : системно-функциональный подход на материале татарского и русского языков : автореф. дисс. на соискание учен.степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык»; 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (татарский язык)» [Текст] / Д. А. Салимова. – Елабуга, 2001. – 44 с.

343. Салимова, Д. А. Еще раз о служебных словах// Русский язык в школе: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской конференции 13-15 марта 2001 г. Казань: Изд-во ИПКРО, 2001. - С. 98-100.

344. Селиванова, Е. А. Когнитивно-функциональный аспект русских частей речи [Текст] / Е. А. Селиванова // Вісник Черкаського ун-ту. Сер.філолог. наук. – 2002. – Вип. 29. – С. 3–14.

345. Селіванова, О. О. Лінгвістична енциклопедія [Текст] / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

346. Семиколенова, Е. И. Морфематические транспозиции в лексической системе русского глагола : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Е. И. Семиколенова. – М., 1986. – 16 с.

347. Сергеева, Г. Н. Адвербиальные предложно-падежные формы в современном русском языке (к вопросу о переходных явлениях в области частей речи) : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Г. Н. Сергеева. – М., 1969. – 17 с.

348. Сеше, А. Очерк логической структуры предложения ; пер. с франц. [Текст] / А. Сеше. – М. : УРСС, 2003. – 222 с.

349. Сидоренко, Е. Н. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов [Текст] / Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко. – Симферополь, 1993. – 94 с.

350. Сидоренко, Е. Н. Учебный толково-грамматический словарь функциональных омонимов. Диахронная трансформация и функциональная омонимия (теоретический материал) [Текст] / Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко. – Симферополь: Крымское учеб.-педаг. гос. изд-во, 2006. – Ч. 1. – 112 с.

351. Сидоренко, Е. Н. Функциональные омонимы в лексикографической практике (на материале русского языка) [Текст] / Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 60. – Т. 3. – С. 18–22.

352. Сидоренко, Е. Н. Части речи и контаминанты в современном русском языке (к постановке проблемы) [Текст] / Е. Н. Сидоренко // Русское языкознание. – К. : Вища школа, 1882. – Вып. 4. – С. 58–64.

353. Сидоренко, Е. Н. Эргонимизация различных видов онимов (на материале эргообъектов Донецкого региона) [Текст] / Е. Сидоренко // Теоретические и прикладные проблемы современной филологии. – год – Вып. 1. – С. 115–122.

354. Сидоренко, Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. Текст. / Е. Н. Сидоренко. — Киев, Одесса : Лыбидь, 1990. — 148 с.

355. Сидоренко, Е.Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка (части речи и контаминанты). Текст./ Е. Н. Сидоренко. – Симферополь, 2005. – 346 с.

356. Ситько, Ю. Л. Бытование функционально-прагматической методологии в отечественном языкознании 60-х годов XIX века – I половины XX века

(на примере понятия части речи) [Текст] / Ю. Л. Ситько. – Севастополь : Рибэст, 2007. – 140 с.

357. Скороглядов, О. В. Переходность частей речи в современном русском языке [Текст] / О. В. Скороглядова // Русский язык и литература в азербайджанской школе : приложение к журналу «Азербайджан мектеби». – Баку, 1952. – Вып. 7. – С. 3–29.

358. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1956. – 260 с.

359. Смирницкий, А. И. По поводу конверсии в английском языке [Текст] / Александр Иванович Смирницкий // Русский язык в школе. – 1954. – № 3. – С. 12–24.

360. Смирнова, Е. В. Окказиональные субстантиваты: структура, семантика, функционирование : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Е. В. Смирнова. – Тюмень, 2007. – 24 с.

361. Смольянинова, М. И. Субстантивация причастий в современном русском языке : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / М. И. Смольянинова. – Москва, 1970. – 16 с.

362. Соболева, П. А. Омонимия лексическая, словообразовательная и грамматическая [Текст] / П. А. Соболева // Ученые записки Ташкентского пединститута. – Ташкент, 1975. – С. 87–96.

363. Соболева, П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия [Текст] / П. А. Соболева. – М. : Наука, 1980. – 295 с.

364. Соколова, Г. Г. Транспозиция прилагательных и существительных : пособие по лексикологии французского языка [Текст] / Г. Г. Соколова. – М. : Высшая школа, 1973. – 175 с.

365. Соколов, О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. М.: РУДН, 1997. – 203 с.

366. Соколова, Т. И. Морфологические концепты и терминологическая система их в грамматических исследованиях Н. И. Греча : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Т. И. Соколова. – Волгоград, 2009. – 17 с.

367. Стеблин-Каменский, М. И. К вопросу о частях речи [Текст] / М. И. Стеблин-Каменский // Спорное в языкознании. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. – С. 19–34.

368. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.

369. Степанова, М. Д. Вопросы лексико-грамматического тождества (на материале современного немецкого языка) [Текст] / М. Д. Степанова // Вопросы языкознания. – 1967. – № 2. – С. 89–97.

370. Стернина, М. А. Лексико-грамматическая полисемия и переход частей речи [Текст] / М. А. Стернина // Языковые единицы в системе языка и в тексте. – Воронеж, 1991. – С. 24–32.

371. Суник, О. П. Общая теория частей речи [Текст] / О. П. Суник. – М. : Наука, 1966. – 129 с.

372. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст]. – М. : Наука, 1973. – 358 с.

373. Суперанская, А. В. Теория и методика ономастических исследований [Текст] / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов; отв. ред. А. П. Непокупный. – 2-е изд. – Москва: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

374. Суперанская, А. В., Подольская, Н. В., Васильева, Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева // М. : Наука, 1989. – С. 46–47.

375. Супрун, А. Е. Части речи в русском языке [Текст] / А. Е. Супрун. – М. : Просвещение, 1971. – 135 с.

376. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

377. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса ; пер. с франц. [Текст] / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.

378. Тихомирова, Т. С. К вопросу о переходности частей речи [Текст] / Т. С. Тихомирова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1973. – № 5. – С. 78–87.

379. Тихонов, А. Н. Русский глагол. Проблемы теории и лексикографирование. М.: Academia, 1998. - 137 С.

380. Тростенцова, Л. А. Н. И. Греч [Текст] / Л. А. Тростенцова // Русский язык в школе. – 1997. – № 3. – С. 54–59.

381. Тюкинеева, О. В. История формирования семантики слов категории состояния в русском языке XI – XVII вв. : на материале исторических словарей русского языка : дисс. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / О. В. Тюкинеева. – Иркутск, 2005. – 225 с.

382. Улуханов, И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1996.-221 с.

383. Улуханов, И. С.Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания [Текст] / И. С. Улуханов. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 264 с.

384. Уорс, Д. С. Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке [Текст] / Д. С. Уорс // Новое в лингвистике. – 1962. – Вып. 2. – С. 637–683.

385. Усова, Н. В. Превращение имени (к вопросу онимогенеза) [Текст] / Н. В. Усова // Восточноукраинский лингвистический сборник им.

Е. С. Отина : Выпуск первый (шестнадцатый). Сборник научных трудов. – Вып. 1 (16) // редколлегия: В.М. Калинкин (отв. ред.) и др. – Донецк : Издание Лаборатории прикладного языкознания и медицинской лексикографии Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького, 2018. – С. 303–311.

386. Учебные пособия по синтаксису и темы для семинарских сочинений, рекомендованные акад. А. А. Шахматовым (публикация Э. И. Коротаевой) [Текст] // Вопросы языкознания. – 1973. – № 6. – С. 110–119.

387. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. – 147 с.

388. Фетисова, С. И. Трансформация как способ словопроизводства [Текст] / С. И. Фетисова // Научно-техническая информация Курского пединститута. – Курск, 1980. – Т. 205. – С. 69–73.

389. Фєфєлова, В. В. Частиномовна класифікація з позиції когнітивної лінгвістики [Текст] / В. В. Фєфєлова // Східнослов’янська філологія : зб. наук.праць. Мовознавство. – Горлівка : Вид-во ГДПІІМ, 2009. – Вип. 16. – С. 117–127.

390. Фоминых, Л. С. Переходные явления в морфологии [Электронный ресурс] / Л. С. Фоминых // Филолог. Научно-методический, культурно-просветительский журнал Пермского гос. пед. ун-та. – 2009. – № 8. – Режим доступа :htth://philolog.pspu.ru

391. Французова, Н. П. Исторический метод в научном познании (вопросы методологии и логики исторического исследования) [Текст] / Н. П. Французова. – М. : Мысль, 1972. – 303 с.

392. Фрей, А. Грамматика ошибок ; пер. с франц. [Текст] / А. Фрей. – М. : КомКнига, 2006. – 304 с.

393. Фысина, У. Н. Субстантиваты в русском языке (стилистический и семантический аспекты) : автореф. дисс. на соискание ученой степени

канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / У. Н. Фысина. – Москва, 2007. – 21 с.

394. Харрис, З. С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре [Текст] / З. С. Харрис // Новое в лингвистике. – М., 1961. – Вып. 2. – С. 37–51.

395. Хачирова, Е. М. Субстантивация глаголов и имен прилагательных в карачаево-балкарском языке : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.02 [Текст] / Е. М. Хачирова. – Карачаевск, 2003. – 164 с.

396. Холодов, О. В. Теоретичні проблеми дослідження субстрату в європейському мовознавстві XIX – XX ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» [Текст] / О. В. Холодов. – Донецьк, 2008. – 20 с.

397. Холодова, Н. В. Морфологічна класифікація мов у лінгвістиці XIX – XX ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» [Текст] / Н. В. Холодова. – Донецьк, 2010. – 20 с.

398. Хомский, Н. Язык и мышление [Текст] / Н. Хомский ; [под ред. В. В. Раскина ; пер. с англ. Б. Ю. Городецкого]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 126 с.

399. Цымбалюк, Е. В. Модель «предлог-приставка» в свете теории межуровневой омонимии [Текст] / Е. В. Цымбалюк // Мова і культура : науковий журнал / за ред. О. Г. Бураго. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – Вип. 15, т. II (156). – С. 135–142.

400. Черкасова, Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги [Текст] / Е. Т. Черкасова. – М. : Наука, 1967. – 280 с.

401. Чеснокова, Л. Д. Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма [Текст] / Л. Д. Чеснокова // Переходность и синкретизм в языке и речи : межвуз. сб. науч. трудов. – М. : Прометей, 1991. – С. 44–54.

402. Чигирь, Л. И. Переход одной части речи в другую. Некоторые вопросы правописания [Текст] / Л. И. Чигирь. – М. : Либроком, 2011. – 128 с.

403. Чуб, Т. В. Трансонимизация как явление языка и средство поэтики онимов [Текст] / Т. В. Чуб // Λογος όνομαστική (Научный журнал). – 2006. – № 1. – С. 121–126.

404. Шалифова, О. Н., Семантическая транспозиция как способ образования лексических значений / О. Н. Шалифова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Серия: филология. – 2011. – Т. 13, № 2 (4). – С. 994–997.

405. Шапиро, А. Б. А. М. Пешковский и его «Русский синтаксис в научном освещении» [Текст] / А. Б. Шапиро // Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 3–6.

406. Шапорева, О. А. Субстантиваты со значеним лица в церковнославянских акафистах [Текст] / О. А. Шапорева // Вестник ПСТГУ. III : Филология. – 2010. – Вып. 2 (20). – С. 42–59.

407. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов ; вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова ; редакция и комментарии проф. Е. С. Истриной. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

408. Шахматов, А. А. Учение о частях речи. – 2-е изд., стереотип. ; вступ. статья В. В. Виноградова [Текст] / А. А. Шахматов. – М. : КомКнига, 2006. – 272 с.

409. Шендельс, Е. И. О грамматической омонимии [Текст] / Е. И. Шендельс // Иностранные языки в школе. – 1955. – № 6. – С. 15–25.

410. Шендельс, Е. И. Транспозиция морфологических форм (на материале немецкого языка) [Текст] / Е. И. Шендельс // Иностранные языки в школе. – М., 1964. – Вып. 3. – С. 104–110.

411. Шигуров, В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (материалы к транспозиционной грамматике русского языка) [Текст] / В. В. Шигуров. – М. : Academia, 2009. – 463 с.

412. Шигуров, В. В. О месте предикативации в системе транспозиционных процессов на уровне частей речи [Текст] / В. В. Шигуров // Русский язык: исторические судьбы и современность : материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка, филол. фак-т МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, 20–23 марта 2010 г. – М., 2010. – С. 43–44.

413. Шигуров, В. В. О механизме частеречной транспозиции в русском языке [Текст] / В. В. Шигуров // Русский язык в контексте национальной культуры : материалы Всероссийской научной конференции, г. Саранск, 24–26 мая 2007 г. – Саранск, 2008. – С. 8–16.

414. Шигуров, В. В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении : учеб.пособие [Текст] / В. В. Шигуров. – Саранск : Изд-во Сарат. ун-та, 1988. – 88 с.

415. Шигуров, В. В. Словоформа «горько» в аспекте частеречной транспозиции: адвербиализация, предикативация, интеръективация и вербализация [Текст] / В. В. Шигуров // Научное обозрение. – М., 2005. – № 6. – С. 160–168.

416. Шипнівська, О. О. Структурно-семантичні та функціональні характеристики міжчастиномовної морфологічної омонімії : автореф. дис. на здобуття наук.ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» [Текст] / О. О. Шипнівська. – К., 2007. – 20 с.

417. Шитик, Л. В. Феномен синкретизму в проекції на мовному рівні [Текст] / Л. В. Шитик // Вісник Черкаського університету. Серія «Філологічні науки». – Черкаси, 2009. – Вип. 169. – С. 132–146.

418. Шмелев, Д. Н. Избраные труды по русскому языку [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 888 с.

419. Штайн, К. Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка [Текст] / К. Э. Штайн // Языковая деятельность : переходность и синкретизм. – М. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. – С. 11–26.

420. Штайн, К. Э. Теория переходности языковых явлений В. В. Бабайцевой в свете логики «нечетких множеств» [Текст] / К. Э. Штайн // Бабайцева В. В. Избранное. 1955–2005 : сб. науч. и науч.-метод. статей / под ред. проф. К. Э. Штайн. – М. – Ставрополь, 2005. – С. 468–475.

421. Штинова, Г. Н. Социальное образование в России : теоретико-методологические аспекты : моногрфия / Г. Н. Штинова. – М., 2001. – 201 с.

422. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 63–84.

423. Щерба, Л. В. Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке [Текст] / Л. В. Щерба // Вопросы языкознания. – 1963. – № 5. – С. 89–93.

424. Щеулин, В. В. Хрестоматия по истории грамматических учений в России [Текст] / В. В. Щеулин, В. И. Медведева. – М. : Высшая школа, 1965. – 355 с.

425. Щур, Г. С.Теория поля в лингвистике [Текст] / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 256 с.

426. Яковенко, М. В. Абсолютная межвидовая трансонимизация [Текст] / М. В. Яковенко // Восточноукраинский лингвистический сборник : вып. 2. – Донецк : Донеччина, 1996. – С. 74–83.

427. Яковенко, М. В. Трансонимизация в свете общей теории номинации [Текст] / М. В. Яковенко // Восточноукраинский лингвистический сборник : вып. 11. – Донецк, 2007. – С. 133–139.

428. Ярошенко, Н. А. Логинонимы как особый класс имен собственных (результаты трансонимизации) [Текст] / Н. А. Ярошенко // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках (Материалы IV Междунар. научной конференции). Днепропетровск, 2009. – С. 226–227.

429. Яцкевич, Л. Г. О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи [Текст] / Л. Г. Яцкевич // Научные доклады высшей школы. Филологическиенауки. – 1977. – № 4. – С. 101–106.

430. Bally, Ch. La pensée et la langue / Ch. Bally // Bulletin de la société de linguistique de Pans. – 1922. – T. XXIII. – P. 1–6.

431. Doculil, M. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov / M. Doculil. – Praha : Nakl. Č. akad. věd., 1962. – Sv. 1. – 263 s. – (Резюме на русском языке).

432. Dubois J. Grammaire structurale du français: nom et pronom / J. Dubois. – Paris : Librairie Larousse, 1965. – 187 p.

433. Dubois, J. Grammaire structurale du français. La phrase et les transformations / J. Dubois. – Paris : Librairie Larousse, 1969. – 187 p.

434. Eastwood, J. Oxford Practice Grammar / J. Eastwood. – Oxford University Press, 2002. – 432 p.

435. Frei, H. Interrogatif et indéfin / H. Frei. – P. : Geutlmer, 1940. – 16 p.

436. Frei, H. La grammaire des fautes / H. Frei. – P. : Geufhner, 1929. – 317 p.

437. Frei, H. Syntaxe et méthode en linguistique synchronique / H. Frei // Enzyklopädie der geisteswissenschaftlichen Arbeitsmethoden. – München-Wien-Olden-bourg, 1968. – IV. – S. 39–63.

438. Henzen, W. Deutsche Wortbildung / W. Henzen. – Tubingen : Niemeyer, 1965. – 314 s.

439. Leška, O. K otazce tzv transpozice / O. Leška // Rusko-česke studie. Sbornik Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literature. II. – Praha, 1960. – S. 43–46.

440. Marchand, H. The Categories and Types of Present Day English word-formation. – ed. 2 / H. Marchand. – Munchen, 1969. – 156 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Термины для обозначения явления ТЧР в схемах и таблицах[97]

1 группа. Ключевое слово ***переход*** (или производное – ***переходный***)

1) переход; 2) переход слов; 3) переход частей речи; 4) переход в сфере частей речи; 5) переход в системе частей речи; 6) переход одной части речи в другую; 7) переход слов из одной части речи в другую; 8) переход одной части речи в другую; 9) переход одних частей речи в другие; 10) переход в другую часть речи; 11) переход слов разных частей речи; 12) переход слов и словоформ из одной части речи в другую; 13) переход слов из одного лексико-грамматического класса в другой; 14) частеречный переход; 15) межчастеречный переход; 16) межкатегориальный переход; 17) категориальный переход; 18) индивидуальный переход слова из одной части речи в другую; 19) морфологический переход; 20) транспозиционный переход; 21) транспозиционный переход слов; 22) функциональный переход; 23) синтаксический переход; 24) переход лексемы из класса в класс; 25) переход категорий слов; 26) переход категорий слов с изменением их парадигмы; 27) переход категорий слов без изменения их парадигмы; 28) процесс перехода категорий слов; 29) процессы перехода одной части речи в другую; 30) процесс (ы) перехода из одной части речи в другую; 31) процесс (ы) перехода; 32) процесс (ы) перехода слов из одного лексико-грамматического разряда в другой; 33) явление перехода; 34) явление

[97]Отдельные термины можно включить в разные группы, например: взаимодействие частей речи и явления перехода в их системе [Группы 1,7]); процесс взаимодействия и перехода в системе частей речи [Группы 1, 7]; транспозиционные процессы [Группа 3] и транспозиционное словообразование [Группа 4] и др.

перехода в другую часть речи; 35) явление перехода частей речи друг в друга; 36) явление перехода (из) одной части речи в другую; 37) явление перехода одного грамматического класса слов в другой; 38) переходные случаи в сфере частей речи; 39) переходные факты в области частей речи; 40) переходные явления; 41) переходные явления в системе частей речи; 42) переходные явления в сфере частей речи; 43) переходные явления среди частей речи; 44) переходные явления в морфологии; 45) взаимопереход частей речи; 46) взаимопереход; 47) взаимопереход одной части речи в другую.

2 группа. Ключевое слово ***переходность***

1) переходность; 2) морфологическая переходность; 3) переходность на морфологическом уровне; 4) переходность на уровне частей речи; 5) переходность частей речи; 6) переходность в сфере частей речи; 7) переходность в системе частей речи и контаминантов; 8) переходность в сфере частей речи и контаминантов; 9) переходность слов из одного лексико-грамматического разряда в другой; 10) переходность единиц одного грамматического класса в другой 11) грамматическая переходность; 12) грамматическая переходность частей речи; 13) явления грамматической переходности; 14) синхронная переходность; 15) диахронная переходность; 16) индивидуальная переходность; 17) индивидуальная переходность в морфологии; 18) частеречная переходность; 19) переходность в свете общей теории частей речи; 20) переходность в грамматическом строе языка; 21) межуровневая переходность; 22) полипереходность; 23) случаи переходности в сфере частей речи; 24) процессы переходности; 25) процессы переходности в области частей речи; 26) процессы переходности среди частей речи; 27) явление (явления) переходности; 28) явление переходности в системе частей речи; 29) явление переходности в сфере частей речи; 30) явления переходности частей речи; 31) явления переходности в морфологическом строении языка; 32) явления переходности в морфологии.

3 группа. Ключевое слово ***транспозиция***

(или производное – **транспозиционный**)

1) транспозиция; 2) функциональная транспозиция; 3) транспозиция частей речи; 4) транспозиция на уровне частей речи; 5 ранспозиция на уровне лексико-грамматических разрядов слов; 6) транспозиция единицы одной части речи в другую; 7) транспозиция языковых единиц в системе частей речи; 8) транспозиция одной части речи в другую; 9) транспозиция среди частей речи; 10) частеречная транспозиция; 11) межчастеречная транспозиция; 12) межчастеречная транспозиция морфологических единиц; 13) межчастеречная транспозиция в области морфологии; 14) грамматическая транспозиция; 15) лексико-грамматическая транспозиция; 16) морфологическая транспозиция; 17) межкатегориальная транспозиция; 18) межкатегориальная транспозиция морфологических единиц; 19) эксплицитная транспозиция; 20) имплицитная транспозиция; 21) синтагматическая транспозиция; 22) синтаксическая транспозиция; 23) функционально-семантическая транспозиция; 24) транспозиция морфологических форм; 25) взаимонаправленная деривационная транспозиция; 26) транспозиционные процессы; 27) транспозиционные процессы на уровне частей речи; 28) транспозиционные процессы в рамках различных частей речи; 29) транспозиционные процессы в системе частей речи; 30) транспозиционные преобразования; 31) транспозиционные изменения; 32) транспозиционные перемещения.

4 группа. Ключевое слово **словообразование**

1) морфолого-синтаксический тип словообразования (морфолого-синтаксическое словообразование); 2) синтаксическо-морфологический тип словообразования (синтаксическо-морфологическое словообразование); 3) морфологически-синтаксическое словообразование; 4) лексико-семантическое словообразование; 5) синтаксическое словообразование; 6) лексико-синтаксическое словообразование; 7) транспозиционное

словообразование; 8) имплицитное словообразование; 9) морфологическое словообразование; 10) морфолого-синтаксисо-семантический способ словообразования; 11) безаффиксное словообразование; 12) нулевая суффиксация; 13) невыраженная производность; 14) обратное словообразование.

5 группа. Ключевое слово ***трансформация***

1) трансформация; 2) трансформация в сфере частей речи; 3) трансформации в сфере грамматических категорий; 4) трансформация частей речи; 5) грамматическая трансформация; 6) диахронная трансформация; 7) семантическая трансформация; 8) функциональная трансформация; 9 явления трансформации; 10) явления трансформации среди частей речи; 11) трансформационные процессы.

6 группа. Ключевое слово ***деривация***

1) деривация; 2) синтаксическая деривация; 3) частеречная деривация; 4) межчастеречная деривация; 5) несобственно деривация; 6) транспозитивная деривация; 7) морфолого-синтаксическая деривация; 8) деривация с помощью нулевой морфемы.

7 группа. Ключевое слово ***взаимодействие***

1) межкатегориальное взаимодействие; 2) межчастеречное взаимодействие; 3) взаимодействие частей речи и явления перехода в их системе; 4) процесс взаимодействия и перехода в системе частей речи; 5) взаимопроникновение; 6) явление взаимонаправленного порождения слов разных частей речи.

8 группа. Ключевое слово **трансориентация**

1) функциональная трансориентация; 2) функциональная трансориентация лингвальных единиц; 3) явление функциональной трансориентации лингвальных единиц; 4) трансориентация лингвальных единиц.

9 группа. Ключевое слово **омонимия**

1) грамматическая омонимия; 2) межчастеречная морфологическая омонимия; 3) межчастеречная омонимия.

10 группа. Т. н. ***индивидуальные термины***

1) **конверсия**[98]; 2) **синкретизм**; 3) замена частей речи; 4) морфологизация; 5) частеречная морфологизация; 6) перемещение; 7) перемещение слов из одной части речи в другую; 8) категориальное перерождение слова; 9) процессы перерождения одних частей речи в другие; 10) процесс категориального преобразования слова; 11) транзитивность; 12) трансляция; 13) межкатегориальные связи в частях речи; 14) перекатегоризация слова; 15) функциональная модификация лингвальных единиц; 16) функциональная переориентация; 17) функциональная переориентация языковых единиц; 18) транскатегоризация; 19) трансфигурация; 20) субституция; 21) лексико-грамматическая субституция; 22) миграция частей речи; 23) транспонирование; 24) “перетягивание” частей речи из одной в другую; 25) контаминация; 26) интеграционные процессы; 27) грамматическая гибридизация; 28) перевод слов с одной лексико-грамматической категории в другую; 29) конвертация частей речи; 30) конвертация различных частей речи; 31) функциональная взаимозаменяемость частей речи; 32) функциональное уподобление одних частей речи другим; 33) эквивалентность; 34) переходимость; 35) гипостазиз; 36) метабазис; 37) прономинализация.

ТАБЛИЦА 1. Количественный состав терминов для обозначения явления ТЧР

№	Ключевое слово	Количество терминов	Проценты
1.	Переход	47	24,2 %
2.	Переходность	32	16,5 %

[98]Жирным шрифтом выделены общеупотребительные термины.

3.	Транспозиция	32	16,5 %
4.	Словообразование	14	7,2 %
5.	Трансформация	11	5,7 %
6.	Деривация	8	4,1 %
7.	Взаимодействие	6	3,1 %
8.	Трансориентация	4	2,1 %
9.	Омонимия	3	1,5 %
10.	Индивидуальные	37	19,1 %
ВСЕГО		**194**	**100 %**